

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРМЬ

16+

№ 36

ПЕРМЬ 2025

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРМЬ

№ 36

ПЕРМЬ • 2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)64я54
Л55

Лауреат премии
Пермского края
в сфере культуры и искусства
за 2014 год

Альманах «Литературная Пермь» издаётся
Пермской краевой общественной (профессиональной)
организацией Союза писателей России при поддержке
Министерства культуры Пермского края.

Электронная версия альманаха писателей Пермского края
«Литературная Пермь» в рамках проекта
«Пермская библиотека» подготовлена при поддержке
Министерства культуры Пермского края (<https://mk.permkrai.ru/>).

**ПКОО «Союз писателей России» благодарит галерею «Марис-Арт»
за содействие в оформлении альманаха.**

Редакционная коллегия:
Главный редактор — В. А. Богомолов
Отдел поэзии — Н. Н. Глумов
Отдел прозы — М. К. Дуленцов
Отдел международных связей — И. Н. Тюленев
Отдел детской литературы — А. С. Зеленин

Л55 **Литературная Пермь** : альманах. — Пермь : ПКОО «Союз писателей
России», 2025. — 110 с. — (вып. 36).
ISBN 978-5-6052610-3-2.

В оформлении альманаха использованы работы члена Союза художников
СССР **Петра ОБОРИНА**.

На обложке — «Сломанная берёза», 1970-е. Бумага, гуашь. Частное собрание.

На шмуцтитуле части 1 — «Берлин наш!». Эскиз плаката, 1945. Бумага, гуашь. Частное собрание.

На шмуцтитуле части 2 — «Северный завоз», 1981. Бумага, уголь. Частное собрание.

На шмуцтитуле части 3 — иллюстрация к авторской книге стихов «Рефлексии», 1998. Бумага, уголь. Частное собрание.

ISBN 978-5-6052610-3-2

© Пермская краевая общественная
(профессиональная) организация
Союза писателей России, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

РОДИНА

9 мая 2025 г. — 80-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне

Николай ДОМОВИТОВ. ВОТ Я ВИЖУ ЛЮБАНЬ
И СОЖЖЁННУЮ МГУ. Стихи

5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПРОЗА

РОДИНА

9 мая 2025 г. — 80-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне

Татьяна САВЕЛЬЕВА. ПРУТИК, ДРОЖАЩИЙ НА ВОДЕ. Рассказ

8

ЗЕМЛЯ

9 мая 2025 г. — 80-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне

Владимир ГЛАДЫШЕВ. МАТРОСЫ ПАЛУБУ ГРЫЗУТ. Очерк

17

ПОЭЗИЯ

ЗЕМЛЯ

Фёдор ВОСТРИКОВ. МЕДЛЕННО ВОРОЧАЕТСЯ КАМА
В БЕРЕГАХ ОТ ОСЕНИ ПУСТЫХ. Стихи

12

9 мая 2025 г. — 80-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне

Тамара ГУЛЯЕВА. МИТИНГ ПАМЯТИ ПАВШИХ. Стихи

22

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ПРОЗА

ПИСАТЕЛИ ПАРМЫ. ЗЕМЛЯ

Михаил МАРТЫНОВ. ЛИДА. Рассказ

28

ЗЕМЛЯ

Юлия АНФЁРОВА. БАНЯ. Рассказ

33

Николай БАШМАКОВ. КУРКУЛЬ. Рассказ

53

ВРЕМЯ

Алексей МАЛЬЦЕВ. ЖЕНЩИНА ИЗ ПРОШЛОГО.

Отрывок из романа «Перчатки с пришитыми пальцами»

35

Максим ШАРДАКОВ. ОЛЕСЬКИНЫ СТРАХИ. Рассказ

48

ПОЭЗИЯ

ВРЕМЯ

Алексей ДУБРОВИН. ЖДЁМ И ВЕРИМ. Стихотворение

56

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ПРОЗА

ЗЕМЛЯ

К 60-летию героического полёта космонавтов А. А. Леонова и П. И. Беляева

Михаил ОРДЫНСКИЙ-ДАВИДОВ.

СТРАШНАЯ НОЧЬ В УСОЛЬСКОЙ ТАЙГЕ. Очерк

58

Алексей ДУБРОВИН. ШТАНГИСТ. Рассказ	87
Юлианна ВАДБОЛЬСКАЯ. НЕВЕСТА ВАКУЛЯ. Коми-пермяцкая быличка	91

ПИСАТЕЛИ ПАРМЫ. ЗЕМЛЯ

Василий КОЛЬЧУРИН. ВАНЬКА, НО НЕ ДУРАК. Рассказ	94
Елена РАМОС-ПАВЛОВА. ТАНЬКА. Рассказ	96

ПОЭЗИЯ

ПИСАТЕЛИ ПАРМЫ. ЗЕМЛЯ

Людмила СЕЛИНА. ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, РОДИМЫЙ ОТЧИЙ ДОМ! Стихи	84

Николай ДОМОВИТОВ

ВОТ Я ВИЖУ ЛЮБАНЬ И СОЖЖЁННУЮ МГУ. Стихи

УБЕЖАТЬ БЫ МНЕ В ЮНОСТЬ

Вот я вижу:
Стоят на крутом берегу
И глядятся в реку
Высоченные ели.

Убежать бы мне в юность,
А я не могу —
Замели все дороги
Слепые метели.

Вот я вижу Любань
И сожжённую Мгу,
И снимаю с ремня я
Пробитую фляжку.

Убежать бы мне в юность,
А я не могу —
Заросли блиндажи
Лебедой и ромашкой.

Вот я вижу друзей.
Мы лежим на снегу
И кричим, задыхаясь:
— Атака отбита!

Убежать бы к друзьям мне,
Да я не могу —
Я живой,
А друзья — из гранита.

Николай Фёдорович ДОМОВИТОВ (19.12.1918–15.07.1996, г. Пермь) родился в Петрограде. До войны окончил машиностроительный техникум, работал в редакции газеты Каспийского пароходства. В 1941 году ушёл на фронт, был тяжело ранен. Награждён орденом Отечественной войны II степени и восемью медалями. В 1943-м был репрессирован. После десятилетнего заключения в лагере отбывал пять лет поражения в правах на шахтах Донбасса, работал проходчиком, монтажником, после реабилитации снова в газетах. В 1961 году окончил заочно Литературный институт им. А. М. Горького. В августе 1969-го переехал в Пермь. Первое стихотворение было напечатано в 1937 году. Член Союза писателей СССР (1959). Лауреат областной премии им. А. Гайдара. Заслуженный работник культуры Российской Федерации (1994). Именная звезда на городской Аллее доблести и славы в Перми (2018).

РОССИИ

Я молод, мне счастья не надо иного.
Мне всё в этом мире пока по плечу.
Ударив нагайкой коня вороного,
С друзьями лихими в сраженьё лечу.
А конь подо мною храпит очумело,
В глазах его пляшет кровавая муть.
Со звоном встречает калёные стрелы
Моя защищённая панцирем грудь.
Лавиной несёмся навстречу хазарам,
Мы рубим, и колем, и прём напролом.
И вдруг затрещал под железным ударом
Мой старый, испытанный в битвах шолом.
На землю слетел он — помятый, пробитый —
И долго катился по кочкам, звеня.
А я, покачнувшись, упал под копыта,
И нет уже больше на свете меня.
Набилась в глаза мне солёная глина,
И меч я сжимаю холодной рукой,
И ветром степным боевая дружина
Уже навсегда пронеслась надо мной.
Храпят где-то тяжко уставшие кони
И чистую воду из Ителя пьют.
А завтра меня на парчовой попоне
К степному кургану друзья понесут.
Сам князь у кургана построит дружину
И скажет печально, взглянув на меня:
— Теперь положите к нему в домовину
Жену молодую, и меч, и коня...
И вздрогнет жена моя — ясная зорька.
И ляжет покорно в могилу со мной.
Не вскрикнет она, не расплачется горько,
Коль есть в нашем крае обычай такой.
А я оживу на мгновенье от боли,
И сердце опять вострепнётся в груди.
Потом посмотрю на широкое поле
И крикну я князю:
— А ну, погоди!
Пусть ноженьки в росах купает босые,
Пусть солнышко вечно сияет над ней.
Она не жена мне,
Она мне — Россия!
Ей нужно любить и рожать сыновей.

Часть 1

Татьяна САВЕЛЬЕВА

ПРУТИК, ДРОЖАЩИЙ НА ВОДЕ. РассказАнатолию Денисовичу Баяндину
посвящается.

Дорогой моему сердцу двухэтажный дом стоит на пригорке в селе Архангельское. Сейчас в здании находится музей, а раньше располагались учительские квартиры. Здесь, на первом этаже, в тот год, когда я пошла в школу, моим родителям выделили жильё. Дом стоит рядом с дорогой, которая лентой вьётся под гору и уходит в другие деревни. Спустя десятилетия, я стою на обочине этой дороги, только что прошёл сильный дождь. По обеим сторонам тракта, бурля и клокача, бегут ручьи. Мутная и холодная вода, стекая под гору, тащит на своей поверхности разный мусор: вот фантик от конфеты, а вот щепки и опил в большом количестве несутся в мутном потоке. Небольшой пруттик зацепился о камень, дрожит. Кажется, сейчас его унесёт сильным потоком воды, но нет, он держится, упёрся о камень и упорно не хочет сдаваться...

Дождь был сильный. Люблю такой, когда льёт, как из ведра, стеной, прямыми толстыми нитями. Люблю, когда нет порывов ветра, нет грозových раскатов и сверкающих молний. Звук льющейся воды успокаивает. Люблю читать в такую погоду. Оглядываюсь на дом, вспоминаю, сколько здесь прочитано книг. Маленькая девочка бегала в сельскую библиотеку, брала всё подряд и просто «глотала» эти книги. Нам в школе очень много рассказывали о войне, учили смотреть на жизнь сквозь призму трагических для нашей страны событий. Произведения о войне всегда читались с особым трепетом. Почему-то вспомнила книгу Анатолия Денисовича Баяндина, она была красного цвета, до такой степени зачитана и затёрта, что когда-то твёрдая обложка стала мягкой. Сколько раз я перечитывала «Девушки нашего полка», сколько раз слёзы текли по моим детским щекам. Так хотелось, чтобы герои повести жили, любили, а их убивали и убивали...

...Тугие нити воды перестали падать с неба и только отдельные капли ещё стучат по земле и по крыше, заставляют ёжиться, попадая на оголённые руки. Я отохожу от дороги, прислоняюсь к забору.

Татьяна Васильевна САВЕЛЬЕВА родилась 4 мая 1972 года в деревне Федотово Юсьвинского района Пермской области в семье учителей. Окончила Пермский государственный институт искусств и культуры (1994). Служит актрисой в Коми-Пермяцком драматическом театре им. М. Горького. Публикации: пьеса «Кольялалом» (литературно-художественный сборник «Шуллэнкёр» [«Вкус счастья»], Кудымкар, 2011); пьеса «Ю дорын» [«У реки»] переведена на коми-зырянский язык (журнал «Войвыв кодзув» [«Северная звезда»], 2017, N 2); пьесы «Кулемурко» и «Нерождённая, или Про яблони» (литературно-художественный сборник «Иньва», Кудымкар, 2017). С 2013-го сотрудничает с Коми-Пермяцкой детской библиотекой им. А. Н. Зубова. Пьеса «Кулемурко» вошла в лонг-лист конкурса драматургии «Ремарка» (2017). Победитель литературного конкурса Министерства по делам Коми-Пермяцкого округа Пермского края в номинации «Проза» — за рассказ «Кульмурко», в номинации «Драматургия» — за пьесу «Ю дорын». Специальный приз «За успешную реализацию проекта «Ошлӧнпестунья» [«Медвежья нянька»]: инсценировка коми-пермяцкого фольклора в обработке В. Климова». Живёт в городе Кудымкаре.

После такого ливня забор пропитан влагой, от сырых и рыхлых досок на руках остаются следы в виде каши из мелкого песка. Огромные прозрачные лужи на меже так и манят пройтись по ним босиком, вода в них тёплая, а трава на дне мягкая-мягкая. Вдали слышны раскаты грома. Откуда? Не было же грозы... Она с детства наводила на меня ужас. И сейчас, даже при дальних раскатах грома, какая-то тревога наполняет всё нутро. Отец, бывало, брал меня с собой на охоту, и я всегда закрывала ладошками уши, когда он стрелял из ружья. Этот звук с детства ассоциировался с войной. Тревожно на душе. Эта беда снова тянет свои когтистые лапы в сторону русских берёз и голубых озёр.

...Помню, в повести «Сто дней, сто ночей» Анатолий Денисович Баяндин описывает, как они шли колонной, отступая по выжженной солнцем земле. Перед моим взором встают измученные солдаты, молодые и старые... Им тяжело, но они знают, что должны защищать свою землю, свою Россию... Колонна людей... В моей памяти тоже всплывают колонны и вереницы людей, тоже идущих в солнечный день по этому самому тракту мимо нашего дома. Было это каждый год девятого мая. Они шли на кладбище. Это был наряду с Днём Победы ещё и поминальный день.

Обычно в это время было уже тепло и солнечно, и мама разрешала выходить в летнем платье и гольфах. Одуванчики желтели на свежей зелёной траве, ещё не успевшей покрыться дорожной пылью. Женщины в светлых платках, мужчины, дети... Они всё шли и шли, неся в руках бидоны с квасом и корзины с едой. Бесконечная вереница людей тянулась мимо нашего дома по освещённой солнцем дороге. У меня, у маленькой девочки, было ощущение весны, света и чего-то очень радостного. Впереди была целая жизнь. И уже тогда я понимала, что она должна быть счастливой, потому что были люди, которые когда-то защитили нас от врага, что теперь все вспоминают этих людей и поклоняются им.

Сколько их было, героев, которым не вручали ни медалей, ни орденов, а они просто сражались, защищая свою семью, свою землю. Анатолий Баяндин родился в нашем селе Архангельское. Помню, в детстве я была очень удивлена, узнав об этом. Как? В Архангельском?! Может быть, он стоял около этой дороги? Или около этого забора? Наверняка бегал в парке, около церкви, где когда-то бегала я с ребятами... *«Хорошо пела наша мама, Анастасия Алексеевна. Чasto у нас собирались учителя окрестных школ Архангельской, Антипинской, и во главе с Кириллом Саввичем Кривошёковым пели русские песни, ставили одноактные спектакли. В нашей семье была библиотека русских писателей, Вересаева, Некрасова, Чехова. Все дети любили читать».* (Из воспоминаний Л. Д. Баяндиной, сестры писателя.)

Как же сложно устроен человек. Что такое талант? Если в человеке заложено творческое начало и он не может найти себя, то он мечется, ищет выход своим творческим порывам, пробует себя в разных видах и жанрах... Он пытается просто жить и заниматься обыденными делами, но то, что сидит внутри, рвётся наружу, заставляет взять в руки кисть и писать картины, или петь и танцевать, или играть на театральных подмостках, или писать стихи... Человек может сопротивляться и стремиться просто косить траву, или мести

тротуары, печь хлеб или продавать товар, но оно живёт в тебе и не даёт покоя, иногда причиняя человеку невыносимую боль, а иногда радосте от содеянного, безмерное счастье.

Я помню, в детстве, в сельский клуб, который находился в здании церкви, очень часто приезжал театр. Мест обычно не хватало, и мы, малыши, садились прямо на пол, перед сценой. Для меня жизнь останавливалась, и я улетаю в другое временное измерение. Казалось, там, на сцене, другой мир, другая эпоха... как же завораживал театр, это был чудом...

«В 1945 году в нашем театре появился юный, стройный, подтянутый молодой человек с красивыми, тонкими чертами лица, с ясными карими глазами. Он был в форме старшего лейтенанта, с орденами на груди. Его приняли художником-оформителем... Часто, в хорошем настроении, он пел свои любимые песни, арии из опер... Одарённый слухом и голосом, склонный к живописи и любящий литературу, он одновременно увлекался всем, доходя до всего самоучкой, преодолевая трудности...» (Из воспоминаний Т. И. Чистовой, заслуженного художника РСФСР.)

Я понимаю, на войне свои законы, их не понять тем, кто там не был, но как человек, который убивал других людей, может быть художником? И всё же... Убить человека... *«Находясь на лестничной площадке, я просто отбивался от гитлеровцев. Одного уложил табуреткой... другого придавил столом, затем добил прикладом автомата...»* (из повести «Сто дней, сто ночей» Анатолия Баяндина). И всё же... Наверное, это другое, когда ты уничтожаешь врага... Не знаю.

На фронте у Анатолия была искалечена кисть и приходилось в первое время привязывать карандаш к руке. Было желание заниматься живописью, петь, но всё равно что-то ещё мучало, рвалось из души, что-то не давало спокойно жить.

Я вспоминаю своего деда, тоже участника Сталинградской битвы. Он никогда не рассказывал о войне, когда я, будучи маленькой, просила его об этом. Анатолий Денисович тоже не любил говорить о войне, но она жила в нём, воспоминания были с ним всегда. *«Не находя себя, он много мучился, он мучился. Он мучил себя, приносил неприятности своим близким... Но с той поры, как Анатолий нашёл свое главное, он стал иным <...> Он стал писать».* («Соловьиная песня», из воспоминаний Вл. Черненко о Баяндине.)

В Архангельском, рядом с нашим домом, где располагались квартиры учителей, стоял сарай, старый и ветхий. Подхожу к тому месту, где он стоял. Всё заросло травой. Помню, зимой, поздно вечером, в лютый мороз мы с мамой несли туда развешивать свежестиранное бельё. Мама давала мне держать фонарик, а сама развешивала на шнур тёплое бельё, от которого шёл пар. У меня от холода сводило руки, и я начинала хныкать. Потом мы бежали домой, к тёплому камину и прижимали к выбеленной поверхности свои красные от мороза ладони.

Сколько же таких сараюшек раскидано по земле коми-пермяцкой... Читая воспоминания о писателе, я узнала, что дощатый сарай стоял рядом с многоквартирным домом на улице Революционной, в Кудымкаре. Оттуда часто, привлекая внимание прохожих, доносились арии Онегина и русские песни Шаляпина в исполнении Анатолия Баяндина. Поленица, стол, заваленный красками, и картины...

много картин... Этот сарай был убежищем в летнюю пору, там можно было творить... Остаться наедине со своими мыслями... Привести в порядок искалеченную войной нервную систему.

Помню, в своих воспоминаниях А. Н. Бразкина описала случай, когда полученные в подарок за победу в танцевальном конкурсе медовые краски она отдала Анатолию Баяндину, по его просьбе. Он очень мечтал о таких, но не было возможности приобрести. Через какое-то время юный художник вернул пустую коробку из-под красок владелице, и та хранила её как память всю жизнь.

Красная Горка, пруд, леса, роши, луга и поля... Как же надышаться этим? Как же утонуть в пучине этого, чтобы забыть обо всём, что терзает душу? Наверное, трудно было удержать кисть искалеченной рукой, но надо было вложить в чистый лист свою душу, свой мир. Изобразить таким, каким его видишь только ты. Этот сарай стал свидетелем стольких творческих исканий, мучений, отрицаний, и также свидетелем непомерной радости от творческих удач и находок.

Я смотрю на небо с нависшими облаками. Снова начинает тихонечко накрапывать дождь. Хочется быстрее в тепло, хлебнуть горячего чая и укутаться во что-нибудь тёплое. Вспоминается ещё один момент. В воспоминаниях о художнике говорится, что на фронтах Великой Отечественной войны сражались Любовь Денисовна Баяндина, сестра писателя, а также зять, Иван Фёдорович Овчинников, коммунист, участник Сталинградской битвы, садовод-селекционер, бессменный директор плодово-ягодного питомника, почётный гражданин города Кудымкара, и это муж другой сестры писателя, Нины Денисовны Баяндиной. Овчинников?! Всю жизнь помню рассказы своей мамы о том, как её дядя, знаменитый селекционер из Кудымкара, скакал верхом на лошади, приезжал к ним в деревню Федотово. Он был братом моей бабушки, Анны Фёдоровны. Мама была маленькой, но отчётливо помнит, как знаменитый дядя ругался, если яблони, им же подаренные родственникам, не были ухожены. Давал советы, как получить хороший урожай. Да... Говорят, мир тесен.

Оглядываюсь на дом. Дом, я тебя почти не вспоминаю в жизненной суете, но почему-то иногда вижу во сне. Здесь навсегда осталась частичка моего сердца, моего детства... Ещё солнца, лета, клубники, тополей под окном, также каких-то детских шалостей. Дом, в котором я когда-то прочитала много разных книг и впервые прочитала произведения Анатолия Баяндина, и потом много раз перечитывала. Я снова спускаюсь к тракту, ручьи по обочине всё так же бегут бурлящим потоком вниз.

Я думаю о том, какова же она, цена человеческой жизни? В любой исторический период, включая нынешний, понимаешь, если бы люди научились ценить самое дорогое, что им дано... Но нет... Человек, прошедший через ад Великой Отечественной войны, сумевший сохранить такую тонкую, изящную душу, такой свет вокруг себя, был убит на улице Кудымкара. Убит тремя подростками, ради которых он не шадил себя. Не шадил себя, чтобы эти нелюди могли спокойно жить на этой земле, радоваться.

...Небольшой пруттик по-прежнему дрожит на поверхности бурлящей воды, зацепившись о камень... Но поток воды всё же подхватывает его и несёт дальше... Я провожаю глазами, и пруттик скрывается из виду...

Фёдор ВОСТРИКОВ

МЕДЛЕННО ВОРОЧАЕТСЯ КАМА В БЕРЕГАХ ОТ ОСЕНИ ПУСТЫХ. Стихи

* * *

Зима в бессилье расписалась.
Апрель вступил в свои права.
Ручьями поле заплесало —
В садах проклюнулась листва.

Зазеленели даже кручи,
То не господь нас удивил —
Его устами мудрый Тютчев
Весну над миром объявил!

* * *

Дни рожденья не считаю,
От которых грустно мне.
Что считать, коль годы тают,
Как снежинки на окне!

* * *

Свет сменяется тьмой,
Тьма сменяется светом.
Так бывало зимой,
Так бывает и летом.

По-иному нельзя —
Песня вечности свита.
Дорогие друзья,
Умирая, живите!

Фёдор Сергеевич ВОСТРИКОВ родился 6 февраля 1942 года в совхозе «Батрак» (ныне пос. Авангард) Алексеевского р-на Куйбышевской (ныне Самарской) обл. Окончил Куйбышевское культурно-просветительное училище, Пермский университет марксизма-ленинизма, отделение журналистики. Первый поэтический сборник «Отцовское поле» вышел в Перми (1979). Член Союза писателей России (1993). Автор более тридцати книг. Сотрудничает с композиторами, переводит с азербайджанского. Дважды лауреат Пермского края в сфере искусства и культуры, награждён Почётной грамотой Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ, золотой медалью Российского фонда мира, кавалер ордена Достоевского I степени, почётный гражданин Алексеевского района Самарской области. Более 30 лет ведёт литературное объединение «Тропа» в Пермском городском Дворце детского (юношеского) творчества. Живёт в городе Перми.

* * *

Бороться с неправдою надо —
Иначе она победит:
Неправый получит награду,
Во власть проберётся бандит.
Но чтоб не случилось такое —
В суетах, мой друг, не кружись,
А делом, штыком, как строкою,
Не зная ни сна, ни покоя,
Вгрызайся в счастливую жизнь!

БЫЛЬ

Зима завершается вьюгой,
Чтоб каждый запомнил её
Не юной какой-то подругой,
А бабой, познавшей быльё.
Ведь быль, как природа, извечна,
Её из души не избыть,
Она и добра, и сердечна,
Полна, как тропа бесконечья,
Её нам и чтить, и любить!

ПЕСНИ

Сколько песен вековых? —
Всех за жизнь не перечеть!
В них отвага и сердечность,
Благородство, совесть, честь.
Потому творитель песен,
Я к чему, друзья, клоню.
Будет рад и счастлив если,
Хоть у жизни на краю
К ним добавит чудо-песню
Да не чью-то, а свою!

ХОРУС

Смирновой В. С.

Я счастлив тем, что жил в ту пору,
И этим временем горжусь,
Когда звучал легенда-Хорус
На всю, как есть, святую Русь!
И забывались графоманы,
Чей ор туманился и глух.
А в Хорус вслушивались страны,
Как в глас божественных эпох!

ЧУСОВОЙ

Чусовой не город, а музей,
 Говорю в хорошем смысле слова.
 Чусовой любим Россией всей,
 Не тому ль земной любви основа?
 Если посмотреть издалика
 И вдохнуть природы чудной музу,
 То услышишь вьявь наверняка
 Буйство рек, мятежность Ермака
 И благих писателей Союза
 От былых до нашенских веков,
 Подтвержденья, веруя, что вески,
 Предстают, как лес у берегов:
 Постников, Астафьев, Голубков,
 С парусами алыми Гриневский...
 Много их, а всех не перечесть,
 Как полей, объятых жарким хлебом,
 Но живут они, как прежде, здесь.
 Продолжая свет Руси и честь
 Под открытым Постниковским небом!
 Кланаясь и мёртвым, и живым,
 Мы стоим в отеческом музее,
 Молча, люд честной благодарим...
 От свечей струится лёгкий дым
 С Чусовой реки до Енисея.
 Как в семье, живу среди друзей,
 А друзья — по духу мне славяне,
 Потому и с каждым днём родней.
 С праздником, Астафьевский музей,
 С праздником, родные чусовляне!

* * *

Последний выплеск осени —
 Зима бросает взгляд.
 Деревья листья сбросили —
 Голёшеньки стоят.
 Вот-вот метели взъюжатся,
 Нагрянут холода,
 Что шар земной закружится
 Быстрее, чем всегда!
 Потонут стёжки узкие —
 Не сбиться бы с пути,
 Но, господи, прости,
 Я верю в крепость русскую,
 Как выюга ни крути!

СЛЫШУ МИР

1.

Ветер тихо дышит камышами,
 Трогает кувшинками уют,
 Птицам и стрекозам не мешает —
 Пусть себе резвятся и поют!
 Песней наполняются колосья,
 И пространство, что с небес, звеня,
 Падает живым разноголосьем,
 Попадая звуками в меня.
 Слышу мир Чайковского и Листа,
 Будто бы из прошлого привет,
 И ложится на душу искристо
 Музыки и радужности свет!

2.

Завершается лето прекрасно:
 Солнце, ветер, ласкающий даль!
 Нет намёка погоде ненастной,
 Значит, в холод поверишь едва ль!
 Паутины вокруг, паутины,
 Да стрекоз и сорок трескотня.
 Пруд заполнен отрядом утиным,
 Как лесными красотами дня.
 Не леса предстают перед нами,
 А картины былинных творцов,
 Что рождали шедевры веками:
 Пейзажист Левитан, Васнецов,
 Шишкин, Платов, конечно, Саврасов —
 Вспомнить всех, а не вспомнить нельзя.
 Разноцветием радужных красок
 Восхищайтесь и в осень, друзья!
 Их искусство в веках не погасло,
 А теперь-то погаснет едва ль...
 Завершается лето прекрасно:
 Солнце, ветер, ласкающий даль!

3.

Туч отары движутся упрямо,
 Хоть сквозняк почти полуутих.
 Медленно ворочается Кама
 В берегах от осени пустых.
 Не слышать на круче и под кручей
 Ни одной живительной души,
 Даже песню про камыш певучий
 Не хотят напомнить камыши.
 Что ж ты, Кама, не поможешь миру,
 Ты же Волге кровная сестра?
 В водах ваших процветает лира
 Акварели, музыки, пера!
 В каждом всплеске торжество и трепет

От буйан-мажора до тоски.
Слава богу, слышу снова: Репин,
Разрывая сердце на куски,
Миру кажет вновь черновики,
Где поют и плачут бурлаки...

Владимир ГЛАДЫШЕВ

МАТРОСЫ ПАЛУБУ ГРЫЗУТ. Очерк

Об отце я вспоминаю иногда... с зубовным скрежетом. Мой отец, фронтовик, контуженный в боях под Ленинградом, напрягая память, страшно, неприятно скрипел зубами. (Моя мачеха, Степанида Киприяновна, сразу уходила в такие минуты из комнаты: «У-у, опять заскрипел...»)

— Полундра! Матросы палубу грызут, — смеялся батя, словно очнувшись. И... почти ничего не мог рассказать мне о своих боевых приключениях. Память отшибло.

Происходили наши беседы чаще всего, когда отец был навеселе. Я тогда учился в начальной школе, подступался к нему с расспросами. Некоторые эпизоды удалось записать... Всё это были обрывки воспоминаний, как вспышки ракет.

— Нас фриц боялся... Полундра! «Чёрная смерть» называли таких. Мы были списаны с корабля на берег, в батальоны сколотили, в отдельный дивизион и на передовую... Награды были, да... Они в тумбочке, в госпитале каком-то остались, да... Столько их было, госпиталей...

За что награждали? За что-то награждали... За крепость «Орешек», это Шлиссельбург, мы оборонялись там... Там меня и ранило. За ранение тоже представили к награде. А что ещё, не помню, крепко контузило меня тогда...

Раз брали «языка», было дело. Ползли под огнём...

Ночью из комнаты снова раздавался скрип зубов. Скрипела растревоженная память «обломка войны». Так отец называл себя и таких, как он. По сохранившимся документам можно проследить боевой путь краснофлотца, морского пехотинца Фёдора Ивановича Гладышева (1915–1977).

Владимир Фёдорович ГЛАДЫШЕВ родился 4 октября 1951 года в городе Молотове / Перми. Окончил факультет журналистики Уральского государственного университета (1979), параллельно прослушал два курса на отделении искусствоведения у проф. С. В. Голынца, прошёл две музейные практики. Педагог высшей квалификации, преподаватель журналистики (ПГНИУ, гимназия N 4 им. братьев Каменских). Трудовую жизнь посвятил журналистике и краеведению. Автор более десятка книг, в основном краеведческой направленности. Член Союза журналистов СССР/ России (1980), Член Союза писателей России (2009). Фрагменты из книг В. Ф. Гладышева включены в хрестоматии, сборники краеведческих текстов «Пермь и пермяки». Член Топонимического совета г. Перми, входит в Учёный совет краеведческого музея и ряда других организаций, председатель Пермского общества краеведения, редактор газеты «Пермяки». Неоднократный лауреат Гайдаровской премии, трижды становился лауреатом областной премии в сфере культуры и искусства (1995, 2004, 2015). Лауреат премии г. Перми в сфере культуры и искусства имени Н. Н. Серебренникова (2009), премии г. Перми в сфере культуры и искусства имени русского поэта и критика А. Ф. Мерзлякова (2023). Кавалер ордена Достоевского II степени (2011). Живёт в городе Перми.

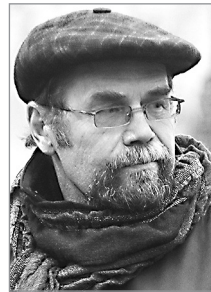
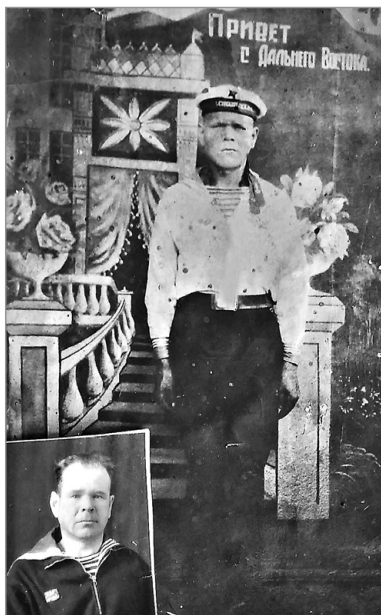

Фото: Л. Изгалина

МОРЯКИ СВОИХ ПОДРУГ НЕ ЗАБЫВАЮТ

Сохранилось несколько снимков периода службы на Дальнем Востоке, ещё до войны. На одном отец с сослуживцами, в бескозырке, с двумя знаками отличия на груди. На другом фото отец тоже в форме, в белой бескозырке, которая лихо (не по уставу) надвинута на лоб, в руках — мандолина. К музыке батю всегда тянуло, он и позже дома держал балалайку и, однорукий, изредка пытался изобразить на ней что-то. Снимок, на котором отец на фоне плаката «Привет с Дальнего Востока». А ещё чудом сохранился стеклянный негатив: удалой краснофлотец Гладышев прибыл домой, на Физкультурную улицу, и сфотографировался на память с молодой супругой Аней.

Голова к голове, как голубки. Видимо, уже отслужил. А может, в отпуске. Во время службы отец ещё и учился, судя по справке, окончил четыре класса. До службы, значит, учиться деревенскому парню не пришлось.

Но «недолго музыка играла». В красноармейской книжке указано: 26 июня 1941 года призван Кагановичским РВК города Молотова. В переводе на современный пермский язык — Дзержинским РВК Перми. Часть, в которой начинался боевой путь отца, называлась так: 1-я батарея 72-й мотострелковой бригады отдельного арtdивизиона 57-мм пушек. Должность — номерной. Почти за три года названия фронтов и частей, в которых воевал отец, менялись несколько раз. На Карельском фронте был истребительный дивизион 45-миллиметровых орудий.

В списке обмундирования, выданного Фёдору Гладышеву, были шапка (шлем), пилотка, шинель... Всё, как красноармейцам, но вместо гимнастёрки — фланелька, вместо нательной рубахи — две тельняшки, вместо шаровар — брюки суконные и брюки ватные, тёплые перчатки, сапоги, валенки (обмотки уже не выдавались), полушубок. А также кальсоны (3 штуки), полотенце (2 штуки), носовой платок (один). Вот, Фёдор Иванович, утрись разок — и воюй, как командир прикажет! Бог не выдаст, свинья не съест.

Из записей в красноармейской книжке видно, чем приходилось воевать: винтовка 1941 года, штык N 5448. В той же графе «Вооружение и техническое имущество» указаны противогаз, плащ-палатка, каска.

Ратная служба отца закончилась 10 марта 1943 года. В боях за Советскую Родину красноармеец 871-го стрелкового полка был тяжело ранен. Как записано в справке медсанчасти, «осколочное ранение левого плеча с повреждением кости с последующей экзертикуляцией левого плеча».

И начались мучения, таскания по госпиталям. Из Вологды в Молотов, в барак на улице Физкультурной, 22 июня 1943 года прилетела короткая записка: «Милая Аня, мой адрес Вологда, Краснофлотская, 84. Целую, Федя». На листочке чёрный штамп: «Проверял контролёр N 27». Сохранилась одна телеграмма из городка Карчата: «Аня, жив, здоров, не встречайте, выеду неизвестно когда. Ожидай письмо. Федя».

В КАЖДОМ ДОМЕ СВОИ СКЕЛЕТЫ

«В каждой семье есть свой шкаф со скелетом» — гласит английская пословица. Немало потаённых комнат откроется и мне во время бесед со стариками и после архивных находок...

У отца не было левой руки, потерял после ранения под Шлиссельбургом. С этим связано одно моё жутковатое детское воспоминание. В нашем старом доме на Колхозной, в чулане, висели на гвоздях... руки. Целая стенка из человеческих рук, изжелта-матовым светом проступавшая из полумрака. Это были протезы, которые регулярно получал отец, а носить их не мог. Культия руки болела, протезы были сделаны грубо, не для постоянной носки. Польза была одна: вместе с протезами выдавались инвалидные перчатки. Когда в семье инвалида трое детей, о достатке говорить не приходится. Послевоенная жизнь была полуголодной, одевались плохо. Нормальной одежды-обувки не имели никогда. И только перчатки у нас были всегда хорошие, хоть и великоватые. Отцовские.

Много позже я занялся поиском боевых наград отца. Удалось получить несколько копий документов. А после смерти отца стал разбирать семейный архив. Дом на Колхозной был снесён, остатки архива сберегла моя старшая сестра Валентина.

Списанный вчистую, отец был признан, согласно ВТЭК*, инвалидом II группы. Работать устроился сначала на лесокомбинат, потом объездчиком плодоовощного питомника. Без работы батя просто не мог. Земляки знали: крепче дяди Феди табуретку никто не сладит. Делал он и столы, и шкафы. Мебель была простая, ладная и крепкая — на век. А рука ныла, и это были не только фантомные боли, но и невромы. Непогоду предсказывал лучше метеослужбы. Да ещё заработал грыжу — повкалывай-ка с одной рукой.

С большой перегрузкой жило поколение наших отцов. Надсадное счастье им выпало. Радости родители видели мало. Вся радость — в детях, ради нас жили, воевали и страдали.

ПАМЯТНИК МОРПЕХУ

Я поставил себе задачу: побывать во всех местах отцовской службы. А это, считай, вся Россия-матушка, от Дальнего Востока до Мурманска и Ленинградской области. Пройдя производственную практику в районной газете Челябинской области на «отлично», я получил право выбирать место следующей практики уже по окончании 3-го курса.

Я сразу ткнул в кружочек с названием «Владивосток». Когда я ещё заработал бы на столь дальнюю дорогу! И полетел через всю страну с отцовской присказкой на устах: «Полундра, матросы палубу грызут!»

* Врачебно-трудовая экспертная комиссия.

А после университета, уже будучи корреспондентом областной «молодёжки», я, наконец-то, исполнил свою мечту — рванул в Ленинград, но главным пунктом для меня был, конечно, Шлиссельбург.

И вот там, в крепости «Орешек», я увидел, узнал своего отца... Ведь это он, а точнее, такой же, как он, морпех в тельняшке, с автоматом в руке застыл в вечном броске, преградив путь неприятелю. Памятник защитникам крепости стоит прямо среди развалин церкви, её руины стали составной частью мемориала.

В отцовском архиве сохранилось единственное письмо от боевого однополчанина, который жил в Ульяновской области:

«Федя, милый мой друг, я прочитал письмо несколько раз и никак не мог поверить своим глазам, всматриваюсь в строки, написанные тобой. Ты пишешь, что до сих пор лежишь в госпитале, всё лечишь рану, которой уже четыре года...

Ты спрашиваешь, чем тебя наградили в старом полку. Не сумею тебе сказать, потому что весь полк разбили в тот момент, когда тебя ранило, я тоже выбыл по ранению в глаз... А командир батареи, в то время у нас им был Казаков, погиб под Нарвой. Сейчас трудно, конечно, восстановить, чем ты был награждён.

После госпиталя я попал в другой полк и с тем полком дошёл до Берлина, откуда приехал домой в 1945 году 22 августа.

Насчёт наших старых друзей. Гриша Салатон погиб. Федя Гуров, который заведовал каптёркой, и ряд других товарищей тоже погибли...

До свидания, дорогой мой друг!

Александр Осипов. 22 октября 1947 года».

Сквозь строчки писем от фронтового друга проступают скупые мужские слёзы и суровые реалии жизни, причём не только фронтовой.

Меня долго ждал ещё отцовский Мурманск, Заполярный круг. Есть у него медаль «За оборону Заполярья». А вот медали «За оборону Ленинграда», как ни странно, нет.

...Побывал я и в Мурманске — где наша не пропадала! Случилось это в 2019 году, в октябре. Если быть точным — 4 октября, в день моего рождения. Как оказалось, это и день рождения города! Да, Романов-на-Мурмане — так называлось тогда это поселение — был заложен 4 октября 1916 года. Год, конечно, «немножко» отличается от моей даты рождения, но это пустяки. Поражённый совпадением, я долго стоял у памятной доски с таким текстом...

Будем считать, это привет мне от отца, подарочек ко дню рождения. Полундра, матросы палубу грызут!

А ещё отец пел «Моряки своих подруг не забывают». Была, была у него подруга и в Заполярье. Мать ждала своего Феденьку, ждала, несмотря ни на что. Судя по рассказам её сестры тёти Шуры, в жизни матери были очень трудные минуты. Но дождалась, приехал её Феденька, хоть и «обломком».

В семье фронтовика было уже трое малых детей, когда случилось новое несчастье. Лихач, севший за руль чужого грузовика, сбил маму, когда она стояла на крыльце магазина за бутылкой молока. Этот молодой паразит Костя Горлов оказался родом из Ленинграда, из эвакуированных... Судьба-злодейка так распорядилась, что городгерой вписан в нашу семейную летопись просто намертво, навечно...

ОТЧИЙ ДОМ

Дом наш стоял на пермской окраине в Заостровке, в просторечии — в Скандаловке. Ничем не примечательный, он стоял бы себе ещё лет пятьдесят. Но вдруг наша рабочая слободка оказалась в центре исторического события. Здание было включено в «чёрный список», потому что попало в зону затопления после ввода Воткинской ГЭС.

По документам я вижу, что 26 марта 1957 года к нам пришла солидная оценочная комиссия, чтобы определить стоимость строения в присутствии их владельца Фёдора Гладышева, «подлежащего обязательному переселению на другое место». И оценили! Дом — на сумму 4214 рубля, а всё хозяйство потянуло на 5662 рублей. Страховая сумма — 3713 рублей.

Домовладельцу также полагалась компенсация в размере 4030 рублей. Однако получить эти деньги отец мог в два приёма. Первая половина — чрез 10 дней после поступления акта в финотдел строительства ГЭС, а вторая половина — после того, он своими силами разберёт все строения и перевезёт на новое место. Так было написано в заключении, которое отец почему-то подписал.

Откуда у него, инвалида войны, силы? Откуда помощники, если в семье — одни «иждивенцы», трое малых ребят на руках? Точнее, на руке. В общем, родная советская власть всё сгрузила на «обломка», как отец сам себя называл, когда был в подпитии.

История с отчим домом закончилась столь же кособоко и непланово. Как рассказывала мне соседка (имя не будем указывать), отец отказался рушить то, что было ему дорого. Сказал, что не в состоянии. Хотя много позже собственноручно возвёл пристрой для дочери, вышедшей замуж. Он же был из рода плотников Бымовского завода, там, где навыки краснодеревщиков передавались из поколения в поколение.

Наметилось некоторое противостояние: государственная машина ополчилась против маленького человека, фронтовика. Потом подумала немного и... махнула на него рукой. Оставили нашу улицу в покое, до поры до времени. Так что всё было сделано по советской системе ПВО, что означает: «погоди выполнять — отменяй».

Когда разломали все строения (случилось это несколько лет спустя), нашли ещё один схрон, с гражданской войны: в потолке баньки лежали остатки обреза.

Умер фронтовик в августе 1977 года. Спустя короткое время рядом с отцом появились первые могилы афганцев, земляков, выполнявших, как говорили тогда, интернациональный долг... Смотрят на нас с надгробных портретов лихие ребята в голубых беретах и в тельняшках, как мой отец.

И в памяти всплывает: «Полундра! Матросы палубу грызут!».

Тамара ГУЛЯЕВА

МИТИНГ ПАМЯТИ ПАВШИХ. Стихи**22 ИЮНЯ**

Митинг. Двадцать второе. Июнь.
Разговор о войне
Берedit неутихшую боль,
фронтовые утраты...
Чтоб снарядов разрывы
мы видели только во сне,
Уходили на фронт, защищая
Отчизну, солдаты.

Сколько минуло лет,
стали тише друзей голоса,
Непогода всё чаще тревожит
военные раны,
Слёзы памяти скорбью сегодня
туманят глаза,
Перед Вечным огнём на скамейке
сидят ветераны.

Звуки дальней грозы,
полыхающей где-то вдали.
Не страшны никому
отдалённые эти раскаты.
В загрубевших ладонях
солдаты нам мир принесли,
А теперь вспоминают неспешно
ушедшие даты.

Их всё меньше, усталой походкой
уходят туда,
Где они вечно молоды,
в яростный гул канонады,
Вспоминая погибших друзей,
что уже никогда
Не приколют на грудь
опалённой Победы награды.

Тамара Александровна ГУЛЯЕВА родилась 31 мая 1959 года в селе Слудка Ильинского района Пермского края. Окончила Пермский педагогический институт, работала учителем. Печаталась в журналах «Человек и природа. XXI век» и «Мы — земляки», альманахе «Камская пристань», сборнике «Оляпка-16». Является автором шести поэтических сборников, в том числе трёх — для детей. Была призёром русско-итальянского конкурса «Все дороги ведут в Рим...». Живёт в городе Перми.

9 мая 2025 г. — 80-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне

Сколько их не вернулось,
кто сможет ответ теперь дать?
Так же молоды эти,
историей ставшие, лица...
Митинг памяти павших.
Июньского дня благодать.
В синем небе победным салютом
играют зарницы.

ДЕСЯТЫЙ КЛАСС

Из выпускников школ 1941 года лишь трое из ста
вернулись домой. Память о сыновьях вечно живёт
в сердцах матерей. Их имена не должны забыться.

Списки павших. Слезу смахну,
Вспоминая былой рассказ.
Сорок первый. Ушли на войну
Все мальчишки. Десятый класс.

Уходили от школьных стен
В озверевший бомбёжек чад
От тетрадок и перемен.
Не вернулся никто назад.

Выпускной в багровом огне...
Небо! Боль матерей развей!
Книга памяти. На стене
Фотографии сыновей.

Похоронок прощальный крик...
Защитили собою нас,
Приближая Победы миг,
Те мальчишки, десятый класс...

РЕКВИЕМ

Сотни тысяч людей бежали, спасаясь от войны,
на восток, но не всем удалось выжить в этом пути.

О, как хотели мы сберечь
Своих детей от мрака смерти!
Войны неистребимый смерч.
В кровавой гибели круговерти.

Мы выживали, как трава,
Растущая на пепелище.
Могил надгробные слова.
Над нами только ветер свишет.

Мы умирали в поездах,
В расплавленных огнём вагонах,
Глядели вечности глаза
На наши горестные стоны.

Теплушка, дробный стук колёс,
Ещё чуть-чуть — и мы у цели!
Бомбёжка — поезд под откос.
Мы не успели! Не успели!

Обрывки обгоревших фраз...
Но время память не остудит...
Живите счастливо за нас,
Пусть будущее ваше — будет!

Пусть будут радовать всегда
Детей улыбочивые лица.
Пусть никогда... Пусть никогда
Войны пожар не повторится!

А мы, мечтая об одном,
Молчанья клятвы не нарушим:
Пусть мирным будет отчий дом!
Об этом молят наши души...

ДУША ДЕРЕВНИ

Среди темнеющих вершин
От старости замшело-древних
Который год живёт в глуши
Душа заброшенной деревни.

Одна, а раньше был народ.
И стар, и мал. Всегда в заботах.
Покосы, дети, огород...
Для всех найдётся здесь работа.

Давно уж нет деревни той,
Крапива вместо огородов.
Берёзок молчаливый строй
Хранит спокойствие природы...

Душа печалится о том,
Что больше не дымятся печи.
Их больше нет, заброшен дом,
Но всё надеется на встречу.

Ей хочется услышать смех,
Знакомые увидеть лица,
Припомнить поимённо всех,
Колодезной водой умыться.

Порою сойка прокричит...
Душа вздыхает виновато,
Когда привидится в ночи
Деревня, что была когда-то.

ПРОЩАНИЕ

Деловито пакуются вещи,
В этом доме давно не живут.
Слоем пыли тяжёлым и вещим
Стынет время бессонное тут.

Проступают старения пятна,
Оголяется стен нищета.
Невозможность дороги обратной.
Запоздалых признаний тщета.

Позабывших журналов страницы,
Старой мебели призрачный век.
Мне не раз ещё в жизни приснится
Безмятежного детства ковчег.

Расставания, словно потери,
Непролитые капельки слёз.
Уезжаю... Так хочется верить,
Что прощаюсь пока не всерьёз.

ВОСПОМИНАНИЕ О ДЕТСТВЕ

Солнца луч на маленькой ладошке,
На него любитесь малыш:
«Поиграй со мной ещё немножко,
Обещай, что ты не убежишь».

Смотрит вдаль мальчишка удивлённо,
Что же делать, думает пока.
Луч мерцает сквозь листочки клёна.
Может, отпустить за облака?

Пусть летит в заоблачные дали,
Там его друзья, там отчий дом.
Мы с тобою тоже ведь мечтали,
А теперь вздыхаем об ином.

Детство с нами навсегда осталось,
Пусть прошло оно давным-давно.
Но частица вечного начала
С нами, как забытое кино.

ПИАНИНО

Чёрно-белые клавиши.
Звуки музыки дивной
Напевает, задумавшись,
В уголке пианино.

Лёгкой дымкой укрытое
Просыпается эхо.
Серебрятся забытые
Колокольчики смеха.

Память звуками полнится,
Промелькнувшими где-то.
Отчего же так помнится
Невесомость паркета?

Канделябров мерцание.
Безмятежные речи.
Нежность вальса, свидание.
Ожидание встречи.

Сквозь окно пробиваются
Блики в сумерках длинных,
Летний вечер. Смеркается.
Трепет струн пианино.

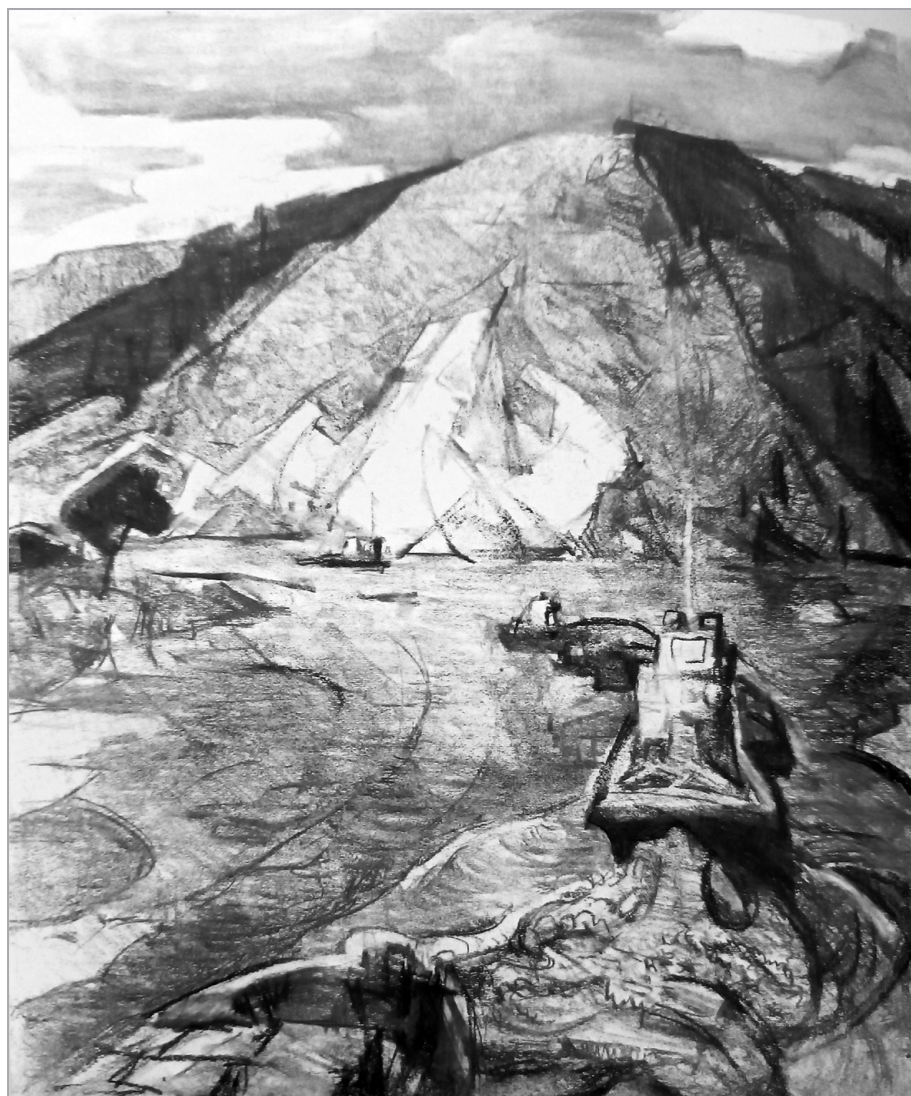
ЦИКЛАМЕНЫ

Непогода беснуется —
В доме прочные стены.
Минус тридцать на улице —
На окне цикламены.

Словно лебеди белые,
Ожидая капли,
Грაციозно-несмелые
Отдохнуть прилетели.

Заколдованы стужей,
В тёплом доме мечтают,
Что морозное кружево
С вешним солнцем растает.

Средь метельного крошева
Ищут в небе просвета,
Чтобы день запорошенный
Снова вспомнил про лето.

Часть 2

Михаил МАРТЫНОВ

ЛИДА. Рассказ

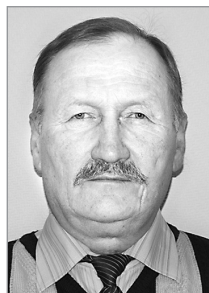
В марте односельчане избрали Лиду наблюдающей в дальнюю деревню. Она должна была вместе с другими наблюдающими следить за ходом голосования. Накануне ей исполнилось восемнадцать лет. «Было бы лучше, — думала Лида, — если бы избрали кого-то старше меня». Но она понимала, что тем недосуг, на носу предпосевные работы: подготовка техники, инвентаря. К тому же большинство людей не очень жалуют общественные работы. Их выбор немного льстил Лиде, поэтому она быстро собралась, надела лучшее, что у неё было, и затемно, не позавтракав, побежала в дальнюю деревню.

Луна светила ярко. Дорога шла в гору, проходя между полей. Сугробы, лежащие на них, отливали синевой. Под ногами хрустел подмёрзший за ночь снег. Быстро пробежав полями, Лида оглянулась. На другом краю поля виднелись тёмные силуэты домов. Дома сбегали по обоим крутым берегам небольшого ручья в низину. Крайние дома уже скрылись за изгибом поля. Виднелись тёмные столбы выходящего из печных труб дыма. Изредка глухо взлаивали собаки.

Лида вздохнула, стряхнула с подшитых валенок прилипший конский навоз. Недавно кто-то проехал на лошади. «Бригадир, — подумала Лида, — поехал в правление колхоза. Неймётся ему, всё беспокоится». Осенью, на жатве овса, он приходил принимать работу на поле поздно, приговаривая, что солнце ещё высоко. Затем, каждой жнице нарезал по порядочному куску вдобавок. «Вот это будет в самый раз, к закату и закончите», — приговаривал он. Приходилось жать по 20–25 соток. Ныла спина, казалось, что руки отваливаются, над головой гудели надоедливые мухи, вечером в глаза, нос, рот, уши лезла жгучая мошка, отчего опухало лицо. Низко надетые платки мало помогали. «Ну да ладно, — подумала Лида, — быстрее убрали».

Дорога шла то лесом, то краем поля. Стоявшие поодаль ели казались косматыми великанами. «Как лешие», — подумала Лида и пошла ещё быстрее. Она боялась лесной нечисти. В детстве наслушалась всяких рассказов о встречах с нею.

Много раз она слышала о том, как леший кружит человека по лесу. Сколько такой бедолага ни пытался выбраться из чаши — всегда приходил к одному и тому же месту. И так кружил без конца. Только,

Михаил Егорович МАРТЫНОВ родился 31 августа 1954 года в деревне Бачманово Чазёвского сельского совета Косинского района. Окончил Пермский государственный сельскохозяйственный институт им. академика Д. Н. Прянишникова по специальности «Экономика и организация сельскохозяйственного производства». Работал экономистом и директором совхоза «Чазёвский», председателем Косинского райпо, председателем Чазёвского сельского поселения. С 2010 года исполнял обязанности директора Косинского районного этнографического музея. Проводит исследования по истории и культуре Косинского района. Первая книга — «Селения Косинского района» вышла в 2009 году. В последующие годы изданы книги «Косинско-Камское поречье в переписях и ревизиях XVI–XVII веков» (в соавторстве с А. С. Нилоговым), «Предания старины глубокой». Пишет рассказы для детей и взрослых, которые печатались в литературно-художественных сборниках «Иньва» (г. Кудымкар) и «Войвыв кодзув» [«Северная звезда»] (г. Сыктывкар). Краевед. Живёт в деревне Чазёво Косинского района.

когда человек снимал с себя всю одежду и, вывернув её наизнанку, вновь надевал, то сразу благополучно находил нужное направление и выходил из лесу.

Другая байка, часто рассказываемая долгими зимними вечерами, когда все собирались в тесном домашнем кругу, была также о путнике, заблудившемся в лесу.

Путник тот набрёл на большой дом, стоящий на широкой лесной поляне. Возле дома стояли кони, запряжённые в богатые экипажи. Из дома доносились весёлые голоса, играла гармонь. Путника встретили как дорогого гостя, усадили за стол, уставленный всякой всячиной, предложили изысканные кушанья. Вокруг стола плясали и пели нарядно одетые гости. Путник, прежде чем сесть за стол, хотел перекреститься на образа, поискал их глазами, но не нашёл. Садясь, краем глаза заметил, что весёлая компания как-то напряглась. Это его насторожило, и, прежде чем взяться за еду, он всё же перекрестился. Тотчас всё исчезло. Вместо большого дома вдруг оказалась покосившаяся лесная избушка, вместо яств на столе — пыль, заскорузлые прогнившие куски древесины и густая, свисающая с потолка паутина. Путник выскочил на улицу, никаких экипажей не было, по поляне в жуткой ночной тиши скакали жабы, ползали чёрные змеи и, переваливаясь, поблёскивая глазами, ходил большой чёрный ворон. Насмерть перепуганный, бежал человек, не разбирая дороги, продираясь сквозь чащобу. К утру путник вышел к людям.

Лида зябко поёжилась, нащупала в кармане телогрейки мелочь, что дал ей отец в дорогу. С деньгами было плохо. С ними было плохо не только в доме Лиды. Совсем недавно закончилась великая война. Всё, что выращивалось на колхозных полях и подворьях, всё уходило на восстановление разрушенного войной хозяйства. Лишь небольшая часть оставалась на воспроизводство и оплату труда. Более того, личные подворья колхозников тоже были обложены налогами. Колхозники отдавали государству масло, шерсть, яйцо, мясо. Самим оставалось столько, чтобы не умереть с голоду. Но часто и голодали. Это случалось тогда, когда ретивые начальники выдвигали встречные планы по заготовкам и выгребали из колхозных амбаров остатки. Так случилось и в этом году.

Лиде хотелось есть. К тому же от быстрой ходьбы возобновилась боль внизу живота. Недавно у неё был выкидыш. В начале зимы её вместе с другими парнями и девушками направили работать на лесозаготовки. Там она подружилась с парнем, недавно вернувшимся из армии. Вечерами они, таясь посторонних глаз, встречались за конюшней. Здесь, под нависшим краем ската кровли, было накидано душистое сено, служившее прибежищем влюблённым парам. Лида забеременела. Сказала об этом парню, но тот ответил, что знать ничего не знает и жениться не собирается. Скоро про её беременность узнала мать, затем и отец. Туго пришлось Лиде. Ругали, попрекали каждый день. Отчаявшись, она попросила бригадира направить её на погрузку дров. Наравне с мужчинами она грузила тяжеленные, мёрзлые берёзовые двухметровые кряжи на сани. К вечеру её тело пронзила острая невыносимо жгучая боль, к утру всё закончилось... Остались только тянущие тупые боли внизу живота.

Лида приближалась к большой деревне, где был сельсовет. Деревня просыпалась. Слышался скрип снега под полозьями саней,

фыркание лошадей, звон пустых вёдер шедших по воду к ближайшему колодцу баб. В колхозном гараже ухало что-то тяжёлое. Застрекотал пусковой двигатель трактора и тут же заворковал основной. На востоке разгорелась заря. Вскоре показался краешек солнца. Сугробы вспыхнули ярким, красноватым от зари, светом. К полудню они будут ослепительно белыми, с искрящимися на солнце снежинками.

Подходя к деревне, Лида поправила сбившийся от быстрой ходьбы платок, по привычке отряхнула юбку, смущённо улыбнулась. Юбку она сшила из двух кусков полотенечной ткани, подаренной ей леспромхозом за ударную работу. Сама покрасила анилиновой синей краской. Однако то ли краска была старая, то ли Лида что неправильно сделала, — юбка получилась неоднотонной. По бокам она была ярко синей, а спереди и сзади голубоватой. Но делать было нечего, всё равно лучшей одежды не было, а перекрашивать уже и некогда.

Лида не стала останавливаться в большой деревне, хотя здесь жила семья её дяди. Она очень хотела есть, знала, что жена дяди обязательно угостит её горячим варевом, на худой конец поставит на стол чашку солёных грибов или квашеной капусты, миску пенящегося кваса с куском ржаного хлеба. Лида проглотила слюну и быстро прошла деревню, она боялась опоздать к началу выборов, — идти ей оставалось ещё столько же, сколько прошла.

За большой деревней она свернула с тракта и пошла лесом. Идти оставалось немного, но её тошнило от голода, кружилась голова. Походка стала неровной.

— Посторонись, раззява! — раздался властный грубый мужской голос.

Лиду обдало конским потом, комями снега. Пошатнувшись, она неловко упала, высоко задрав ноги в стоптанных валенках. Совсем рядом, едва не сбив её, промчалась лошадь с седоком. Лида успела заметить цепкий, в то же время какой-то безразличный взгляд, шапку с кокардой и погоны на плечах полушубка. Всадник, не останавливаясь, исчез за поворотом дороги.

«Милиционер, — подумала Лида, — тоже на выборы спешит». Она встала, отряхнулась, перевела дух. Голова её закружилась так, что помутился рассудок. Еле отдышавшись, она пошла дальше. Добравшись до деревни, вошла в клуб, где проходили выборы. Лида не опоздала.

Наблюдавших было несколько человек, и они решили между собой, что время от времени будут, сменяя друг друга, выходить на площадь перед клубом, чтобы перекусить и подышать свежим воздухом.

Скоро потянулся народ. Люди заходили в клуб, здоровались, деловито расписывались за бюллетени, заходили в кабинки для голосования, выйдя из которых просовывали разноцветные бумажки в узкую щель урны и выходили на площадь. На площади царил приподнятое, праздничное настроение. Мартовское солнце изрядно прогревало, с крыш капало, снег под ногами размок, стал вязким, мягким. Перед клубом были поставлены столы, на которых потребительская кооперация бойко торговала разнообразной одеждой, пивом, селёдкой, баранками, конфетами и другой снедью. Здесь же стояли столы, на которых торговали приготовленными колхозниками продуктами: шаньгами, пирожками, пельменями, вкусным пенящимся квасом и домашним тёмным хмельным пивом. Пельмени варили тут

же — на железной печке, поставленной прямо на земле. Было весело, патефон надрывался, исторгая из себя вальсы и фокстроты. Вскоре послышались звуки гармошек, а за ними весело зачастили частушки.

С начала выборов прошло часа два, настала очередь Лиды выйти проветриться. Она вышла, зажмурив глаза от яркого весеннего солнца. Пока глаза привыкли к свету, она украдкой разглядывала собравшихся на площади людей, которых было уже много. Неизвестно, что больше привлекало их сюда, сами ли выборы или возможность покупки какой-либо обновы для себя и своих детей. С товарами в деревне всегда было плохо, но на выборы власти распоряжались привозить самое лучшее, что было у кооперативной торговли.

Пока Лида сидела вместе с наблюдающими за ходом выборов в клубе, голод поутих, ушла и боль внизу живота. Лида спустилась со ступенек клуба, подошла к столу, где торговали баранками, решив купить их несколько штук. Подойдя к столу, она сунула руку в карман, чтобы вытащить небольшой платок с завернутыми в него деньгами. Сунув руку, Лида похолодела — платка в кармане не было. Она поискала его в другом кармане, и там его не было... Потеряла! Она вспомнила, как упала из-за пронёсшегося рядом с ней и напугавшего её всадника... Потеряла...

В глазах её снова потемнело, есть захотелось невыносимо, до боли в желудке. Казалось, что живот её кто-то скручивает жгутом, боль вернулась и вниз живота. Лида постояла возле стола с баранками, почти в беспамятстве повернулась, подошла к другому столу, где торговали пельменями. Здесь людей было больше, но она никого не видела. Она смотрела на пельмени, которые лежали ровными рядами на деревянных подносах, касаясь друг друга гладкими, лоснящимися, лишь слегка припудренными мукой боками. Видно было, что на солнце они немного оттаяли, на некоторых из них были видны крошечные кусочки мяса. Лида пошатнулась, чтобы удержаться, припала к столу. В это время женщина, торговавшая пельменями, повернулась к печке, чтобы засыпать их в чугунок с крутым кипятком.

Лида не помнила, как пельмени оказались у ней во рту. Один, другой, третий... Быстро, по-беличьи, разжевав их, она судорожно проглотила сырую тягучую массу. Лида отошла от стола, но, не удержавшись, вернулась, быстро проглотила ещё несколько пельменей. Затем она отошла в сторону, оглянулась — вдруг, кто заметил, но никто не глядел на неё. Все были заняты собой и друг другом. Продащица повернулась к столу, удивлённо посмотрела на пельмени, осмотрелась, чихнула на вездесущих собак и вновь занялась своими делами. У Лиды отлегло от сердца, а из живота постепенно уходила боль.

— А ну-ка, девка, иди-ка сюда!

Тихий мужской голос заставил сжаться сердце Лиды. «Ну всё, пропала! Милиционер! Заметил! Сейчас арестует!» — судорожно бились мысли одна за другой. Было очень и очень стыдно. Как она могла, ей люди оказали доверие, а она украла, воровка!...

— Да пойдём же! — уже жёстче сказал стоящий рядом с ней.

Лида подняла глаза. Перед ней стоял среднего роста, одетый в старый полушубок мужчина средних лет. На голове у него старая солдатская шапка, на ногах почти новые кирзовые сапоги. Он был чисто выбрит, строг, но взгляд его зеленоватых глаз не был злым.

Лида тотчас вспомнила его. Она видела его на зимних работах в леспромхозе, среди других рабочих, приехавших из этой деревни. Жили они в соседнем бараке. У Лиды немного отлегло от сердца, но по взгляду мужчины она поняла, что он всё видел. Краска стыда залила лицо Лиды.

Мужчина молча подвёл Лиду к противоположному ряду столов, что-то тихо сказал стоящей за одним из столов женщине. Та также молча подвинула Лиде деревянную тарелку с дымящимися горячими пельменями, несколько шанежек и большую кружку деревенского кваса. Лида, сгорая от стыда, попыталась было отказать, но укоризненный, ставший жёстким, взгляд мужчины заставил её замолчать, и она, глотая слёзы, съела всё, что ей было предложено. Выпила квасу, дрожа, повернулась, чтобы уйти, но с полпути вернулась, шёпотом поблагодарила женщину и убежала в клуб. Весь день она просидела, не выходя на улицу. Ей было стыдно и горько, и больно за себя.

Как только голосование закончилось и были подсчитаны бюллетени, Лида убежала домой. Всю дорогу она проплакала, размазывая слёзы по лицу. Но они всё текли, падая на новую разноцветную юбку и носки подшитых поношенных серых валенок, оставляя на них тёмные маленькие пятна. Со слезами уходили горечь и боль из сердца, но было нестерпимо стыдно за совершённый ею поступок. Вместе с тем в ней росла благодарность к тому мужчине в старом овчинном полушубке.

Юлия АНФЁРОВА

БАНЯ. Рассказ из сборника «Болская деревня»

В Болке* стоит янтарный июль. Трава поднялась высоко, зацвела, заиграли всеми цветами радуги в ней мелкие цветочки. Одни лопухи да крапива темнели по углам.

Нагретое солнцем, остро пахнущее сухим деревом и сладковатым дымом бревно нашей бани, топившейся по-чёрному, было приятно трогать ладошками. Баня была низенькая, немного завалившаяся на один бок. Приходилось нагибаться, чтобы зайти в предбанник.

— Кланяйся избушке, — отвечала бабушка Дуся на моё «почему так низко?»

В первую секунду в предбаннике чувствуешь терпкий и горьковатый запах сохнувших трав, прошлогодних берёзовых веников, древесной щепы и бересты, земли и железных вёдер.

Видишь солнечный нежный луч, который пробивается сквозь круглую дырочку от выпавшего сучка в стене. Золотистую ленивую пыль, повисшую в воздухе.

Тёплый ветер иногда шуршит чем-то таинственным. Непритворно прислушиваться к каждому звуку. Вот подлетел снаружи шмель, погудел задумчиво и повернул восвояси.

Стоишь босыми ногами на прохладном полу, чувствуешь каждую трещинку в старых досках, колючие комочки огородиной земли.

Оцениваешь маршруты пробегающих мимо муравьёв и едко звенящих комаров — на всякий случай.

Заскрипела под ногой дощечка. Сонная кошка вздрогнула, сверкнула овальными зрачками, но узнала, вытянула лапу, растопырила когтистые пальчики, зевнула. Я присела почесать её за ухом, погладить.

Моя прабабушка Паша тихонько посиживала на мосту, сыспоти́ху наблюдала, как бабушка Дуся (её дочь) носит воду в баню, таскает щепу из дровяника ведром, куриц шугает по пути, если близко к огороду подходят.

Ждала с нетерпением баню:

— Дуська, истопёлася ли баня-та? Закрывать нать-то пора.

— Нет ишо. Головёшка догорат.

Юлия Леонидовна АНФЁРОВА родилась 6 марта 1990 года в селе Полва Кудымкарского района Пермской области. Ещё со школы интересовалась диалектными словами своей местности, читала много литературы. Это привело её на филологический факультет Пермского педагогического университета, который она окончила в 2021-м. За время учёбы посетила много сёл и деревень Пермского края в составе лингвистических экспедиций доктора филологических наук Ивана Алексеевича Подюкова. Особая деревенская атмосфера, искренность и открытость людей, живая диалектная речь всегда были близки автору, поэтому в 2023 году решила написать книгу о своём детстве. В ней Юлия представила уникальный мир родной земли, историю своей семьи и те самые увлекательные «бабушкины словечки». Работала учителем русского языка, затем ушла в репетиторство и открыла детский центр. Живёт в городе Перми.

* Маленькая деревушка в Пермском крае.

— Утыкать надо в углу-ту, жар выходит. Окошко ишо закрой, вымоешша дак. Я ишо колды соберусь, жар-от чтобы не вышел, о прошлом разе мне не достался он. На каменку-ту лила-лила — шипит токо, чуть тёплынька она и была... В первый жар-от не пойду ноне, ага? Вовка нать-то пойдёт. Пушшай идёт, мене жар сёдни не надо, не могу чё-тося... Ох, тело-то зудит, пáричча просит. Есь ли жар-от всё ж таки али нету-ка?

— Есь, есь!

— Веники-те ты натаскала ноне али нет?

— Двадцать дружков (пар) натаскала. Хватит тебе, не боись. Навязаны висят уж скоко дней, ты не видала ли чё ли.

— Дак я еть не ходила ишо в баню-ту. Ну, слава богу, хватят тожно надоле. В́иник-от новой завари мене, можот, и побáзгаюся малёхо. Я напарюся, дак мычча-то сила нету уж. Обкатюся токо да домой.

Бабушка Паша помолчала, а потом как будто между делом про-должила:

— В бане мычча беда хорошо. Любела я баню, молода-то была. На полог-от зализёшь, посидишь тамака, поприёшь. Жар-от беда хорошо росходичча по спине. Парилася я ране в три захода. Так бáзгалася, так базгалася — вáчи токо и оставались от виника. Вый-дёшь, отлежишша на лавке. Дай-ко ишо здáну! И опять хлестачча. Вода-та у меня по ляжкам как по желобку стекала! А топеря чё? Куды всё и девалось? Ох, жду-пожду баню-ту я сёдни... Вехоткой ишо натерёшь тело-то опосля. Вымоешша, дак как хорошо. Ну, на-мылися-напарилися тожно до дому как-то бы добрачча. Выйдешь дак сказать ишо надобно: спасибо, банюшка-пáрушка-сударыня, вымыла нас, отдыхай тожно.

Бабушка Паша подбородком оперлась на руки, сложенные на рукоятке дубинки, смотрела перед собой и вздыхала. Через некоторое время опять спросила бабу Дусю, не поворачиваясь к ней:

— Не угарно в бане-то? Я еть в прошлу зиму дома не погледела, закрыла боковушку (боковая заслонка в печной трубе) да и ушла. Захожу — в дому душ́ишше! Дым под потолок. Я двери-те открыла, машу тряпичей. Долгонько махала, пока горечь-та прошла. Топере уж лишний раз загляну, есь ли нет угли-те. Угорела бы не в ку пору.

Помолчав, добавила:

— Двери в бане не роспахивай жо, Дуська.

— Да уж соображу поди.

Бабушка Дуся всё ещё собирала шепки в скрипучее ведро, между делом вырывая крапиву голыми руками по углам дровяника:

— Прогорели дрова-те. Чё переживаш? Вовка сказал не пойдёт в баню, свою топил. Я слетаю быстрёхонько сперва, тазы ополосну, да и тебе идти можно тожно. Да с жару-ту не выскакивай, простынёшь ишо. Иди собирайся. Оде́жу много не бери, чтобы не таскать туды-сюды. Полотенчо не забудь. Приду за тобой через полчаса.

Бабушка Паша обрадованно спохватилась, зашебуршала чунями, встала, пошатываясь, навалилась на палку и побрела маленькими шажками в избу, едва переступив через высокий порог, ощупывая доро-гу. Очень хотелось ей побыстрее пойти, побежать даже, собраться вмиг, халат накинуть, прихватить по дороге ведро с ледяной водой из колодца. Но ей было восемьдесят шесть лет, и не та уж сила-та была, ох, не та.

Алексей МАЛЫЦЕВ

ЖЕНЩИНА ИЗ ПРОШЛОГО.

Отрывок из романа «Перчатки с пришитыми пальцами»

Февраль 2018 г.

И всё-таки: откуда он может помнить это лицо? Эту отрешённую интонацию, с которой его обладательница произнесла безысходное:

— Ну, вот и всё.

И легко взлетевшие вверх руки, когда он начал прослушивать её сердце. Он узнал их, когда-то это уже было в его жизни. Только когда?

Из того, что было доступно, что не выветрилось повседневностью, не заслонило другим, более сочным и наваристым, память привычно сканировала эпизод за эпизодом, где могли фигурировать эти как будто сточенные уголки губ, короткий вздёрнутый носик с горстью веснушек и едва уловимая надтреснутость голоса... Но подобия не находила.

Время женщину не пощадило, но какая это, в сущности, мелочь в сравнении с тем, что Стас почти узнал её. Словно открылась замурованная дверь туда, где он не был целую вечность. Осталось спокойно посидеть и вспомнить. Всего-то! Он был уверен, что вспомнит. Требовалось только время, а времени как раз и не было.

Стас посмотрел на сигарету, которую курил. Тлеющий с одной стороны пучок мелкорубленных сухих листьев, завернутый в бумагу, — тоже, в сущности, символ времени, перехода из одного состояния в другое. Но что-то быстро они, пучки эти, стали заканчиваться! Скоростные, что ли?

Ему не только времени не хватает, но и сигареты!

Из клиники выскочил, на ходу наматывая на шею синий шарф, зам. председателя местного отделения «Неделимой России» Игорь Мартынович Кривицкий. «Идеолог партии», — как про себя его называл доктор. Ему бы к синему шарфику пришить с одной стороны полоску белого, с другой — красного, получился бы натуральный триколор, а так — неинтересно, обычный болельщик питерского «Зенита». Да и кто ему позволит государственный флаг на шею наматывать!

Следом за идеологом захрустел по весеннему снежку оператор с гигантским кофром. Невысокому длинноволосому пареньку пред-

Алексей Васильевич МАЛЫЦЕВ родился 20 октября 1961 года в городе Усолье Пермской области. В 1985-м окончил Пермский медицинский институт, работал по специальности. Сейчас трудится в сфере рекламы. Первая творческая публикация относится к 1986 году, первый поэтический сборник вышел в 1995 году в Перми — «Меж августом и сентябрём». Издавался в Москве, Екатеринбурге и Перми. Автор более 30 книг — поэзии, детективов, триллеров, исторических романов, фантастики, психологической прозы. В качестве сценариста сотрудничал с центральными каналами. Как поэт-песенник сотрудничает с композиторами России и ближнего зарубежья, автор одного из вариантов гимна Перми. Член Союза писателей России (1999). Лауреат литературной премии правительства Кировской области имени Н. Заболоцкого (2013). Кавалер ордена Достоевского II степени (2012). Живёт в городе Перми.

стояло запечатлеть для потомков историческую встречу доктора, как доверенного лица будущего президента, с избирателями. Впрочем, насколько Пермяков был в курсе, съёмки не ограничивались данной встречей. Идея снять фильм о нём была озвучена месяц назад одной известной журналисткой на брифинге администрации и даже поддержана губернатором. С тех пор паренёк с камерой частенько маячил у доктора перед глазами, даже во время операций. Приходилось контролировать себя дополнительно, «фильтровать базар», что напирало и нервировало.

— Станислав Матвеевич, мы через пару часов должны быть в Соликамске. Поспешим, родной! — крикнул идеолог, махнув рукой, и засеменил к припаркованному на стоянке чёрному мерседесу. — Опаздываем безнадёжно... Электорат, конечно, подождёт, у нас куча смягчающих обстоятельств, но злоупотреблять этим, сами понимаете, не стоит. Тем более встреча обещает быть плодотворной. По дороге по основным моментам выступления пробежимся кратенько.

Вот, значит, как — электорат! До сих пор Стасу были ближе другие критерии отбора: больные, пациенты, хроники, диспансерные. Гипертоники, язвенники, диабетики, астматики, наконец... Один коллега гинеколог выражался ещё конкретней: «У кабинета сидит сплошь детородный возраст!» Другой, главврач профилактория, после третьей рюмки любил философствовать: «Мы имеем дело с безнадёжно здоровыми людьми!»

Теперь, значит, электорат. Ну-ну...

Раскрыв дверь иномарки, Кривицкий замер, положил руку на сердце и с мольбой взглянул на Пермякова. Оператор, идущий следом, едва не налетел на него.

И покурить по-человечески времени нет! Не то что посидеть спокойно и вспомнить женщину, которую предстояло на днях оперировать. Завтра, собственно, тоже... И послезавтра. Дойдя мысленно до конца недели, Пермяков бросил сигарету в урну и направился к мерседесу.

А вспомнить чертовски хотелось бы! По сути, сейчас для него нет ничего более важного. Понятно, что женщин в жизни было много. Больше, чем нужно. А сколько их нужно, кто-то знает?

— Игорь Мартынович, можно откровенный вопрос? Так сказать, не по теме выступления, — тронул он за плечо Кривицкого, когда мерседес выруливал из ограды Института сердца. — Сколько у вас в жизни было женщин?

Оператор, сидевший рядом с доктором, от неожиданности хрюкнул.

— Вам бы не про женщин сейчас думать, Станислав Матвеевич. Как вы можете в такое время... Честное слово, не понимаю!

— И всё-таки, — проявил настойчивость доктор.

— Две, как на духу, так и быть, отвечаю. Одна школьная любовь, которая уехала... то ли в Омск, не помню сейчас, то ли в Томск давным-давно, научив меня всем премудростям. И вторая — настоящая моя супруга, Надежда. С ней мы рука об руку по жизни уже лет двадцать как...

— Как? И всё? Две за всю жизнь? — разочарованно уточнил Стас. — И вы хотите, чтобы я поверил?

— А вы бы сколько хотели услышать? — повернулся к нему

идеолог. — Ради успеха нашего общего дела я готов назвать любую цифру. Только бы вы больше не отвлекались на всякую ерунду.

Стас разглядел у него испарину над верхней губой.

«Пожалуй, не врёт, — привычно диагностировал про себя. — Ну, что ж, ему проще, чем тебе, доктор, в аналогичной ситуации. Легче живётся, наверное. Не надо напрягаться, вспоминать, где, когда и вообще...»

— Это не ерунда, Игорь Мартынович, — протянул вслух, — никак не ерунда. Ладно, давайте, что там у вас по выступлению.

— Так вот, акцентировать внимание публики на том, что Центр появился на свет благодаря политике президента, думаю, лишний раз не стоит.

— Но если это действительно так?! Почему же не стоит?

— Это так, я знаю, а не стоит потому, что ситуация изменилась... Стратегически всё остаётся прежним, но тактика немного другая. Сейчас у электората превратное отношение к политикам с такой позицией. Выступления деятелей культуры — актёров, режиссёров и композиторов, говорящих с экрана о том, что вот, дескать, в девяностые были мы все в дерьме, а в нулевые поднялись, — уже приелись, вызывают скорее раздражение, нежели доверие. Особенно если на местах ничего не получается. Ведь поднялись далеко не все, понимаете? А вы — свой, кровь от крови. Должны гнуть своё. Ваш взгляд, ваше мнение — как бы изнутри, под другим ракурсом.

Пермяков слушал идеолога партии, смотрел за окно на проплывающие мимо снежные февральские пейзажи и вдруг понял, что не сможет говорить с избирателями, пока не вспомнит — когда и где видел эту женщину. Она всё заслонила внутри, отодвинула.

Кстати, узнала ли она его? Вряд ли. Ей не до притворства, она обращалась к нему как к хирургу, который будет её оперировать. Традиционная словесная прелюдия: «Уж постарайтесь», «На вас одна надежда», «Пожалуйста, сделайте как можно лучше, спасите»...

У него, кстати, давно заготовлен стандартный ответ для таких случаев: «Я лучше не умею! Не обучен!» Хотя ей он мог бы так не говорить! Мог сдержаться. Она — не все, не остальные, она — одна!

Как это ни претит твоему самолюбию, господин профессор, но в жизни этой женщины ты — оперирующий кардиохирург, не более. Ничего «такого», судя по её поведению, между вами не было.

И пусть твоя память говорит о другом. Пусть давно, пусть полжизни назад... Хотелось бы, но...

Поступила вчера с направлением от участкового ревматолога. Комбинированный аортально-митральный порок, субкомпенсация, предельная доза сердечных препаратов, диуретиков, калия... Весь набор в наличии: многолетний ревматизм после однажды перенесённой ангины, печень, одышка, отёки, ЭКГ, УЗИ, ЭХО. По данным обследований выходило, что придётся вшивать два клапана.

Всё предельно ясно. Кроме одного: где он её видел? Когда-то, давным-давно, может, не в этой жизни... Чёрт, чёрт!

Зачем он начал объяснять ей эту муру?.. Что, несмотря на интенсивные изыскания в области разработки материалов и тканей для изготовления протезов клапанов, «идеального», сравнимого с природным клапаном сердца человека, так и не получено.

Какого чёрта? Идиот! Ей от этого не легче!

Что ей с того, что перед каждым иссечением природного поражённого клапана ты стараешься не упустить ни одного шанса его сохранить, добиваясь максимального восстановления способности нормально функционировать. Да, сейчас есть возможность заменить не весь клапан целиком, а лишь его поражённый компонент. И что?

И про створки митрального кольца зачем завёл бодягу? К чему ей знать про вшивание синтетических колец или шовную циркулярную аннулопластику* новыми сверхпрочными нитями?

Ни о чём другом, более житейском, человеческом поговорить не судьба? Ничего на ум не пришло? Тупица ты, Пермьяков!

Лес за окнами кончился, замелькала холмистость, стало больше света. Намного отчётливей зазвучала чуть картавая речь идеолога партии:

— Наверняка будут жаловаться на инфляцию, коррупцию, кризис, высокую ставку рефинансирования, маленькие пенсии. Здесь можно применить контрвыпад — приём такой есть. А сами-то вы, господа-товарищи, что сделали? Вот я, например, то есть вы как будто, в девяностых не ждал милости от природы. Оперировал и оперировал. Занимался бизнесом, зарабатывая деньги для будущего Центра. Ходил по инстанциям, убеждал чиновников в том, что городу необходима своя кардиохирургия, необходим свой Центр. И добился, как видите... Под лежащий камень вода не течёт! Думаю, подобные аргументы от своего человека, своего лидера окажутся более весомыми... Важно, чтобы они услышали это именно от вас.

Если бы можно было хотя бы убавить звук, как в приёмнике, ему бы хватило, честное слово! Минут на пятнадцать-двадцать.

Стас скосил глаза на оператора, мирно дремлющего справа от него. Вот счастливчик! Да он и сам не прочь отключиться на полчасика, но идеолог не позволит. Может, во сне удалось бы вспомнить её? Ту, которая...

Зовут, кажется, Людмила Валентиновна, замужем, двое детей. Кстати, она что-то говорила, будто живёт одна, семья в Киеве, кажется. У детей — свои семьи. Так случилось...

Когда-то их пути пересекались, он уверен. Подкрадывался всё ближе и ближе к разгадке, оставались какие-то считанные шаги, но их-то сделать как раз и не успевал. Мешал идеолог партии.

— Станислав Матвеевич, вы меня не слушаете?

— Так, краем уха...

— Опять не выспались? Я же просил убрать все дежурства! Это в вашей власти!

— Не в дежурствах дело, Игорь Мартынович. Извините, — грустно улыбнувшись, Пермьяков потянулся, хрустнул пальцами. — Так что там насчёт контрприёмов в предвыборной борьбе?

— Не в предвыборной борьбе, а, скорее, в политтехнологиях. Надо сейчас говорить не о том, что вам кто-то помог. Царь, бог, президент или ещё кто-то. Дескать, он такой хороший, позаботился. Уместней всё представить так, что вам не мешали, что добились вы

* Процедура по усилению и стягиванию кольца сердечного клапана во время операции.

всего самостоятельно. Своим потом и кровью, если хотите. Акцент — на этом!

— Благодаря этому самому невмешательству? Что, бюрократии меньше стало? Вы серьёзно?

Он выдал словесную очередь автоматически, не задумавшись. Идеолог же посмотрел на Пермякова так, словно разглядел на нём такой же галстук, костюм и сорочку, как на себе. Сложный коктейль из удивления, непонимания и раздражения отразился на уставшем лице.

Дескать, что я с вами, как со школьником? Хватит уже!

— Дорогой мой Станислав Матвеевич, я понимаю, вы сложившийся специалист, личность, талант и всё прочее... Привыкли сами ориентироваться в окружающем, принимать решения, рубить с плеча. Но давайте всё же будем помнить, ради чего мы едем, от чего стоит отталкиваться, не стоит отступать от главного. Вы периодически во время выступления на меня поглядывайте. Если я поправляю галстук, значит, вы отвлеклись или... увлеклись, и стоит сбавить обороты. Лучше всего — попросить, чтоб задавали вопросы. Я в этот момент встану и постараюсь всё вернуть на круги своя.

— Ага, значит, галстук — это как стоп-сигнал. Дескать, не тем курсом идёшь, товарищ! Светлое будущее не здесь, а там. Поворачивай в другую сторону! А если про Украину спросят?

— А что про Украину?! — идеолог пожал плечами. — Здесь политика ясна, определена, и это политика нашего президента. За кого мы, собственно, и агитируем... Другое дело, если попросят записать их добровольцами в Донецк или Луганск. Это — ни под каким предлогом! Можете сколь угодно распространяться, что и там, и там уже четыре года люди научились жить под обстрелами, под грохот канонады. Когда смерть близко... Да что я говорю, Станислав Матвеевич, вы всё знаете лучше меня и умеете аудиторию за жабры брать, не мне вас этому учить.

— Это понятно, но я не об этом, — кивнул головой как можно дружелюбней Стас, так как был уверен, что следующая часть предложения Кривицкому придётся не по душе. — Я про галстук спросил, если спросят про Украину, вы его начнёте поправлять или...

Сморщившись, как от зубной боли, Кривицкий набрал в лёгкие воздуха, чтобы разразиться очередной гневной тирадой, но в этот момент у него в кармане запищал мобильник.

— Прошу простить, Станислав Матвеевич. Это наверняка Соликамск. — Вытащив из внутреннего кармана внушительных размеров смартфон, он провёл пальцем по дисплею и приложил аппарат к уху. — Да, Изольда Викентьевна... Едем, насколько это возможно по такой погоде. Пробок особых нет, задержались на выезде... Сейчас поинтересуюсь...

— Примерно через пятнадцать минут, Игорь Мартыныч, если в самом Соликамске пробок не будет, — сообщил водитель, молодой длинноволосый парень, «прострелив» незаданный вопрос.

— Четверть часа, говорят, Изольда Матвеевна. Торопимся как можем. Полный зал, говорите? Ну, пусть подготовят свои вопросы, обдумают ещё раз. Займите чем-нибудь, вы же профессионал. В нашем деле без опозданий не бывает. Хорошо, договорились.

Остаток пути проехали молча. Северный рабочий городок встретил их хмурым небом, мрачной церковью на въезде и вороньём на

одинокое стоящем дереве. Скользнув по птицам равнодушным взглядом, идеолог партии прикрыл глаза. Правильно, вороны же не электорат.

Стас не помнил, как выходил из иномарки, как поднимался по ступенькам Дворца культуры, как разделся, вышел на трибуну. Опомился, увидев сотню пар глаз, направленных на него, услышал напряжённую тишину, воцарившуюся в зале.

«Что ты можешь сказать этим людям, доктор? Сколько у тебя операций на сердце на сегодня? Какой процент осложнений? Зачем? Или расскажешь, как вести здоровый образ жизни? Не пить, не курить, двигаться, питаться соответствующе. Банальную санпросветработу провернёшь, как в начале врачебной деятельности. Так и тут тебе не поверят, если увидят с сигаретой. Ты пришёл их агитировать голосовать за будущего президента страны. Ты, мальчишка из Усолья, приехавший сорок лет назад в огромный город с одним-единственным чемоданчиком... Вообще, имеешь ли ты на это право?»

Перед глазами внезапно появилось знакомое лицо вчерашней больной, он услышал её голос.

— Ну, вот и всё...

И провалился. В прошлое.

ДО ПЕРЕСТРОЙКИ — ПЯТИЛЕТКА

Весна 1980 г.

Она танцевала в голубом свете, подняв вверх руки и скрестив их над головой, — лёгкая, воздушная, тонюсенькая, медленно кренясь то в одну, то в другую сторону, словно тростинка на ветру. Казалось, свет проходил сквозь её хрупкую плоть в лёгком халатике и нёс к нему её энергию, какую-то незнакомую гармонию. Он чувствовал и то, и другое и... наслаждался.

Наслаждался до тех пор, пока в рёбра не упёрся костлявый локоть соседа по общаге Богдана Гончаренко.

— Вставай, пан Станіслав, пора ответ держать за всё содеянное.

Только Богдана величал его так — с ударением на втором слоге, утверждая, что именно так зовут его любимого польского писателя-фантаста Лема. Станіслав. А «пан» — так, для понтов!

Реальность ещё не успела обрушиться на него удушливой лекцией по истории КПСС, а ноги сами выпрямились, словно это был безусловный рефлекс типа кашлевого или рвотного.

— Итак, Пермяков, напомниме нам, — слегка гортанный баритон доцента кафедры бесцеремонно рассеял остатки миража с танцовщицей, а зрение кое-как сфокусировалось на роговой оправе лектора. — Кого критиковал Владимир Ильич в своей работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов»?

— Наверное, друзей народа и... это... критиковал...

Стас споткнулся, так как услышал себя со стороны и понял, что сморозил, в общем-то, глупость. К тому же различил разнокалиберный шёпот, ползущий к нему едва ли не со всех концов аудитории: «Мнимых... мнимых... друзей народа...» Лектор — грузноватый лысеющий теоретик марксизма по фамилии Чугайнов — также его услышал и, снисходительно улыбнувшись, решил утопающему кинуть соломинку:

— Вот как, значит, «наверное»... А поуверенней? Может, вы перечислите этих самых... идеологов либерального народничества,

так называемых «друзей народа»? Пофамильно, так сказать. Я вас внимательно слушаю, впрочем, как и все присутствующие.

Шёпот мгновенно превратился в монотонный шипящий гул, в котором невозможно было ничего разобрать. Спасибо Богдаше — молча раскрыл у себя на коленях конспект с обведёнными в рамку фамилиями.

— Садитесь, Пермяков, — устало выдохнул лектор после того, как раскрасневшийся Стас сбивчиво начал считать неизвестные фамилии. — Витаете неизвестно где, а потом отнимаете время. Повнимательней, пожалуйста. А мы продолжим...

Стас опустил на стул, пожал руку Гончаренко и нехотя раскрыл конспект. Работы вождя мирового пролетариата надо изучать, от них никуда не денешься, без их знания не станешь современным врачом, диалектически мыслящим специалистом, тем более — хирургом. Во всяком случае, именно так выразился на своей вступительной лекции ректор вуза Евгений Анатольевич Гинзбург, профессор, доктор наук. По его словам, не изучив наследие классиков марксизма, невозможно ориентироваться в сложном современном мире.

И хотя было совершенно не ясно, каким образом знание фамилий так называемых друзей народа поможет ему ориентироваться в будущей работе хирурга, Стас привык верить преподавателям, тем более — достигшим заоблачных высот в медицинском научном мире. Так его учили. Да, он уснул на лекции. Потому что с часу до трёх ночи в областной клинической больнице стоял на операции. Не ассистировал, конечно, просто стоял и смотрел. Поступил больной с острой кишечной непроходимостью, начавшимся перитонитом...

Думал, упадёт от удивленного, от нехватки кислорода и головокружения. Но как-то выстоял, выдержал! Потом, когда жадно курили на балконе в ночной прохладе, его один из хирургов даже похвалил за стойкость.

Ещё бы, студент-первокурсник на операции в клинике! Где это видано! Обычно в клинику приходят на третьем, редко — на втором, а тут — первокурсник! Да ещё — достоявший до конца операции. Невиданно!

Стас прислушался к тому, о чём говорил лектор.

— Владимиру Ильичу, когда он писал этот фундаментальный труд, было, как и некоторым из вас, кстати, — продолжал Чугайнов, выйдя из-за трибуны и вытянув по-ленински руку с растрёпанной книжкой в зал. — Двадцать четыре года! Посмотрите, насколько несравненно политически зрелым и сформированным морально он выступает как автор... Какая озабоченность о будущем пролетарского движения чувствуется на этих страницах! А вы, друзья, что же? Экзамены собираетесь как-то сдавать?

— Да собираемся, собираемся, — зашептал, вздохнув, в своей привычной манере сидевший рядом Богдан, чтобы никто не слышал. — У меня, может, тоже озабоченность, только о своём будущем. Но, если я напишу об этом, кто меня напечатает? Скорее — поднимут на смех.

— А ты попробуй, вдруг случится чудо, и напечатают, — борясь с сонливостью, посоветовал другу Стас. — Не боги горшки обжигают. Только надо писать не о своём будущем, а о будущем... страны в целом. Чтобы было интересно всем.

В течение оставшегося получаса он так ни слова и не записал. Потом была лекция по органической химии и семинар по физике. Назавтра светил зачёт по английскому...

Кстати, об английском! К примеру, зачем ему он сдался, если за границу он не собирается, а вся зарубежная периодика есть в переводе! Даже если представить невозможное — что он станет всемирной знаменитостью и через много лет поедет куда-нибудь в Европу на международный симпозиум... Во-первых, там наверняка будут переводчики. Во-вторых, он всё, чему его учили в вузе, к тому времени благополучно забудет. И кто только составляет эти программы обучения!

Они с Богданом медленно брели по улице Ленина, направляясь к трамвайной остановке. Грохот трамваев, скрипы тормозов, снежное месиво под ногами — всё это никак не отвлекало от разговора.

— Я знаю, почему в магазинах много чего не хватает, — как всегда поучительно вещал Гончаренко. — Нет выбора, одежда одинаково серая.

— Хочешь разнообразия — иди на толчок, — посоветовал Стас. — Покупай джинсы, зонтики, дипломаты, пласты французские... Что там ещё? Туфли из крокодиловой кожи.

Богдан презрительно фыркнул:

— Если бы всё решалось так просто. И политически всё так же серо. Нужна многопартийность. Как в Америке, две партии — республиканцы и демократы... И уже много-много лет!

Заметив толпу у книжного магазина, Пермяков схватил друга за рукав:

— Погоди ты со своими республиканцами. Глянь, опять Майна Рида выбросили! Нужную книгу днём с огнём не сыщешь! Разве что в библиотеке замусоленную, из которой страницы вываливаются. Или стой огромную очередь, и то — по одной в руки! Либо себе, либо на подарок. Третьего не дано... Иначе...

Богдан не дал ему договорить:

— Двенадцатый подкатывает, совсем пустой, побежали.

Им повезло: в трамвае удалось усесться у окна. Вагон дёрнулся, Стас сразу же закрыл глаза и попытался вспомнить хрупкую фигурку в голубом свете, которую видел на дежурстве. Попытался, но не смог. В памяти всплывали то окровавленные салфетки, то зажимы... И узлы, узлы, узлы... словно вся хирургия состояла из шёлковых и кетгутовых нитей, которые требовалось непрерывно вязать, вязать...

Как обмолвился один из хирургов во время перекура, на его этапе главное — выдержать, не бросить, проверить — годишься ли. Всё остальное — потом.

После перекура пили крепкий чай в ординаторской. С сушками и кеком. Уставшие хирурги неистощимы на всякие приколы. На тумбочке стоял небольшой телевизор, приглушённо транслировался футбольный матч «Шахтёр» — «Терек». Кто-то смотрел, кто-то обжигался чаем, кто-то корпел над историями болезней.

Комментатор Николай Озеров выдал очередную тираду... что-то типа: «Непроизвольным движением игрок «Терека» послал мяч на несколько сантиметров правее штанги...» Просматривавший в это время на негатоскопе снимки травмированной конечности своего больного

молодой ординатор Николай Пылинкин оглянулся, кашлянул и, подняв вверх указательный палец, продекламировал:

— Коллеги! Здесь среди нас есть студенты, поэтому смолчать в данной ситуации, считаю, преступно. — Все замерли, а анестезиолог Лев Аркадьевич Красноштейн даже застыл с куском кекса у рта. — Так вот, непроизвольным может быть только акт дефекации.

— Ну, ты, Борисыч, всегда был мастер по части... аппетит человеку испортить, — под всеобщий хохот анестезиолог отложил кекс в сторону и поморщился. — От тебя разве что-то приятное услышишь!

— А что, — не унимался Пылинкин. — При всём уважении к Озерову, считаю, выражаться надо правильно. Разве не так? И воспитывать в себе это качество с юных студенческих лет.

Потом хохмили ещё долго. А фраза про непроизвольный акт почему-то засела у Стаса в памяти.

Вообще, между операциями хирурги казались ему какими-то... наивными и незащищёнными, что ли. Говорили о всякой житейской ерунде — где приобрести рулон обоев, на прихожую не хватает, или как поливать фиалку на окне, чтобы не загнила.

И это были люди, ежедневно оперирующие, спасающие жизни! Как-то не клеилось в голове, не стыковалось одно с другим. Стас всё ждал, что вот сейчас начнутся сугубо профессиональные выражения, а вместо них — бытовуха, рутина... Где достать дефицит, как дожить до ручки...

Хотя были и профессиональные термины. Их на него обрушилось в первое же дежурство больше чем достаточно: «репозиция», «иммобилизация», «лапароцентез»... Он даже попытался записывать, чтобы на досуге посидеть в библиотеке, подучить, но потом понял, что узнавать значение слов надо сразу же, не выходя из операционной. «Ковать железо, не отходя от кассы».

Однажды к нему на диван подсел Пылинкин и неожиданно спросил:

— У тебя конструктор был в детстве?

— Вообще-то, нет, — честно признался Стас. — Не имел такого пристрастия. А что?

— Плохо, — развёл руками хирург. Потом снял очки и начал протирать их полой халата. — Может, ты по дереву вырезаешь или из глины... это... ваяешь? Или чинишь дома всё подряд — от часов до электродрели.

— Это вы к чему? — насторожился Стас, удивившись, как могут очки изменять внешность. Без них перед ним сидел словно другой человек.

— К тому, что хирурги много, очень много делают руками. Порой — на ощупь. Мастерят, короче. Клепают, если хочешь, — хирург водрузил очки на нос, став прежним Пылинкиным. — Должна быть страсть, если ты к этому привык с детства, быстро пойдёшь в гору, а если нет... Представь, родители занимаются своим делом, а их чадо пыхтит над конструктором... часами! Знакомая ситуация, согласись!

— Соглашусь, — кивнул студент, поняв, наконец, куда клонит старший коллега. — Только не было у меня в детстве конструктора.

— Это не важно, я ситуацию обрисовываю в принципе. Здесь может получиться хирург. Может, и инженер, конечно, это уж — как повезёт.

— А из меня, значит... ну-ну... — обидчиво начал Стас, но Пылинкин положил ему руку на плечо:

— Не будем торопиться с выводами. В жизни бывает по-всякому. Я тебе привёл это в качестве сравнения, чтобы ты лишний раз сориентировался... для себя. Руки и ещё раз руки, запомни. Старайся узнавать ими на ощупь. Попроси кого-нибудь сложить в мешок незнакомые тебе вещи, пусть подыщут оригинальное что-то. А ты ошупывай их, называй вслух, потом доставай.

Почему-то вспомнилось детство. Там в мешках в основном была картошка, которую не требовалось узнавать на ощупь — овощ, он и есть овощ. Её требовалось периодически чистить. Перед этим, разумеется, сполоснув под умывальником. И свёклу, и морковь...

Ещё вспомнилась школа, из которой его выгнали в восьмом классе за соответствующее поведение. Вернее — школьные задворки, куда пацаны ходили выяснять, кто есть кто в этой жизни. Возвращались потом с синяками, недосчитываясь зубов и пуговиц.

Стас недосчитывался, возможно, чаще других, но нисколько не жалел об этом. За что, собственно, и поплатился отчислением. Удивительно, как удалось ещё аттестат зрелости получить... Кажется — всё вчера было.

Наверное, воспоминания отразились на лице, так как Пылинкин ободряюще подмигнул:

— Выше нос, коллега! Всё впереди, то ли ещё будет!

В расстроенных чувствах он вышел в коридор и увидел её, танцующую, порхающую. Кажется, её звали Людочка, она работала на втором посту торакального* отделения. Видимо, он вышел достаточно неслышно, так как девушка продолжала танцевать, находясь к нему спиной. По коридору струился голубой свет, Стас невольно залюбовался девичьим силуэтом, точёной фигуркой в халатике. Увиденное было настолько неожиданным здесь, в коридоре областной клинической больницы, посреди ночи, что какое-то время студент стоял, раскрыв рот.

Может, она параллельно училась в балетной школе, для репетиций другого времени не было. Или просто настроение хорошее у девушки — такое, что захотелось потанцевать.

Это посреди ночи-то!

Неожиданно дверь ординаторской шумно отворилась, кто-то из хирургов направлялся в реанимацию посмотреть прооперированного накануне больного, и видение исчезло, юркнуло в процедурный кабинет. Никто ничего не заметил. Кроме Стаса.

Всю оставшуюся ночь он проворочался на жёсткой кушетке, твердо решив утром подойти к Людочке и завязать знакомство. Однако не подошёл, не завязал, поскольку проспал, едва успев на лекцию по истории КПСС. Почему-то хирурги решили, что будить юного коллегу не стоит, здоровый сон важнее.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ВЗБУЧКА

Корпуса мединститута разбросаны по Перми, как вещи в жутко захламлённой комнате. Главный, теоретический, морфологический...

* Отделение грудной хирургии.

Расписание занятий составлено так, что времени доехать из одного корпуса в другой — впритык. Не говоря о том, чтобы где-то нормально перекусить. Как будто студенты — не люди и еда им ни к чему.

И начинается: пирожки, бутерброды — сухомятка, короча. О роли хеликобактера в развитии гастритов и язвенной болезни в начале восьмидесятых не было ничего известно, и заболевания развивались просто от нарушения диеты. В среднем каждый второй студент, окончивший мединститут, имел характерный букет желудочно-кишечных проблем.

— Творог будешь? — поинтересовался Богдан.

— Пока не решил, — уклончиво ответил Стас.

К этому времени они медленно двигались в очереди студенческой столовой, глотая слюну и прикидывая, на что хватит наличности, а на что можно только посмотреть.

Стипендия — сорок рублей, на неё особо не разгуляешься. Многие подрабатывали, кому-то помогали родители. Были и студенты совсем иного уровня обеспечения, например, грузин Авто Циклаури. Но о нём — чуть позже.

— Творог — это хорошо, это кальций, — пробубнил Стас, прихихиваясь к салату из огурцов и помидоров. — Это кости, зубы, волосы, ногти... Если кальция мало в костях — начинается остеопороз. Частые переломы, из них особенно опасен перелом шейки бедра.

— И откуда ты всё это знаешь?

— Сам себе удивляюсь! — пожал плечами Стас, едва они уселись за столик. Потом лукаво подмигнул Богдану: — Кстати, как женщина на женщине, скажу — особенно проблема остеопороза актуальна в постменопаузе.

— Что такое постме... менопауза?

— А я знаю?!

И Богдан, и многие из группы привыкли к периодическим медицинским «выкладкам» Стаса, смотрели на это как на простой выпендрёж начитанного мальчика из медицинской семьи. Никто не верил, что родители мальчика — простые работяги из Усолья, не имевшие к медицине никакого отношения, а сам он в школе перебивался с тройки на двойку, дрался, бил стёкла и прогуливал уроки, не питая к чтению медицинской литературы ровным счётом никакого рвения.

— Меня в восьмом даже из школы выперли, — аргументировал он как мог, — правда, потом мне удалось восстановиться. Это дела давно минувших дней, преданья старины глубокой.

— Зачем тогда поступил в медицинский вуз? — резонно интересовался Яшка Блюмкин, оказавшись как-то со Стасом в троллейбусе. — Есть секции бокса, дзюдо или самбо, где все твои данные оченьгодились бы, помогли...

— Бокс и только бокс, — шутя, уточнил Пермяков, проведя в воздухе комбинацию из нескольких свингов и одного апперкота воображаемому противнику. — Я о нём мечтал с детства. Но... не боксом единым жив человек, есть и другие занятия. Хирургия, например.

Народа в троллейбусе было немного, и никто не обратил внимания на махающего руками студента.

— А в армию не было желания пойти? — продолжал интересоваться Блюмкин, глядя за окно на здание ЦУМа и оживлённый Комсомольский проспект. — Там адреналин требуется о-го-го!

— Честно признаться, нет. А что?

Сами того не ожидая, они вдруг начали спорить о долге, который следовало непременно отдать Родине. Стас жестикулировал, недоумевая, почему обязательно отдавать его в виде службы в вооружённых силах, а не стоя у операционного стола, к примеру. Эти занятия были для него равнозначны.

В пылу спора оба не заметили, как к ним притиснулся крепенький мужичок в сером пальто и таком же сером берете. Троллейбус к тому времени заполнился прилично.

— Ребятки, а вас били когда-нибудь? — неожиданно поинтересовался «серый». — Только честно.

— А какое это имеет отношение к тому, о чём мы говорим? — искренне удивился Стас, не почуяв никакой опасности. — К тому же мы не с вами разговариваем. Что вы встречаете?

— Ну, а всё-таки? Отвечайте, когда вас спрашивают, — продолжал настаивать мужичок на своём. — Били или нет?

Зелёные глаза «серого» округлились и, казалось, приклеились к вискам Стаса подобно двум электродам с импульсными токами, начав то и дело подёргивать его мимическую мускулатуру. Обращался мужичок как бы к обоим, а глядел почему-то на него одного. Яков начал знаками показывать Стасу, что как-то надо сматываться, но тот, словно не замечал намёков однокурсника, продолжая опасный диалог.

— Ну, допустим, били, — признался Пермьяков, опустив глаза, — и не раз. А вам-то какое дело?

— Видимо, недостаточно, — констатировал «серый», оказавшийся на редкость крепким и пронырливым. Как ни пытался студент отодвинуться от него, ничего не получалось. — У меня такие, как ты, уклонисты, живенько забывали о подобном свободомыслии. Ишь, что удумал! Заруби себе на носу, молодой, это не тебе решать, каким способом отдавать долг. Ты пока никто в этой жизни! И звать тебя никак!

Извернувшись, мужичок как-то умудрился притянуть значительно отодвинувшегося Якова. Естественно, тот попытался сопротивляться, но ничего не мог противопоставить мёртвой хватке «серого».

— Аккуратней! — возмущался парень. — В чём дело?!

— Тихо, мальчуганы, не рыпаться! — вцепившись студентам в локти, словно клешнями, начал в приказном тоне мужичок. — Я хотел бы знать ваши фамилии, адреса, в каком институте учитесь, номер группы и курс. Быстро!

— А в носу тебе не надо поковырять, дядя? — не обращая никакого внимания на предупреждающие взгляды Блюмкина, выпалил Стас.

— Так, всё, к выходу, — «серому» удалось развернуть обоих парней. Пассажиры испуганно расступались, освобождая проход. — Ты у меня сейчас сначала на пятнадцать суток сядешь. А потом ещё в Афган загремишь, где сполна свой долг отдашь, как миленький.

— Дядя, отпусти по-хорошему, — предупредил Стас, оказавшись на остановке и оглядевшись. — А то мы и огорчить можем.

— Стасёныш, прекрати, — взмолился Блюмкин, готовый к тому времени на коленях умолять «серого» о помиловании. — Не лезь на рожон, прошу.

— Стасёныш, значит, Стас? Ну-ну, запомним. Не советую дёргаться, — предупредил мужичок, без труда увлекая студентов в переулок. — Для таких холуёв, как вы, у меня найдётся пара спецприёмов на выключение. Вырублю в два счёта.

Стасу приходилось бывать в подобной ситуации, когда отец метеленного им пацана вёл его так же за локоть к родителям. Правда, тогда он не осмелился, а сейчас...

— Так, может, проверим приёмчики?

Выгадав момент, он резко лягнул «серого» каблуком в колено. И, кажется, попал, куда хотел — в чашечку. Подтверждением попадания было ослабление хватки и судорожный всхрип.

— Беги, Блюм!

Развернувшись, Стас разглядел гримасу скрюченного мужичка, и почти без замаха с левой от души «встряпал» в разрез. Из рта мужичка при этом что-то вылетело.

«Уж не капа ли?» — автоматически пришла в голову первая боксёрская мысль. Но вскоре Стас разглядел на земле вставную челюсть с вереницей зубов.

— Тебе бы, дядя, мелко измельчённые варёные овощи жевать с осторожностью, — посоветовал напоследок скрюченному мужичку Пермяков, направляясь вслед за Блюмкиным, — а не за студентами-уклонистами по троллейбусам мотаться. Хорёк сутулый!

Пятка потом болела какое-то время.

Никаких последствий для студентов данный инцидент не имел, хотя готовы парни были ко всему, вплоть до отчисления из вуза. Завидев кого-нибудь подозрительного в коридоре деканата или общаги, тут же выскакивали на лестницу и меняли этаж.

Максим ШАРДАКОВ

ОЛЕСЬКИНЫ СТРАХИ. Рассказ

Олеська никогда ещё не гостила у бабушки в Ежово. Её с младшим братом Никиткой чуть ли не последним конвоем успели эвакуировать на Урал из донецкого городка, который напополам разделила линия фронта.

Бабушка Петровна всплакнула от радости и жалости, затискала внучат в объятиях, будто щенят. Весь день хлопотала вокруг них, как курочка-наседка: настряпала шанежек, налепила пельменей, молока налила парного — от своей коровки. Носки тёплые достала из шкафа — сама вязала. Одежонку дорожную, что горем пропахла, заставила снять и новую выдала. Снова всплакнула...

Когда стемнело, Олеська улеглась в мягкую постель, всё ещё никак не веря, что тут никакой войны нет. «Не может такого быть», — думала она, кутаясь в бабушкино лоскутное одеяло.

В Ежово никто не стрелял. Однако Олеська долго жила на Донбассе и знала, что любая тишина подозрительна. После такой тишины обычно начинаются жуткие обстрелы.

— Бабушка, на закрывай, пожалуйста, подвал, — Олеська указала на дверцу с кольцом, что вела в подпол.

— Это голбец, внученька. По-нашему, по-пермячки... Да как не закрывать-то? — удивилась Петровна. — Ведь, не дай бог, упадёшь впотьмах, расшибёшься. Да и продукты там хранятся. Нельзя не запираться — овощ сопреет, картошка погниёт. Или кот, плут ненасытный, вберётся и сметану из крынки вылакает.

— Мы в таком голубце полгода ховались. — Олеська не понимала бабушку. Какие овощи, при чём тут кот? — Вот начнёт «арта» бить — мы туда и залезем! Там нас осколки не достанут...

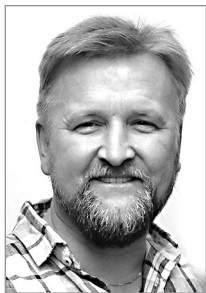
— Да какая-то арта, Олесенька, какие ещё осколки? Господь с тобой! — перекрестилась Петровна. — Спи давай, а я тебя посто-рожу. Вон Никитка уж десятый сон дозаривает!

А артиллерия и верно, не беспокоила. Олеська уснула спокойно. Может, впервые за свои двенадцать лет.

* * *

Проснувшись, Олеська первым делом выглянула на улицу. Красота-то какая! За околицей деревни раскинулось широкое поле,

Фото: Владимир Бикмаев

Максим Алексеевич ШАРДАКОВ родился в 1972 году в городе Очёр. Выпускник исторического факультета Пермского госуниверситета и юридического факультета Западно-Уральского института экономики и права. Офицер запаса, служил в уголовном розыске и войсках МВД. Член Союза журналистов России. Работал в газетах «Звезда», «Советский спорт», «Известия», печатался в различных федеральных и региональных СМИ. Трижды дипломант журналистской премии им. А. П. Гайдара. Автор четырёх книг прозы. Действительный член клуба «Пермский краевед». Живёт в городе Перми.

по которому, рыча, но совсем не злобно, полз трактор-пахарь. Вдали за полем темнел лес — величаво спокойный, в котором не сидели снайперы и вообще никто не прятался, разве что зайчик от лисы.

Вдоль улицы, словно барышни на прогулке, скромно зеленели молодые стройные берёзки. Земля тоже постепенно закутывалась в зелень, за сочным разнотравьем пряча весеннюю грязь и прошлогодний мусор, вытаявший из-под снега. Ну и пусть мусор — не мины же... Так природа, словно женщина перед зеркалом, прихорашивалась, тушью и румянами скрывая морщинки.

Было ещё прохладно, но майское солнце брало своё, пронзительными лучами лезло в комнату прямо через оконные стёкла, грело и слепило. Дома и избушки — все такие разные — хвастались друг перед другом красотой резных наличников, шириной ворот и пестрядью палисадников. Разные дома, но похожие одним — целые они, невредимые, без пулевых отметин и снарядных пробоин на крышах.

«Хорошо на Донбассе, — думала Олеська, — а такой красоты нет. Особенно теперь».

Вдруг из проулка показалась зловещая фигура в камуфляжной военной форме. Поверх неё — «разгрузка» или бронежилет, издалека не разглядишь. Лица не видно — скрыто под балаклавой. Буквы «Z» на форме нет. Значит — нацист. В руке у него длинный тубус. Олеська знала, что в таких трубах нацисты носят гранатомёты. А на плече — ящик железный. Там, наверное, боеприпасы. Осторожно идёт, неуклюже, будто крадётся, и глазами злыми по окнам — зырк-зырк!

— Бабушка, бежим! — закричала Олеська и бросилась от окна. — Там... Там...

— Да кто?! Кто тебя напужал-то так?! — Петровна прижала к себе Олеську. — Пьянчуга что ли спозаранку продыбался? Или соседский волкодав опять с цепи сорвался?

— Т-там, т-там... Нацист с гранатомётом! Сейчас нас жечь будет!

— Мать честная! — всплеснула руками Петровна и посеменила к окошку. — А ну, кто там балует?! Я ему сейчас волосья-то повыдергаю!

Она раскрыла рамы и храбро высунулась в окно.

— Ой, успокойся, милая! — облегчённо вздохнула Петровна. — Это ж дядя Паша с верхней улицы. На рыбалку пошёл. В футляре этом у него вовсе не ружьё, а удочки сложены. А ящик тащит, чтоб сидеть на нём. Подумала, что солдат вражий, коль пёстро назывался? Так у нас все рыбаки так ходят...

— Ты чего, Павлантий, рожу-ту тряпкой замотал? Народ пугаешь! Зябко, поди? — крикнула Петровна прохожему.

— Дует, Петровна! — ответил тот. — Восток потянул — видать, клёва не будет...

— Ни хвоста, ни чешуи тебе! Ты уж, милый сын, коли свезёт, выручи рыбкой-то — внучат угостить...

— Привезли-таки? Ишь ты, господи! Есть, есть рыбка! И лещ, и окушки. Сегодня же занесу! — Дядя Паша снял балаклаву, под которой скрывалось доброе русское лицо, как у Олеськиных папы и дедушки. И глаза оказались совсем не злыми.

— Занеси, Пашенька, занеси, родной! А я тебя не обижу, пенсию как раз дали!

— Уже обидела, Петровна! — вдруг рассердился рыбак. — Чтоб я с малых детишек, да ещё настрадавшихся, деньги брал? Я что, на нациста похож, что ли?

«Совсем не похож», — подумала Олеська и улыбнулась, подивившись своему недавнему страху...

* * *

Тихо в Ежово. Гулять можно, где хочешь — не заблудишься. Люди на вид хмурые, а в душе — добрые, приветливые. Когда они встречали Олеську на улице, то их суровые лица разом смягчались улыбками и взгляды теплели. Правда, у тётенек иногда глаза слезились — видимо, от ветра. То конфетку сунут, то печенькой угостят, а дядя Челпан велосипед почти новый подарил Олеське. Мне, говорит, без надобности, всё равно выбросить хотел. Пошутил, конечно... Хорошие, в общем, люди. На Донбассе таких почти не осталось. Трудно быть добрым и улыбчивым, когда по тебе каждый день «арта» лупит... А вот мальчишки такие же дураки. Они везде одинаковые — задаваки и задиры.

Олеська быстро сдружилась с местными ребятами. Они, в отличие от взрослых, с Олеськой не церемонились, будто та сто лет была своей, не жалели её, и ей так даже было легче.

Девчонки вместе с Олеськой водились с маленьким Никиткой, играли в куклы и догоняшки. Пацаны, конечно, дразнились и обзывались, но всё-таки иногда звали играть в футбол. Правда, только на ворота. И лишь рыжий оболтус и второгодник Тимка постоянно вредничал: то коровьей лепёшкой кинет, то грязным колесом на велике наедет, курточку замарает. Однажды прямо при всех поставил ей подножку. Олеська упала и сильно ушиблась. Даже коленку раскровила. Тимка под жеребьячье ржание своих дружков ждал, что она заревёт. Наивный! Олеське было больно, но она не плакала, потому что повидала этой крови в тысячу раз больше, чем Тимка. А когда Тимка сорвал с неё шапочку и бросил в лужу, Олеська дала ему сдачи — рюкзаком по кумполу. Удивительно, но Тимка в драку не полез и впервые посмотрел на неё с уважением: «Могёшь, красава! Боевая!» «Влюбился, наверное!» — смеялись над Олеськой подружки.

Вдруг высоко за облаками что-то сильно бабахнуло, что даже стёкла в окнах зазвенели, а у соседской легковушки сработала сигнализация. Но её визг заглушил нарастающий рёв. Олеське он был до боли знаком: так, словно из ниоткуда, в донбасском небе появлялись нацистские «сушки». После их налётов на улицах ещё долго бушевали пожары и раздавались нестерпимые крики раненых.

— Ложись, в укрытие! Воздушная тревога! — Олеська ловко прыгнула в придорожную канаву и закрыла голову руками, как учили. — Сейчас рванёт!

Но вместо взрывов бомб Олеська услышала дурацкий хохот мальчишек. Они стояли в полный рост и ничего не боялись. А самый мелкий козелком подпрыгивал на месте и кричал дразнилку:

— Бояка-бояка, чёрная собака!

Но тут же получил подзатыльник от Тимки.

— Заткнулись, ну! — рявкнул он, и хохот мгновенно смолк. Тимка хоть и забияка, и второгодник, однако понимал, откуда приехала Олеська. Где-то там сейчас был его отец...

Тимка подошёл к Олеське, подал руку и легко поставил её на ноги. Отряхнув на ней курточку, он стал её успокаивать:

— Ну чего ты, глупая? Не бывает в Ежово нацистов. Наши это «сушки», с военного аэродрома. Учения у них.

И со знанием дела растолковывал:

— А бабахает так громкуше, когда самолёт преодолевает сверхзвуковой барьер. Ещё такой же шум бывает, когда «топчик» с «пускача» заводят, — и в ответ на недоумённый взгляд Олеськи снисходительно пояснил: — Ну, трактор Т-40 с пускового двигателя. Эх ты, темнота!

Тимка не злился. Что толку — ведь девчонки в технике всё равно не шарят.

Олеська провожала взглядом самолёт, который стремительно удалялся в сторону горизонта, никого не разбомбив и не покалечив. На «темноту» она нисколько не обиделась. Она ведь не знала, что, оказывается, есть и наши «сушки». В Олеськином небе наши «сушки» не летали.

* * *

Олеська приехала в Ежово совсем без игрушек. Их пришлось оставить там, посреди войны, и ей было стыдно и больно, будто она бросила в беде своих друзей. Особенно жаль было плюшевого мишку Тяпу, которого ей подарил папа, когда она была ещё совсем-совсем маленькой, когда на улицах ещё не стреляли, когда папа был ещё жив...

Олеське было чуточку завидно, что брату Никитке разрешили взять с собой пингвинёнка и рыцарский меч, с которым тот с первого дня весело гонялся за курицами по двору. Все её новые друзья тыкались пальцами в смартфоны, летали на самокатах, играли в пионербол и в бадминтон. Ей, конечно, тоже давали телефон — посмотреть «видосики», разрешали покататься, делились мячом и ракетками, но потом уносили игрушки домой.

Бабушка Петровна, само собой, покупала игрушки, но только для Никитки. Потому что считала, что Олеська уже большая и в куклы не играет. И Олеське от этого было чуточку обидно. Не то чтобы ей прямо позарез нужны были все эти игрушки. Просто несправедливо, что у одних есть, а у других нет, считала она.

Олеська могла играть чем угодно. Длинная верёвка — это для неё скакалка, пустая коробка из-под сока — мячик, берёзовое полешко — кукла.

Однажды Тимка проходил мимо её дома и заметил, как она пеленала такую куклу.

— Ты чего это, Олеська, полено в тряпку заворачиваешь? — с ухмылкой спросил он.

— Сам ты полено! — надулась Олеська. — Это не полено, а пупсик.

— Пу-упсик?! — захохотал Тимка. — Да ежели этим «пупсиком» по башке треснуть, то напрочь мозги стрясёт!

Но сегодня он был в хорошем настроении — «четвёрку» по географии получил, поэтому не стал издеваться над Олеськой и проявил редкое для его характера великодушие:

— А хочешь, я тебе, Олеська, настоящих игрушек подарю? У меня этого барахла — завались.

— Ой, правда? — Олеська едва сдержалась, чтоб не захлопать в ладоши от радости.

— Пупсиков у меня, сама понимаешь, не водится. Но кое-что для тебя и Никитки найдётся. Я-то уже не сопляк, чтобы такой фигнёй играть.

Они пошли на нижнюю улицу, где жил Тимка.

Поворачивая в проулок, Олеська увидела, что обочь дороги, в самой грязи валяется игрушка — плюшевый мишка. Точь-в-точь как её Тяпа.

Тимка тоже заметил медвежонка:

— Ого, зырь, кто-то Топтыгина выбросил! Может, порватый или грязный, сейчас глянем! — И кинулся к игрушке.

Олеська испугалась и истошно закричала:

— Тимка, не подходи! Тимка, не трожь!

Но тот схватил мишку и подбросил высоко вверх. Олеська зажмурилась, ожидая непоправимого. Но прошло пять секунд, десять, двадцать — тишина. Олеська приоткрыла один глаз. Беспечный Тимка дёргал мишку за ухо. Олеська подбежала к нему, вырвала из рук игрушку, размахнулась и забросила медвежонка далеко в кусты:

— Тикаем!

Но Тимка не стронулся с места.

— Ты чё, дура, Олеська? — вытарашил он глаза. — Это же не граната — не взорвётся! — и покрутил пальцем у виска. — Совсем ку-ку?

Олеська поняла, что попала в глупое положение. Но если по правде-то — откуда Тимке было знать, что на улицах её родного городка дети тоже находили игрушки? Точно таких же плюшевых мишек, пупсиков, машинок и корабликов. Только начинённых взрывчаткой. Их нацисты специально подбрасывают, зная, что вот такие же любопытные Тимки ни в жизнь не устоят перед соблазном и обязательно поднимут красивую вещицу. Тронь такую — и всё! Рассказать об этом Тимке — ведь не поверит! Олеськина подруга Верочка подтвердила бы её слова, но, увы, уже не сможет никогда. Потому что она подняла мишку...

Но Тимка, глядя на оцепеневшую Олеську, тоже что-то понял. Он вспомнил, как Олеська вжимала голову в плечи, когда в деревне запускали фейерверк, как она боялась самолётов и сторонилась мужиков в камуфляже. Видимо, и с медведями у них на Донбассе что-то не так...

— Да ладно, не парься! — тряхнул он её за рукав. — Всё равно мишаня замурзанный какой-то был — не отстирать. Пошли, я тебе десять таких отвалою — играйся на здоровье...

А на следующий день у ворот дома, где жила Олеська, лежала целая гора игрушек — в пакетах, в коробках, рассыпью.

Их тоже подбросили.

Но трогать их совсем не страшно. Потому что, как сказал Тимка, в Ежово нацистов нет. Здесь только наши.

Николай БАШМАКОВ

КУРКУЛЬ. Рассказ

Сегодня много говорится о единстве народа. А что делать с вылезшей из прошлого психологией?

Зиновий Кулаков за обедом пропустил сто грамм и по установившейся традиции сидел на лавочке, с которой удобно было обозревать не только свою усадьбу, но и участок улицы, прилегающий к ней. Иногда, когда накопится много работы, он люто ненавидел свою «фазенду». А порой, после выпитого самогончика, любил вот так посидеть и поразмышлять, никуда не торопясь...

Дом и участок в двадцать пять соток со всеми насаждениями достался ему от отца. Папа одно время был главой поселения, урвал себе новые хоромы, а старые подарил сыну. Признаться честно, Зиновий не знал, что с этими сотками делать. Не любил он гнуть спину на земле и, если уж совсем честно, работать не любил совсем... И потому откровенно завидовал сестре, которой отец незадолго до смерти завешал свою благоустроенную квартиру. Но дарёному коню в зубы не глядят! Это при Советах было «всё вокруг колхозное, всё вокруг моё». Теперь, слава богу, неприкосновенность собственности, но жадных до чужого добра людей от этого не убавилось. Приходится охранять от соседей и лихих людей всё, что есть. Охранники у него хорошие!.. Две цепные собаки, злобные, как голодные волки, хоть и надоедают постоянным лаем, но чужих хорошо отпугивают...

А соседи всё равно досаждают. Жадный народ стал. Большая ветка черёмухи склонилась через высокий забор его усадьбы до самой земли. В этом году вся была усыпана сочными и сладкими ягодами. Так ведь рвут ягоды и едят все, кто по улице проходит... и взрослые, и дети. И никто не задумывается: можно ли вот так брать чужое без спроса? Птицы едят без спроса, конечно. Подстрелишь одну-две из воздушки, а они на другой день снова прилетают. Но это же птицы безмозглые, им не прикажешь! А тут — люди! Совсем, видно, совесть потеряли. И ведь собак на них не выпустишь. Такой крик поднимут... в случае чего...

Срубил он эту черёмуху вместе с ягодами и выташил на мусорную свалку... Пусть на мусорке едят, а не у него с усадьбы воруют! Хоть ягода эта ему и не нужна, но — дело принципа!

Николай Борисович БАШМАКОВ родился 13 января 1949 года в селе Красная Слобода Слободо-Туринского района Свердловской области. Окончил Тюменское высшее военно-инженерное командное училище (1972) и Военно-инженерную академию (1982). Военный инженер, полковник в отставке. Литературной деятельностью занимается с 1991 года. Автор пяти книг. Член Союза писателей России (2014). Кавалер ордена «За службу Родине в Вооружённых силах СССР» III степени, ряда медалей, в т. ч. юбилейных, медали Польской Народной Республики. Кавалер ордена Достоевского II степени (2017).

До этого пришлось разбираться с собаками. Как лето наступило, так собачий сезон открылся. Едут из городов к соседям детки, и все с собаками... И всем гулять надо по их тихой улице. И каждой собаке нужно непременно пометить столбы возле дома Зиновия Кулакова. А как эти карликовые собачонки нервнируют его псов! Те каждый раз лаем заходятся. Ни отдохнуть спокойно не дадут, ни поработать.

Ну, вроде бы и с этим нашествием справился. Попотчевал собачек куриными ножками, пропитанными крысиным ядом... Сурово, конечно, зато дом его собачники стороной обходить стали...

Неторопливые размышления Зиновия были прерваны обозначившимся движением на улице. На ней появился новый сосед, приехавший в село этим летом. Парень лет тридцати пяти с женой и двумя детками купил на их улице дом Митрофановых, которые уехали жить к детям. У Митрофановых дом крепкий. Иван, хоть и не любил его Зиновий, старик работающий и хозяйство поддерживал в исправном состоянии, пока не занемог. Дом хороший, но новый сосед всё время что-то ремонтирует и перестраивает. Говорят, парень был на специальной военной операции, ноги там лишился. Вместо ноги теперь дорожный протез. А чего не купить и дом хороший, и протез дорогой? Им вон какие тыщи за войну платят, и льготы разные предоставили...

Интересно, куда это он с ведром потащился? Уж не к моему ли гравию? Два года назад эту кучу свалили дорожники возле его дома и забыли про неё. Зиновий как-то спросил про эту кучу Семёна Зыкина, работающего у дорожников шофёром... Тот в ответ засмеялся: «Скажи спасибо, что забыли! Считай, что куча твоя, разровняй лопаткой, грязи хоть перед воротами меньше будет!»

Разровнять гравий руки у Зиновия так и не дошли. А надо бы! Кучка раз от разу меньше становится, видно, соседи растаскивать начали. Совсем совесть потерял народ. Вот и этот припёрся...

Парень и в самом деле подошёл к куче и стал детским совочком насыпать гравий в ведёрко. Зиновий вышел через приоткрытую калитку и тихонько подошёл сзади:

— Ну и что мы тут делаем? Воровством занимаемся?

Парень от неожиданности вздрогнул, повернулся к Зиновию и, улыбнувшись добродушной простецкой улыбкой, ответил:

— Да разве ж это воровство, дядьку? Мне надо всего полведёрка, чтоб тротуар у крыльца отремонтировать...

Зиновий в ответ и не думал улыбаться:

— Меня не интересует, какие у тебя проблемы... Видишь, гравий напротив моего дома сгружен, чтобы взять, спросить сперва надо!

Парень перестал улыбаться и тоже посерьёзnel:

— Твоя правда. Я человек новый, спросил... Мне Семён посоветовал, где гравий можно взять. Сказал, что эту кучу дорожники забыли разровнять, и теперь она вроде как общественная...

— Нет, не общественная! Была дорожников, а теперь моя! Семён пьяница, что хошь наговорит! У меня спросить надо было!..

— Ну, ладно, дядьку, извини, что не спросил, — по-прежнему миролюбиво ответил парень. — Таблички-то здесь никакой не было... Дашь полведёрка?

— Может, и дал бы, если б сразу попросил, а теперь не дам!

Парень усмехнулся и вроде бы в шутку задал вопрос:

— А если на колени перед тобой встану и попрошу, дашь?

Зиновий ответил с откровенной издёвкой, больше похожей на провокацию:

— Если на коленях попросишь, тогда, может, и дам!

Провокация удалась. Лицо у парня побагровело, выдержка оставила его, он резко и со злостью спросил:

— А не слишком ли много для тебя чести, жмот, чтобы русский офицер перед тобой на коленях стоял?!.

Зиновий этой вспышки только и ждал, тут же взвился, как ужаленный осой пёс, и кинулся в атаку:

— А вот обзывать не надо! Думаешь, если ордена нацепил, так управы на тебя не найти? За воровство я тебя на весь район ослаблю!..

Парень презрительно смотрел на Зиновия и понимал: такой из мухи раздует слона и непременно ославит... А потом разбирайтесь: то ли он украл, то ли у него украли...

— А подавись ты своей щебёнкой, жлоб ненасытный!

Смачно плюнул Зиновию под ноги, высыпал из ведра гравий и, резко повернувшись, пошёл, прихрамывая, в сторону своего дома...

Одержав маленькую победу, Зиновий торжествовал. Смотрел вслед новому соседу, злорадно ухмылялся и ворчал: «Иди-иди, орденосец! Поживёшь среди простых людей, так гордыни-то поубавится! Зря хромаешь, не разжалобишь... Не я тебя на войну посылал. Кто льготы тебе дал, у того и помощи проси...»

После повернулся к дому и пошёл за лопатой. Работать совсем не хотелось, но гравий разбросать придётся. Пока слишком умные соседи не растащили его...

Алексей ДУБРОВИН

ЖДЁМ И ВЕРИМ. Стихотворение

Памяти Андрея Дубровина, Алексея Кожевникова
и всех тех, кто выстоял и победил

Давно в России понимали, с Донбассом — общая стезя,
Не отмахнуться от печалей. От детских криков, слёз... Нельзя!

«Простите, — тихо прозвучало от повзрослевших сыновей. —
Мы — на Донбасс». И шли к вокзалам бескрайней Родины моей.

На запад. Снова этот Запад!.. Под роем «птиц» — тире смертей
В атаке русские солдаты — сыны отцов богатырей.

«Шаман», «Самара» и «Уралец», огонь по ярому врагу!» —
Хрипел сержант уже безногий на приднепровском берегу.

До рукопашной доходило, тех четверо, а наш — один,
Ножом работал и снаровкой. Что без патронов магазин?!

Грустят берёзы, плачет небо, салют заслышав громовой,
А там — за «ленточкой» — что ныне зовут черту передовой,

Андрюха, Лёшка, не сгибаясь, ведут за мир священный бой.
Свистят колючие метели. Олег и Димка, ждём и верим...

Алексей Александрович ДУБРОВИН родился в городе Очёре Пермской области. Служил в 129-м Пржевальском пограничном отряде. Во время службы подготовил ряд печатных материалов о буднях солдат в зелёных фуражках, о встречах с героями границы, с тем же легендарным Н. Ф. Карацупой. Очерки публиковались в газетах Краснознамённого восточного пограничного округа, Иссyk-Кульской области, Очёрского района. Окончил Пермский государственный университет (1987). Автор 22 книг, соавтор ряда изданий. Материалы литературных и краеведческих изданий признаны как представляющие интерес в плане духовно-нравственного наследия, патриотического воспитания, освещения вклада жителей Перми и края в обеспечение обороноспособности страны в разные периоды. С 2005 года по настоящее время посещает гражданские организации, учебные заведения, воинские части, военные вузы, где рассказывает о роли и месте писателя, о прототипах персонажей своих произведений, о результатах исследований истории боестолкновений на государственной границе. Статьи публиковались в газетах «Звезда», «Пермский писатель», «Очёрский край», «Граница России», «Аргументы и факты», «Граница России (Урал)», «Новый день» и других, журналах «Великороссы», «Мир и дом», «Ветеран границы», альманахе «Литературная Пермь» и в других. На протяжении ряда лет проводит в г. Очёре (Пермский край) литературные чтения памяти первого председателя Пермской (Молотовской) писательской организации Александра Николаевича Спешилова — «Спешиловские литературные чтения». Почётный гражданин города Очёра (2011). Член Союза писателей России (2012), Союза журналистов России (2014). В настоящее время на пенсии по выслуге лет. Член Совета ветеранов Погранслужбы ФСБ России. Живёт в городе Перми.

Часть 3

Михаил ОРДЫНСКИЙ-ДАВИДОВ

СТРАШНАЯ НОЧЬ В УСОЛЬСКОЙ ТАЙГЕ. Очерк

В марте 2025 года исполнилось 60 лет с момента драматического полёта космонавтов А. А. Леонова и П. И. Беляева на «Восходе-2».

В 10 часов 00 минут по московскому времени 18 марта 1965 года «Восход-2» стартовал с площадки N 1 космодрома Байконур. Уже в конце первого витка вокруг Земли Алексей Архипович Леонов впервые в истории вышел из корабля в открытое космическое пространство. Это было выдающимся достижением в освоении космоса!

Однако тот легендарный полёт запомнился не только этим. Во время 26-часового полёта произошло семь аварийных ситуаций, каждая из которых могла закончиться гибелью «Алмазов».

Одно из происшествий: во время отстрела шлюзовой камеры, через которую Леонов выходил в открытый космос, вышла из строя система автоматической ориентации корабля. «Земля» разрешила ручную ориентацию и ручную посадку. И впервые в истории космонавтики это сумел выполнить Павел Иванович Беляев. Спускаемый аппарат корабля «Восход-2» вошёл в плотные слои атмосферы и в 12 часов 02 минуты 17 секунд московского времени 19 марта приземлился в глухой безлюдной тайге в 180 км севернее Перми.

В командном пункте на Байконуре все последние часы полёта П. И. Беляева и А. А. Леонова в воздухе висело огромное напряжение.

— Не спешите радоваться! — остудил пыл некоторых ликующих сотрудников главный конструктор С. П. Королёв, когда у «Алмазов» стала удаваться ручная посадка.

«Где они сели? Живы ли?» — всех волновали эти вопросы. Наступили томительные часы ожидания. Наконец пришло сообщение, что космонавты по КВ-каналу передали с места посадки телеграфным кодом «ВН», что означало «Всё в норме». Только тогда по командному пункту пролетел вздох облегчения.

Королёв, за прошедшие сутки переживший многое, сказал:

— А теперь принесите для меня полкило валидола.

Михаил Иванович ОРДЫНСКИЙ-ДАВИДОВ родился 14 января 1954 года в селе Орда Пермского края. Служил в армии на Байконуре, работал врачом. Ныне заведующий кафедрой Пермского медицинского университета. Врач высшей категории, кандидат наук, доцент Пермского медицинского университета. Автор более 700 опубликованных научных работ. Помимо врачебной деятельности, 45 лет в свободное время занимается литературным творчеством. Автор 11 литературно-художественных книг, а также документальных повестей и очерков о жизни Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Некрасова, Льва Толстого, Маяковского, Вампилова, Багратиона, Алёхина, опубликованных в журналах «Москва», «Великоросс», «Урал», «Уральский следопыт», альманахе «Литературная Пермь» и других изданиях. Более 40 лет занимается историей космонавтики, организовал экспедицию к месту приземления А. Леонова и П. Беляева, участвовал в передачах по космонавтике на центральном телевидении. Награждён золотой медалью Ю. А. Гагарина, почётным знаком «Строитель Байконура». Включён в энциклопедию «Отечественная медико-техническая наука». Член Союза писателей России (2016). Лауреат литературной премии Лермонтова. Кавалер ордена Достоевского II степени (2017). Живёт в городе Перми.

Начались поиски космонавтов. Они осложнялись тем, что в районе поисков была низкая облачность и очень плохая видимость. Существуют две основные версии, как нашли космонавтов: московская и пермская.

Московскую версию хорошо отразил сотрудник королёвского ОКБ-1 А. И. Осташев: «Когда Королёв убедился, что местные авиаторы не подготовлены к подобным операциям, а переброска штатных служб поиска займёт очень большое время, он принял единственно правильное решение — послать туда «своих толковых мужиков».

19 марта спасатели прилетели в Пермь и пересели в вертолёт. После осмотра места посадки они позаимствовали у двух членов экипажа вертолёта меховую одежду и вместе с лыжами и другим нужным снаряжением по верёвочной лестнице спустились на снег. Примерно 200 м до приземлившегося аппарата им пришлось добираться по пояс в снегу. Вскоре космонавты на вертолёте перелетели в Пермь, а оттуда самолётом в Байконур. Когда эвакуация космонавтов была завершена, Сергей Павлович заметил: «Я знал, кого посылать»¹.

Вероятно, Королёву руководство спасательной группы именно так и доложило, хотя известно, что Сергей Павлович возмущался тем, что поисковики космонавтов одних хотят оставить на ночь в тайге.

Юрий Гагарин в книге «Дорога в космос», возможно со слов этих же спасателей, описывает такую идиллическую картину: «Система мягкой посадки сработала безотказно. Экипаж почти не ощутил, когда корабль коснулся земли. Он опустился в лесах под Пермью в глубокий снег между трёх высоких сосен. На их кронах повис гигантский парашют с ярко видимыми издали оранжевыми полосами. Через сутки на Байконуре мы обняли Павла Беляева и Алексея Леонова»².

Возможно также, что цензура не разрешила Юрию Гагариному написать всю правду. Но что мешает это сделать нынешним авторам, историкам космонавтики? Ведь сейчас разрешено говорить и писать практически всё. Тем не менее, А. А. Александров в своей книге «Путь к звёздам: Из истории советской космонавтики», изданной в 2006 году, так излагает для потомков эту «историю»:

«Корабль опустился в лесу, в 180 км от Перми, в глубокий снег между тремя высокими соснами. На их кронах повис гигантский парашют. Когда на командном пункте получили подтверждение о благополучном возвращении “Восхода-2”, Тюлин³ от имени Государственной комиссии тотчас обратился в Пермский обком партии с просьбой о помощи. Местное руководство хорошо знало район приземления и, создав оперативную группу, помогло в течение нескольких часов эвакуировать экипаж из тайги. Через сутки Байконур встречал отважных космонавтов»⁴.

¹ Академик С. П. Королёв: Воспоминания современников. М.: Наука, 1987. С. 254–255.

² Гагарин Ю. А. Дорога в космос. М.: Воениздат, 1981. С.330.

³ Генерал Тюлин Георгий Александрович — председатель Государственной комиссии по запуску «Восхода-2».

⁴ Александров А. А. Путь к звёздам: Из истории советской космонавтики. М.: Вече, 2006. С. 316.

Пермскую версию наиболее точно изложили Б. Коноплёв и В. Пашин. Она является более реальной, хотя и не отражает всей правды. Борис Всеволодович Коноплёв в 1965 году являлся председателем Пермского облисполкома, вторым лицом в области.

«О том, что на севере области, возможно, произойдёт приземление космического корабля, мы узнали, когда он начал манёвр спуска с орбиты, — вспоминал в 2000 году Б. В. Коноплёв. — Меня вызвал первый секретарь обкома КПСС Галаншин и сообщил эту информацию, полученную им из Москвы по телефону от Д. Ф. Устинова (Секретарь ЦК КПСС, который курировал вопросы космонавтики и вооружения. — **М. Д.-О.**). Я связался с авиаотрядом. Сразу же было дано распоряжение прекратить все полёты для обеспечения обоюдной безопасности — и спускаемого аппарата, и местной авиации. Я выехал на аэродром, где ждал уже готовый к вылету вертолёт Ми-4. Положил в кабину два комплекта тёплой одежды — куртки, унты, лётные шлемы. Пока летели до Березников, поступила информация о приземлении космического аппарата в районе Соликамска. Начали облет тайги. Сели на окраине глухой деревушки, стали расспрашивать жителей о «гостях с неба». Никто ничего не видел.

Снова перелёт. И вот мальчишка в деревне Кургановка сказал, что слышал хлопок в тайге, и указал направление. Полетели. Среди заснеженной тайги увидели на макушке высокого дерева парашют с яркими оранжевыми кругами. Снизились. Видим зарывшийся в снег космический аппарат, а на нём — машущий нам человек. Оказалось, это Леонов вскарабкался наверх, используя не полностью раскрывшийся люк как ступеньку. Мы сбросили вниз одежду, борТПитание, топор.

В принципе, космонавтов можно было эвакуировать сразу, сбросив лестницу, но нам по радио подобную «самодеятельность» запретили категорически. Ближайшую поляну, способную принять вертолёты, нашли в километрах шести от спускаемого аппарата. Туда и перебазировалась поисковая группа, прилетевшая в Пермь из Байконура. Стали пробиваться в тайгу на помощь космонавтам.

Погода стояла холодная, ветреная, толщина снега в тайге превышала полтора метра. Поисковики и солдаты — лыжники с помощью местных жителей одолели все эти километры логов и бурелома. Первыми руки космонавтам пожали пришедшие на лыжах поисковик Владимир Беляев, лесоруб Иван Федосеев, врач Михаил Туманов. Но медицинская помощь не потребовалась⁵.

Но Борис Всеволодович намеренно не уточняет, когда же поисковики добрались до космонавтов. А случилось это уже только 20 марта. Ночью же космонавты находились в тайге одни.

Вот ещё одни воспоминания, опубликованные в областной газете «Звезда» в марте 1992 года. Их автор — известный пермский корреспондент Виталий Пашин. Он пишет: «Без 5 минут двенадцать 19 марта 1965 года по московскому времени раздался телефонный

⁵ Коноплёв Б. В. Из воспоминаний // Звезда. 2000, 17 марта. С. 4.

(В действительности первым обнаружил космонавтов вертолёт Ми-1 с лётчиком Василием Жунёвым. Ми-4 с Коноплёвым был вторым или третьим. — **М. О.-Д.**)

звонок междугородки. Звонил генеральный директор ТАСС Д. П. Горюнов: «Слушай сейчас последние известия и бегом в обком. Оттуда позвони мне и обрисуй обстановку». «Сегодня в районе Перми приземлился космический корабль «Восход-2», — торжественно возвестил по радио Левитан.

В кабинете первого секретаря Пермского обкома партии Константина Ивановича Галаншина за длинным столом сидели остальные секретари и какие-то военные.

Галаншин разговаривал по телефону: «Хорошо, Леонид Ильич... Приложим все силы, Леонид Ильич».

— Ну что, товарищи корреспонденты, за сенсацией пришли? — обратился к нам Галаншин после разговора с Л. И. Брежневым. — Пока ничего утешительного сказать не могу. В воздух поднято четыре самолёта Ан-2 и военные вертолёты. Прочёсывают сверху тайгу, ищут.

Ищут? Значит, приземлившийся корабль ещё не обнаружен? Корабль приземлился не там, где его ожидали, а тысячью километров севернее — в таёжной глухомани Коми-Пермяцкого национального округа. Место посадки «Восхода» запеленговано, по КВ-каналу принят телеграфный код «ВН» («Всё нормально»). Но что с самими космонавтами?

В томительном ожидании текло время. Один за другим следовали телефонные звонки. Звонили первые секретари Свердловского и других обкомов партии. Галаншин отвечал: «Всё в порядке, с часу на час к нам их доставят». Но доставку космонавтов в Пермь пришлось ждать двое суток.

«Восход-2» обнаружили с воздуха часа через три после приземления. Обнаружили по оранжевому парашюту, накрывшему кроны могучих сосен. Зависнув над этим местом, вертолётчики увидели и лежащий на боку корабль, и двух космонавтов, отчаянно махавших руками. Они были одеты в лёгкие комбинезоны, которые вряд ли были способны защитить людей от довольно крепкого в этих местах мартовского мороза. Сбросили людям мешок с тёплой одеждой. До земли он не долетел — застрял в ветках сосен. И второй тюк постигла та же участь... С двух сторон — от Кудымкара и Березников — в глубь тайги двинулись отряды лыжников-добровольцев. Обо всём этом Галаншину докладывали по телефону верные люди, а он тотчас пересказывал услышанное нам.

Мы слушали и недоумевали: для чего вся эта канитель, которая непредсказуемо затягивает вызволение космонавтов из таёжного плена? Разве не проще поднять их на борт вертолёта с помощью троса? Ведь техника такой операции давно и успешно применяется в винтокрылой авиации. На всё это ушло бы полчаса да столько же времени на перелёт до Перми. Но ответственный за доставку космонавтов маршал Руденко не рискнул взять на себя ответственность... Космонавты промаялись в тайге у костра ещё двое суток.

Утром 20 марта Всесоюзное радио передало полное оптимизма сообщение ТАСС о том, что космонавты минувшую ночь провели в Перми, отдыхали со всеми удобствами в обкомовской гостинице. Эта откровенная ложь никого из знающих правду не удивила. Привыкшие к государственному вранью хозяева области посмеивались и перекидывались многозначительными репликами: «ТАСС своё дело

знает». Только днём 21 марта космонавты смогли покинуть место приземления»⁶.

Конечно, правдивую информацию нам могут дать сами космонавты. Но Павел Иванович Беляев умер в январе 1970 года после операции, предпринятой по поводу язвенной болезни желудка, осложнённой прободением, кровотечением и воспалением брюшины (перитонитом). Алексей Леонов — честный и правдивый человек. Но в 1960-е годы все его высказывания «обрезала» цензура. В более позднее время его рассказы записывали и публиковали журналисты, которые частенько путали и даже искажали некоторые факты. Последнее обстоятельство советую вам, дорогие читатели, иметь в виду, прежде чем процитировать рассказы Алексея Леонова, записанные журналистами соответственно в 2000 и 2011 годах.

Первая запись сделана пермскими журналистами Михаилом Смородиновым и Дмитрием Красиком в 2000 году:

«Само приземление «Восхода-2» тоже оказалось неудачным: кабину зажало между двух берёз, заклинив намертво один люк, а второй открывался не до конца. Протиснулись наружу. Снег по пояс, холодно. Павел спрашивает: «Где мы приземлились? Скоро ли нас найдут?» Отвечаю: «Очевидно, между Обью и Енисеем. Месяца через три за нами, возможно, приедут на собаках». Кое-как «просочился» обратно в кабину. Приборы ещё функционировали. Сделал по ним прикидку и обрадовал Беляева, что мы на несколько сот километров западнее — возможно, на Урале.

Наша экипировка не соответствовала ситуации. Мы содрали жёсткое покрытие скафандров, а мягкое намотали на себя и перетянулись, как тюки, стропами парашюта. У нас было оружие — пистолеты Макарова. В ночной беседе у костра мы с Павлом лишь утвердились в мысли, насколько они бесполезны в таёжной глухомани: сигнала не подашь, крупного зверя не завалишь. Тогда, на пермской земле, и началась разработка идеи аварийного запаса попавших в экстренную ситуацию космонавтов, лётчиков, геологов.

Провести в пермской тайге двое суток нам пришлось из-за того, что пробиться через чащобу было сложно. Первый вертолёт прилетел примерно через три часа после приземления, и нам сбросили тёплую одежду и сухой паёк... А на следующий день к нам пробились поисковики. По проторённой ими лыжне мы часа три шли на лыжах 6-7 км до поляны, на которой нас ждали вертолёты»⁷.

Журналисты могут достаточно вольно излагать диалоги космонавтов в пермской тайге. Так, один московский корреспондент приписал Леонову такие слова в ответ на вопрос Павла Беляева, куда они приземлились: «Х... его знает!»

Не могу согласиться с уважаемыми журналистами и в том, что первую ночь в пермской тайге Беляев и Леонов провели в компании с лесорубом Василием Наседкиным. Действительно, работник местного леспромхоза, уральский богатырь Василий Наседкин спустился прямо к космонавтам по лестнице из вертолёта. За спиной у него была подвешена бензопила «Дружба». Наседкин свалил бензопилой

⁶ Пашин В. Космодром в пермской тайге // Звезда. 1992, 18 марта. С. 4.

⁷ Красик Д., Смородинов М. Космические гости Прикамья // Звезда. 2000, 17 марта. С. 4.

несколько деревьев, расчистил площадку от стволов, из распиленных стволов деревьев соорудил большой костёр. Однако всё это было не вечером 19 марта, а на следующий день — 20 марта!

Журналисты Д. Красик и М. Смородинов⁸ свою версию в 2000 году строят в основном на высказывании Б. В. Коноплёва. Понять того можно: партийную власть могли осудить за то, что они холодную мартовскую ночь провели в тёплых квартирах в Перми, в то время как герои космоса коротали её одни в глухом таёжном лесу. Вот и «всплыл» спасительный богатырь Вася Наседкин. Но вот что получается. В 1978 году я беседовал очень подробно с Михаилом Смородиновым, будучи его лечащим врачом (он тогда перенёс в нашей больнице хирургическую операцию, а я, молодой тогда хирург, ассистировал на ней хирургу Р. А. Малингер). Тогда известный поэт Михаил Смородинов утверждал, что первую ночь в уральской тайге космонавты провели одни. В 2007 году вопрос о Наседкине я задал непосредственно Б. В. Коноплёву. Борис Всеволодович честно [? — **М. О. Д.**] признался, что не помнит и не знает, какого именно числа (19 или 20 марта) Наседкин пришёл на помощь космонавтам.

Всё же остальные авторы уверенно утверждают, что первым пришёл на помощь космонавтам военный спасатель, подполковник Владимир Сергеевич Беляев. Он добрался до них только на следующий день, 20 марта. При этом рядом с П. И. Беляевым и А. А. Леоновым никого не было, «Алмазы» у спускаемого аппарата «Восхода» были одни.

Второе воспоминание Алексея Леонова о пребывании в пермской тайге, записанное журналистами, мы приводим из книги «7 побед в космосе», вышедшей в 2011 году: «Вертолёт обнаружил место посадки в глухой тайге Северного Урала. Мы сидели в скафандрах двое суток, у нас не было другой одежды. На третьи сутки нас оттуда вытащили. Из-за пота у меня в скафандре было по колено влаги, примерно 6 литров. Так в ногах и булькало... Мы сняли скафандры, разделись догола, выжали белье, надели его вновь. Затем спорили экранно-вакуумную теплоизоляцию скафандра. Всю жёсткую часть выбросили, а остальное надели на себя. Это 9 слоёв алюминизированной фольги, покрытой сверху дедероном. Сверху обмотались парашютными стропами, как две сосиски. И так остались в тайге на ночь. А в 12 дня 20 марта прилетел вертолёт, который сел в 9 км. Другой вертолёт в корзине спустил прямо к нам Юру Лыгина. Потом подошли на лыжах Владислав Волков (будущий космонавт) и другие. Они привезли нам тёплую одежду, налили коньяка, а мы им свой спирт отдали — и жизнь стала веселее. Костёр развели, котёл поставили. Мы помылись. Часа за два срубили нам маленькую избушку, где мы и переночевали нормально (с 20 на 21 марта). Там даже постель была... Для вертолётов вырубили посадочную площадку. До неё мы добрались на лыжах»⁹.

⁸ Красик Д., Смородинов М. Космические гости Прикамья // Звезда. 2000, 17 марта. С. 4.

В беседе со мной в 2014 году организатор спасательных лыжных команд Р. А. Вагин уверенно заявил, что Наседкин вышел на космонавтов на лыжах днём 20 марта, а затем уехал за бензопилой и был доставлен вторично к космонавтам уже на вертолёте Ми-1 по тросовой лестнице.

⁹ 7 побед в космосе. М.: Эксмо, 2011. С. 67–68.

Помимо цитированных воспоминаний, существует много других, порой противоречивых. Драматическую ночь в пермской тайге и эпопею спасения космонавтов очевидцы, авторы воспоминаний и журналисты описывают различно.

Мне в течение 30 лет удалось изучить 48 источников, как центральных изданий, так и местных, пермских, а также много печатных, рукописных, кино- и фотодокументальных архивных материалов, чтобы установить истину. Беседовал также с десятками очевидцев. Особенную помощь оказали Р. А. Вагин, Д. П. Глотин, Г. П. Шехматов.

Многое мне рассказал и сам Алексей Архипович. Космонавта А. А. Леонова я лично знал с 1979 года, когда служил на Байконуре начальником медицинской службы одной из воинских частей. Затем несколько раз встречался с прославленным космонавтом в Перми и Москве. Последний раз — в 2017 году на телепередаче «У Малахова», посвящённой Дню космонавтики и выходу в свет художественного фильма «Время первых». Генерал А. А. Леонов — абсолютно земной, простой человек, ему, например, не нравилось, когда я начинал его восторженно хвалить.

По всем изученным документальным данным и воспоминаниям очевидцев мне удалось полностью реконструировать события, которые я подробно и последовательно излагаю ниже.

В 12 часов 02 минуты 17 секунд московского времени (в 14:02 по местному) 19 марта 1965 года спускаемый аппарат с космонавтами П. И. Беляевым и А. А. Леоновым приземлился в 180 км севернее г. Перми (59°34'03" северной широты и 55°28'00" восточной долготы). Но 180 км — это по прямой, по карте. Район приземления практически недоступен для наземного транспорта. Он располагался в глухой, совершенно непроходимой тайге. Точка приземления, если исходить из современного административно-территориального деления Пермского края, располагается в крайней западной части Усольского района, буквально в трёх километрах протекает граница с одним из самых необжитых и малонаселённых регионов нашей страны — Коми-Пермяцким автономным округом, который также входит в состав Пермского края. Расстояние до ближайшей деревни (ныне нежилой) Кургановки, расположенной в юго-восточном направлении от точки приземления, составляет около 17 км (напрямик, по карте). Вокруг точки приземления в радиусе 17–20 км никаких дорог нет, даже просёлочных. Помимо того, что здесь глухая непроходимая тайга, местность сложно-пересечённая, имеется большое число оврагов. Лес очень густой, преимущественно хвойный (ели, сосны, хотя встречаются и берёзы).

От Кургановки на восток, к райцентру Усолье, идёт лесная, труднопроходимая для транспорта дорога. Летом по ней можно проехать на лошади с телегой, гусеничном тракторе с тракторной тележкой. Зимой дорогу заносит. Невдалеке от Кургановки есть ещё несколько нежилых деревень на два-три заброшенных дома и одинокие охотничьи избышки. Дороги петляют, очень извилистые. На восток от точки приземления расстояние составляет: до райцентра Усолье — 90 км, до Березников (здесь прошли детство и юность Бориса Ельцина) — 95 км, до Соликамска — 125 км. На запад от точки приземления практически нет никаких дорог на расстоянии 20 км (тайга, затем сплошные болота). До села Кочёво напрямик по карте

70 км. От села Кочёво до центра Коми-Пермяцкого автономного округа г. Кудымкар по дороге — 70 км. Город Пермь располагался на юге от точки приземления в 180 км, но если ехать по дорогам, то путь составляет: через Усолье и Березники — 300 км, через Кочёво и Кудымкар — 340 км.

Толщина снега в районе приземления составляла более полутора метров. Снег здесь начинает таять только в конце апреля. До ближайшей жилой деревни нужно было по тайге, большую часть пути — без всяких дорог, идти почти 20 км, но это ещё надо было выбрать правильное (восточное) направление, иметь хорошую карту местности. Оцените трудность пути: 20 марта спасатель Владимир Беляев, имея лыжи, 2 км по этой тайге прошёл за 5 часов! Космонавты 21 марта по проторенной спасателями и охотниками лыжне прошли 6 км на лыжах за 3 часа.

Но, естественно, в «Восходе-2» никаких лыж не было, а скудный запас пищи в тубах можно было растянуть только на два дня.

Если бы космонавтов вдруг не нашли, до ближайшего жилья пешком через тайгу, буреломы, лога они добрались бы, по мнению корреспондента «Известий» С. Лескова, за 30 дней. Я считаю, что пешком до ближайшего жилья, людей они смогли бы добраться в лучшем случае за две недели. Если бы не погибли от холода и голода!

Какая погода была в Усольском районе Пермского края 19 марта 1965 года? Днём температура воздуха прогрелась до минус 18°C, а в ночь на 20 марта столбик термометра опустился до минус 29°C. Днём 19 марта стояла облачная, с прояснениями, погода. В полдень, как отмечали приземлившиеся космонавты, временами проглядывало солнце, но когда в этот день начались активные поисковые операции, солнце полностью скрылось, отмечена низкая облачность и очень плохая видимость, что затрудняло поиск. К вечеру усилился ветер, пошёл снег, наблюдалась небольшая метель.

При приземлении перед самой землёй включились реактивные двигатели мягкой посадки. Поэтому Павел Беляев и Алексей Леонов не почувствовали удара. Спускаемый аппарат «Восхода-2» попал в узкое пространство между густо растущими деревьями и вклинился между ними. Он медленно осел и нижней частью погрузился в толщу полутораметрового слоя снега. Можно было бы пошутить, что он не приземлился, а «приснежился». Кабина оказалась плотно зажатай с трёх сторон большими деревьями (соснами, но некоторые журналисты со слов А. Леонова упоминают и берёзу). Верхняя часть кабины зависла между стволами над толщей снега. Ярко-оранжевые с белыми полосами огромные купола парашютов повисли на кронах сосен-великанов.

Первые ощущения космонавтов — огромная радость и успокоение. Они приземлились, не погибли при спуске с орбиты, несмотря на смертельный риск. В корабле ещё что-то потрескивало, попискивало, остывая.

— Ишь, как мягко встречает твердь, — произнёс Леонов. Он лежал в кресле спокойный и умиротворённый.

Павел Иванович молча колдовал у пульта, отключал системы корабля. Затем он продвинулся к люку и спросил:

— Откроем?

— Да, будем выбираться, — ответил Алексей.

Они сделали попытку открыть люки кабины и выйти из неё, но это не удалось. И основной, и вспомогательный люки снаружи были придавлены стволами деревьев. Один люк был заклинен намертво, второй немного начал поддаваться усилиям обоих космонавтов, чуть приоткрылся. Космонавты раскачивали кабину, всей массой одновременно налегали на тяжёлую дверцу. Наконец, люк сместился, медленно сдвинулся с опорных болтов и соскользнул в снег. Свежий морозный воздух ворвался в спускаемый аппарат, обжигал лицо, шекотал горло.

Интересную точку зрения высказал полковник в отставке, руководитель Пермского отделения ветеранов Байконура Дмитрий Глотин¹⁰, который по роду службы отлично знал устройство космической техники и даже состоял в комиссии по её приёму в эксплуатацию. Он считает, что в результате полного заклинивания люков приземлившегося «Восхода-2» космонавты могли погибнуть. Проходя плотные слои атмосферы, обшивка корабля нагревается до 6 тыс. градусов. Если люки в ближайшее время после приземления не будут открыты, то, по мнению Д. Глотина, за счёт передачи тепла внутрь корпуса, температура в нём за 10–15 минут может повыситься до плюс 200°C. Но космонавтам всё же удалось с большим усилием открыть один из люков.

Космонавты выбрались на обрез люка, по очереди спрыгнули в снег. Первым это сделал Павел Иванович и сразу утонул по грудь. Барахтаясь в снежном крошечке, он начал уминать, трамбовать снег, пытаясь создать рабочую площадку.

Космонавты осмотрелись. Кругом была бескрайняя дремучая тайга. Высокие хвойные деревья (сосны и ели) стояли в белоснежном саване. Верхушки сосен улетали ввысь, где виднелся оранжевый купол парашюта, расстелившийся над лесом. Солнце проглядывало через облака. Снег был удивительно чистым, белым. На нём виднелись следы зайца и птиц-косачей, что разглядели их глаза заядлых охотников. Позднее они видели в лесу белок.

В этой глухомани как будто никогда не ступала нога человека — всё было в чистой, нетронутой, первозданной красоте! Стояла удивительная, абсолютная тишина.

Тайгой Беляева и Леонова не испугаешь! Ведь детство у обоих прошло в глухих таёжных вологодских и сибирских лесах. Хотя среднюю школу Беляев оканчивал уже на Урале, в Каменске-Уральском.

Скоро космонавты почувствовали холод: полётные костюмы не предохраняли от стужи. Крепкий мороз оторвал их от созерцания красот таёжного леса, загнал обратно в корабль, заставил срочно заняться своими обязанностями и задуматься о своём спасении.

Достали секстант и замерили свои координаты. Район севернее Перми. Существовала версия, что космонавты, применив ручную посадку, сели чуть ли не наугад. Генерал А. А. Леонов в 2011 году это опроверг: «Мы сами выбрали район для посадки — в 150 км от Соликамска, потому что там была тайга. Никаких предприятий, никаких

¹⁰ Глотин Д. Воспоминания // Звезда. 2000, 17 марта. С. 4.

линий электропередач... В результате при скорости 28 000 км/ч мы сели всего в 80 км от нами же рассчитанной точки»¹¹.

Сразу после приземления космонавты передали по КВ-каналу телеграфный код «ВН» («всё нормально»). Сейчас же они включили приводную радиостанцию, чтобы вертолёт поисковой группы могли по автоматическому радиокомпасу точно выйти на её сигналы, то есть на точку посадки «Восхода-2». Теперь они уже знали, что их обязательно найдут. Но когда?

В связи с крепнувшим морозом нужно было утеплиться. Достали аварийный запас. В нём было много разных вещей, но сейчас абсолютно не нужных — средства для отпугивания акул, рыболовные крючки и снасти, нитки, иголки и т. п. Но самого главного — тёплой одежды — не оказалось.

Помогла смекалка Алексея Леонова. Пока Беляев пытался разжечь костёр, Леонов забрался на верх корабля и подтянул к себе полотно парашюта. Он стал обрезать от него большие куски и бросать сверху другу: «Держи, Паша, это будут наши с тобой тулупы!».

Спустился вниз, на утрамбованную Павлом небольшую площадку. Вдвоём они разожгли неплохой костёр. Стали переодеваться и утепляться. Сняли скафандры, мокрое бельё выжали и снова надели на себя. Из скафандров жёсткое покрытие содрали, а мягкое натянули на себя. Сверху обмотались большими кусками материи и стропами, отрезанными от парашюта. Стало теплее.

Сидя у костра, они надеялись, что их запеленговали, что снаряжается экспедиция, формируются поисковые группы, чтобы их найти и эвакуировать. Надо было просто ждать. Погода испортилась: солнце исчезло, небо заволокло облаками, усилился ветер.

Нужно было подкрепить силы.

— Ну, теперь, Лёша, доставай харч, — попросил Павел Иванович.

Алексей Леонов передал ему бортовой аварийный запас. Пища была расфасована в тубы, и было её очень немного. Ели молча, медленно, раздумывая о дальнейших действиях. Горячего кофе попить не удалось — спиртовка для разогревания туб вдруг с шумом взорвалась у костра.

Вдалеке послышался шум самолёта. Павел Иванович, подумав, что это ищут их, торопливо выстрелил из пистолета. Затем виновато посмотрел на Алексея, пряча оружие. Что мог дать одинокий хлопок из пистолета Макарова в огромном лесном массиве?

Снова послышался рёв пролетающего самолёта.

— Ил-14, — уверенно определил Леонов. И вдруг они увидели, что самолёт пошёл на снижение. Очевидно, лётчик заметил огромный оранжевый купол парашюта, расстеленный над участком леса, где находились космонавты. Самолёт прошёл над верхушками деревьев на бреющем полёте, покачав крыльями, и ушел.

Снова томительное ожидание. Наконец, они услышали спасительный гул вертолёта. Алексей Леонов быстро забрался на самый верх кабины, стал кричать и махать руками. Стрекоча винтами, вертолёт кружился вокруг места приземления «Восхода», затем на большой высоте завис, вроде бы как раз над ними, и сбросил меховую

¹¹ 7 побед в космосе. М.: Эксмо, 2011. С. 67.

экипировку: лётные куртки, шапки, унты. Но сбросил вещи плохо, в сторону от космонавтов, да и ветер ещё дополнительно отнёс их. Они упали метрах в 70 от кабины корабля.

Вертолёт улетел, и пока разочарованный Алексей спускался с кабины корабля, Павел Иванович отправился по глубокому снегу в направлении сброшенных вещей. Двинулся он радостный и с большим энтузиазмом. Но, по самое горло войдя в громадную толщу снега и борясь с ним, он быстро понял, что радовался преждевременно. Беляев пробивался через снег, раскидывал его, опрокидывался, пытался взгромоздиться на сформированную снежную горку, снова проваливался. Но при этом он практически оставался на месте. За несколько минут Павел преодолел 3–4 метра и бросил свою затею. Полностью выбившись из сил, он возвратился к огню, ругая «косых» вертолётчиков, не сумевших точно зависнуть и как надо сбросить тёплые вещи, так необходимые им сейчас. Напоминаю, что в этом первом вертолёте руководителем сидел Б. В. Коноплёв, как следует из его воспоминаний. Окажись я на месте Бориса Всеволодовича, то считал бы, что, можно сказать, жизнь прожита не зря: удостоился чести быть обматерённым знаменитым космонавтом Павлом Беляевым!

Через несколько десятков минут появился второй вертолёт. Он тоже покружился вокруг стоянки, завис над космонавтами и стал сбрасывать вещи. Второй вертолётчик был, наоборот, чересчур точен. Вещи — какие-то ящики, коробки, стеклянные банки, свёртки посыпались с неба прямо на космонавтов, которые бросились прятать свои головы под ветви деревьев, прижавшись к их стволам. «Артобстрел!» — крикнул Беляев сердито. Предметы ударились о стволы деревьев, рикошетиrowали, рассыпались, бились.

«Отстрелявшись», второй вертолёт улетел. Виснув головы, космонавты тоскливо рассматривали следы «артобстрела». На утоптанном ими «пяточке» лежали только осколки стекла, обломки и обрывки тары, фрагменты пищи, разбитые термоса с вылившимся супом и чаем. Большинство вещей повисли на густых ветвях деревьев, высоко над космонавтами. Присмотревшись, там можно было увидеть меховые лётные куртки, комбинезоны, какие-то свёртки. К счастью для Беляева и Леонова, наиболее опасный груз — топоры — упали далеко в стороне, в глубокий снег. К лету они вытаяли, и охотники нашли в этом месте несколько топоров и много других вещей.

Уже в сумерках появился третий вертолёт. «Артобстрел» повторился. Но эти вертолётчики оказались более удачливыми. На площадку космонавтов упало несколько курток. Остальные вещи опять застряли высоко на ветках. Как назло, курток было в избытке, но зато не оказалось ни одних брюк! Все тёплые штаны остались на вершинах деревьев. Чертыхаясь, Беляев и Леонов натянули поверх своих скафандро-парашютных обмоток куртки, а на ноги надели... тоже куртки. Сейчас вы можете представить внешний вид этих небесных пришельцев!

Незаметно пришёл вечер. Очень быстро наступила пугающая неизвестностью темнота. Темнеет в этих краях 19 марта в 18 часов 41 минуту (местного времени). Усилился ветер, пошёл снег, началась слабая метель. Стало заметно холоднее. Космонавты, поёживаясь от холода, прижались к костру, который нужно было постоянно поддерживать, поднося сучья и ветки, иначе он мог легко потухнуть.

Итак, первый вертолёт появился через 3 часа после приземления, около 17 часов местного времени. Они радовались ему, словно дети, наивно полагая, что спасены. Постепенно радость сменилась сначала удивлением, а затем — глубоким разочарованием. Сейчас, когда после наступившей темноты вертолёты больше не прилетали (слышен был только их шум где-то в стороне), вся эта вертолётная бездарная эпопея казалась им дурным сном. Они, герои космоса, отлично разбирающиеся в технике и авиации, никак не могли взять в толк, почему их не поднимают на борт, не опускают им тросовую лестницу. Им были понятны рассуждения пилотов и ответственных лиц: приземлиться вертолёту для эвакуации космонавтов было нельзя, так как мешал густой лес. Большая высота деревьев затрудняла снижение. Пилоты, очевидно, считали, что с лестницы, выбрасываемой с борта вертолёта, невозможно ни спуститься к космонавтам, ни им самим подняться по ней наверх — слишком высоко.

Но можно было спустить трос, сделав на конце его петлю или другое приспособление для фиксации и закрепления космонавта. Можно было спустить им специальную корзину, подвешенную на тросе, и по очереди поднять космонавтов в вертолёт. Непонятно было, почему вертолёты зависают так высоко, боясь опуститься ниже. Понятно, что деревья растут здесь густо, многие стволы сосен высокие. Но ведь ни один вертолёт не сделал даже ни одной попытки снизиться, хотя бы на чуть-чуть. Особенно недоумевал Алексей Леонов, который имел прекрасную вертолётную подготовку и умел мастерски пилотировать машину! Да, снижаться было опасно, имелся определённый риск, но ведь даже и попыток рискнуть никаких не было!

Ещё вчера, 18 марта, Леонов выходил в открытый космос. Он не знал, вернётся ли живым оттуда. Ведь ещё ни один человек до него никогда не был в открытом космосе — а вдруг там наступит моментальная гибель человека? Но он смело шагнул в бездну! И сегодня, видя, что да, в трудных, опасных, но всё же привычных земных условиях никто из пилотов совершенно не желает рисковать — Алексей Архипович в душе возмущался.

Уже шла ночь. Леонов и Беляев сидели, скрючившись от холода, у костра и размышляли. С самолёта могли спустить парашютистов-десантников, некоторые из них приземлились бы невдалеке от космонавтов и быстро пришли бы последним на помощь: поддерживали бы костёр, начали рубить деревья, быстро освободив площадку для вертолётов, которые смогли бы эвакуировать космонавтов.

Павел Иванович тихо ворчал и возмущался «артобстрелом», устроенным вертолётчиками. Прилетели, пораскидали на весь лес вещей и улетели. А ведь можно было тёплую одежду компактно уложить в виде тюка, связать, привязать к тросу и на тросе или верёвке аккуратно спустить космонавтам. К тросу можно было привязать корзину, сложить туда топоры, бензопилу, шапки, спички, бензин для костра, еду, а потом эту корзину спокойно опустить вниз прямо в руки космонавтам.

Итак, на тайгу опустилась тёмная морозная ночь. Космонавты уже поняли, что до утра, до светлого времени суток, к ним никто не придёт на помощь.

Небо прояснилось. Мерцали звёзды, изредка вспарывая темноту. Мороз всё крепчал. К утру температура понизилась до минус 29°C.

От сильного мороза трещали деревья. пылал костёр. Блики света играли на утомлённых лицах космонавтов, на обгоревшей обшивке кабины «Восхода-2». В основном они сидели или лежали, свернувшись калачиком, у костра. Находиться в промёрзшей кабине «Восхода-2» было невозможно. Пытались уснуть, но это плохо удавалось — холод будил их. Это был скорее не сон, а состояние полудремоты, прерываемое бодрствованием. Необходимо было поддерживать костёр, что они поочерёдно делали, бросая в него ветки и сучья. Ночь тянулась нескончаемо долго.

Временами разговаривали. Вспоминали перипетии тяжёлого и драматичного полёта, выхода в космос, ручной посадки. Разговор заходил и о подобных ситуациях, с которой они столкнулись при приземлении. В мировой космонавтике до их полёта подобное никогда ещё не встречалось: не было случаев, чтобы кто-то из космонавтов или астронавтов приземлился в глухой непроходимой тайге в лютой мороз. Было совершенно ясно, что аварийный запас требует дополнения тёплой одеждой и средствами выживания в безлюдной зимней местности. Пистолет Макарова — игрушка: крупного зверя он может только напугать, выстрел из него никто не услышит. Нужны специальные сигнальные ракеты. Совершенно ясно им стало и то, что космонавтам перед полётом необходимы тренировки на выживаемость в холодном лесу, безлюдной местности. И именно после полёта «Восхода-2» эти тренировки стали обязательными.

Скудные запасы пищи в тубах у них были. Еду они не съели всю сразу, берегли. Не знали ведь, когда к ним придут на помощь. Но голод чувствовали сильный.

Зверей они не боялись — у обоих детство прошло в тайге. В марте в Усольском районе Пермского края рыщут стаи голодных волков, здесь много медведей, в том числе встречаются медведи-шатуны, которые очень опасны, возможно нападение рыси. Но космонавты на следующий день, когда к ним пришли на помощь, сообщили, что в лесу они, кроме белок и зайцев, никаких зверей не встречали. Несомненно, им в этом отношении повезло.

Могли космонавты совершить и такую ошибку: уйти от костра и двигаться по направлению к периодически слышимому вертолётному шуму (там спасательная группа ВВС обустроивала свою базу и так называемую «дальнюю» вертолётную площадку), надеясь, что они смогут сами пробиться через тайгу к людям. Это была бы верная гибель.

Напомню, что в феврале 1959 года, то есть за шесть лет до полёта «Восхода-2», в соседней Свердловской области, всего лишь в 350 км от места приземления «Алмазов», в полном составе погибла знаменитая туристическая группа Игоря Дятлова. Все девять туристов замёрзли уже через полтора часа пребывания на морозе, когда они по неизвестной, какой-то мистической причине ночью ушли от палатки и огня (возможно, их напугал сход снежной лавины). Температура воздуха той трагической ночью по странному совпадению была такой же (минус 29°C). Но Павел Иванович и Алексей Архипович были опытными и мудрыми людьми: они верно расценили, что двигаться ночью по полутораметровой толще снега, без дорог, в лютой мороз — это верная смерть. И они всю ночь провели у костра.

К утру 20 марта стало невыносимо холодно. Иссякали последние силы и терпение.

Современные исследования учёных-физиологов показывают, что у космонавтов и астронавтов, проходящих тренировку по выживанию в зимнем лесу, накапливающееся через 18–24 часа огромное утомление связано с психическим и холодовым стрессом и нарушением сна. Иными словами, накапливается усталость от стресса, низких температур и недосыпания.

Забрезжил мутный рассвет. Утром Павел и Алексей поели скудной, опротивевшей пищей из туб, умылись снегом, сделали утреннюю физзарядку. Это немного взбодрило их.

Снова принялись ждать. Время тянулось томительно долго. Вот уже 10, 12, 14 часов...

Вдруг где-то отдалённо они услышали шум, треск валежника. Через некоторое время шум повторился. Выросшие в тайге, они сразу поняли — к ним идут люди. Вот из-за ближайших деревьев появился человек. Он отчаянно, из последних сил, барахтался в снегу, пробивая себе дорогу. Космонавты бросились к нему на помощь. Лицо спасателя показалось им до боли знакомым.

Мистика! Это было какое-то чудесное совпадение, в которое не хотелось верить! Навстречу им через толщу снега пробивался Владимир Сергеевич Беляев. Чудо заключалось в том, что, уходя в исторический полёт, последним землянином они видели этого однофамильца Павла Ивановича. На Байконуре перед стартом именно В. С. Беляев закрывал люк их космического корабля «Восход-2» и пожелал им счастливого полёта. Прошло двое суток после старта космического корабля. И сейчас именно Владимир Сергеевич первым из землян пробился к ним через морозную снежную тайгу!

Он пришёл к ним на лыжах, без шапки и меховой куртки, которые сбросил в конце пути (20 марта температура поднялась до минус 5–10°C), потный и вконец обессиленный. Павел Иванович онемел от неожиданности, увидев здесь, в пермском лесу, своего однофамильца. Он с изумлением смотрел на него и не мог выговорить ни слова.

— Владимир! Ты, что ли, знал, где мы сядем? — смеясь, спросил Леонов.

— Я провожал вас с Байконура. Значит, и встретить должен был первым, — ответил ему Владимир Сергеевич.

Спасатель попросил у космонавтов воды. Жадно пил несколько минут, выпив практически весь её бортовой запас.

Алексей Леонов пошутил:

— Молодец! Пришёл спасать нас, а сам выпил всю воду, скоро попросишь наш «НЗ».

Владимир Сергеевич обрадовался:

— Дайте что-нибудь пожевать! Есть очень хочу.

Съев все оставшиеся у космонавтов запасы продуктов, которые выложил перед ним заботливый Алексей Леонов, подкрепивший свой могучий организм В. С. Беляев стал возбуждённо кричать по радиации:

— «Комета»!.. «Комета»!.. Срочно!.. Немедленно!.. Наши координаты... Быстрее, чмыри болотные!

И тому подобное. Он кричал на весь лес с таким напором, что, пожалуй, все усольские медведи проснулись в своих берлогах, но снова испуганно попрятались в них.

Владимир Сергеевич по радиации дозвонился до «Двадцатого» (Королёва), доложил обстановку. Он успокоил главного конструктора,

который уже двое суток сидел на валидоле, сообщив, что космонавты живы и здоровы. Затем с энергией стал рубить сучья, развёл большой костёр.

Сделав самое необходимое и успокоившись, В. С. Беляев уселся подле героев космоса и уже не торопясь, обстоятельно пересказал им, как проходили последние сутки после их приземления.

...Рано утром 19 марта самолёт Ан-10 с группой поиска космонавтов, напутствуемой С. П. Королёвым, вылетает с Байконура. Командир самолёта поддерживает радиосвязь с командным пунктом на Байконуре. Самолёт садится на аэродром Кустаная. После непродолжительной остановки Ан-10 вновь взлетает и берёт курс на север Урала. В это время по радиии сообщают, что «Восход-2» должен приземлиться где-то в районе севернее Перми. Самолёт приземляется на аэродроме в Перми. Рядом с аэродромом срочно разворачивается командный пункт поиска и встречи космонавтов.

На командном пункте в Байконуре и местном (Пермском) командном пункте поиска космонавтов несколько десятков минут напряжённо ждут информации о точке приземления и самочувствии космонавтов. Наконец, место посадки запеленговано, по КВ-каналу от космонавтов принят код «ВН». Они живы.

Самолёты Ан-2 и военные вертолёты с персоналом спасателей и местными помощниками отправляются на север от Перми к запеленгованной точке приземления. Облачность и плохая видимость мешают поиску. Наконец, только через 3 часа после приземления, то есть в 17 часов местного времени, самолёты и вертолёты обнаруживают оранжевый купол парашюта на территории Усольского района, среди глухой безлюдной тайги. Ещё через несколько минут с вертолётá замечают фигурки двух космонавтов.

Общее техническое руководство поиском и спасением космонавтов осуществлялось Государственной комиссией под председательством генерала Г. А. Тюлина, находившейся в командном пункте на Байконуре. Непосредственное руководство осуществляли из командного пункта поиска, развёрнутого на аэродроме в Перми (генерал Кутасин, которого сменил маршал Руденко). Кроме того, по партийно-хозяйственной линии сразу были подключены высшие местные инстанции: в течение двух суток непрерывно заседал штаб прямо в кабинете первого секретаря обкома КПСС К. И. Галаншина.

Но «у семи нянек дитя без глаза». На Байконуре не знали местных условий. Кроме того, генерал Тюлин и ответственный за доставку космонавтов маршал Руденко заняли неправильную позицию, сковывающую местную инициативу. Госкомиссия запретила всякую самодеятельность уральцев в вопросе спасения космонавтов. Все основные решения принимали военные. По прошествии 50 лет, когда была открыта почти вся секретная информация, можно с уверенностью сказать: эвакуация космонавтов была организована плохо, осуществлялась очень медленно и недостаточно квалифицированно, а в ночь с 19 на 20 марта космонавты были оставлены фактически на произвол судьбы и были обречены на самостоятельное выживание в экстремальных условиях. Существовала реальная угроза их жизни!

Узнав, что обнаруженных космонавтов на долгую зимнюю холодную ночь оставили в тайге одних, С. П. Королёв был в страшном гневе. Ночью он не спал, находился в командном пункте на Байкону-

ре и требовал более решительных действий. Засевшее в командном пункте поиска в Перми начальство поисково-спасательной группы оправдывалось перед Королёвым, что поблизости от космонавтов в лесу полян нет, и вертолётам негде сесть, поэтому эвакуировать космонавтов пока невозможно.

— Безвыходных ситуаций не бывает! — резко выговаривал в трубку Королёв. — Почему вы их оставили в лесу одних? Я требую, чтобы с космонавтами был кто-то из группы поиска!

Среди байконурских спасателей С. П. Королёв стал искать добровольцев, которые были согласны ночью вылететь, и, спустившись по тросовым лестницам максимально близко к точке приземления «Восхода-2», на лыжах подойти на помощь Беляеву и Леонову.

Из спасателей сразу вызвались подполковник Владимир Сергеевич Беляев, будущий космонавт Владислав Волков и поисковик Артемьев. Из Байконура через Пермь они прилетели в Березники, где пересели на вертолёт Ми-1 (лётчик — В. Жунёв). В конце ночи, фактически уже под утро 20 марта, крохотный Ми-1 с добровольцами-спасателями поднялся в воздух. Вертолёт покругил вблизи места приземления, пилот усмотрел между деревьями небольшой просвет примерно в 2 км от костра космонавтов, снизился здесь. Выбросили тросовую лестницу. Беляев сбросил вниз лыжи, пилу, топор, а затем смело стал спускаться по лестнице. Лестницы не хватало до поверхности земли около 3 м, с этой высоты Владимир Сергеевич прыгнул в полуметровую толщу снега. Следом за ним по лестнице спустились Слава Волков и Артемьев. Надели лыжи и гуськом отправились в сторону точки приземления.

Глубокий снег и таёжная чаща мешали продвижению. По дороге попадались густые заросли деревьев и кустов, которые приходилось рубить или спиливать, расчищая путь. Часто выбивались из сил. В конце пути Беляев сбросил меховую куртку и шапку, ибо они мешали продвигаться. Напарники значительно отстали от него, так как их унты не подходили к лыжным креплениям. Два лесных километра В. С. Беляев прошёл только за пять (!) часов. Отправившись в путь в 9 утра, он дошёл до космонавтов только к 14 часам местного времени.

Следом к космонавтам пробился заместитель начальника другой группы спасателей Владимир Ветров. Его таёжный путь по лютому морозу оказался более драматичным и тяжёлым, чем у В. Беляева. Под вечер 19 марта группе спасателей ВВС, в которую входил Ветров, поставили задачу. Они только что покинули борт самолёта, в котором прилетели из Байконура с короткой остановкой в Кустанай, а их уже ждали вертолёты на пермском аэродроме.

— Вылетаем через две минуты, — сообщил руководитель группы. — В месте приземления космонавтов — непроходимая тайга, глубокий снег. Вертолёты сесть не могут. Где-то в 10–15 км от точки приземления есть редколесье. Наша задача: одной группой, которую возглавляю я, мой заместитель — Ветров, пробиться к экипажу «Восхода» и обеспечить его эвакуацию до вертолётов. Второй группе — лесорубам — расчистить от леса и соорудить вертолётную площадку для посадки тяжёлых машин. Задача ясна?

Обе группы быстро рассадили по вертолётам. В машине, в которую определили Ветрова, лыжи, пилы и топоры лежали на полу, в креслах сидели здоровые, крепкие местные лесорубы-бородачи.

Намётанный глаз Владимира сразу обнаружил недочёт: лыжи-то для его группы были подготовлены спортивные, беговые, а нужны были широкие, охотничьи! Обратим внимание на этот важный момент.

Уже в темноте, поздно вечером 19 марта, приземлились на узковатой полянке в лесу. Лесорубы принялись рубить лес и готовить площадку для вертолётчиков, а спасатели группы, в которую входил Ветров, пошли на приготовленных им беговых лыжах через чащу, по глубокому снегу. Направление вначале им показывал вертолёт, который специально летал между расчищаемой для вертолётчиков площадкой и точкой в тайге, где находились космонавты. Поисковая группа шла по этому пути. Но, конечно, в соответствии с рельефом местности, оврагами, толстыми стволами растущих прямо на пути деревьев, буреломом, прокладываемая лыжня не была ровной, прямой, а петляла. Приходилось прорубать дорогу в чаще леса. К тому же спасатели несли за спиной тяжёлые рюкзаки. Сил уходило очень много. Группа быстро таяла. Только первые два часа шли вместе. Подвернул ногу один из врачей и его пришлось оставить. Потом выдохлись ещё трое.

Глубокой ночью сделали привал. Во время привала соорудили временную базу: срубили несколько деревьев, поставили палатку, разожгли костёр, поели. Затем эта временная база пригодилась для промежуточного привала 21 марта, когда спасатели сопровождали космонавтов, идущих на лыжах, к вертолётной площадке.

После короткого отдыха и еды поисковики пошли дальше. Но группа снова стала таять и редеть. Через 8 часов после высадки из вертолётчиков, где-то уже утром, когда было пройдено около 10 км, смог передвигаться только заместитель руководителя группы Владимир Ветров.

Космонавт А. А. Леонов позднее вспоминал, что длина лыжни от места приземления «Восхода-2» до вертолётной площадки составила около 6–7 км. Но он шёл уже по проторённой лыжне, налегке, и, очевидно, путь ему показался короче, чем был в действительности. В другом воспоминании Леонов оценивает свой лыжный путь в пермской тайге в 9 км. По словам же Ветрова и ребят из его группы, это расстояние составляло не менее 12 км¹². Последние километры пути уже обмороженный, предельно уставший Владимир Ветров шёл совершенно один. Последние 200 метров он идти уже не мог, полз по снегу, вспоминая подвиг Алексея Маресьева.

Выполз к середине дня 20 марта вблизи утрамбованной космонавтами площадки, где был разведён костёр. Он ожидал встретить двух космонавтов, но увидел почему-то трёх греющихся у огня людей. Третьим был Владимир Беляев, который пришёл приблизительно на час раньше Ветрова, несмотря на то что начал свой путь значительно позже, не вечером 19 марта, а ранним утром 20 марта. Это произошло потому, что вертолёт «сбросил» группу Владимира Беляева ближе к точке приземления «Восхода-2», всего лишь в 2 км от неё. Пути групп Беляева и Ветрова не пересекались.

«Откуда же третий?» — подумал Ветров и потерял сознание.

¹² По нашим последним данным, вертолётных площадок было две: первая располагалась в 6–7 км, вторая (для тяжёлых вертолётчиков МИ-6) — в 12–15 км от места приземления космонавтов. Группа Ветрова шла от дальней площадки.

Космонавты, уже повеселевшие после прихода Владимира Беляева, услышали сзади себя какие-то слабые звуки, напоминающие или стон, или мольбу о помощи. Они бросились к человеку, ничком лежащему на снегу. Увидев перед собой лицо Алексея Леонова, очнувшийся «спасатель» прошептал: «Там, в рюкзаке, продукты, лекарства, тёплая одежда. Спасательная группа отстала, скоро подойдёт».

Космонавты быстро подтащили спасателя к костру, растёрли его тело спиртом и тепло укутали, напоили Владимира горячим чаем, дали лекарства из его же рюкзака. Когда обмороженный Володя окончательно пришёл в себя и смог разговаривать, Леонов пошутил: «Ну и “спасатели”! Один съел весь бортовой запас пищи и выпил всю воду, другого мы сами лечим и спасаем!»

Как ни странно, дело обстояло именно так!

После Владимира Беляева и Ветрова подошли на лыжах и тепло поздравили космонавтов местный лесоруб Иван Федосеев из гражданской спасательной группы и врач Михаил Туманов из группы Ветрова. Основная часть поисковиков группы, в которую входил Ветров, добралась до космонавтов через 2 часа после Владимира. К месту приземления подошли члены группы Владимира Беляева — будущий космонавт Владислав Волков и поисковик Артемьев. Кто-то из вертолётчиков всё же рискнул и завис над площадкой космонавтов, по сброшенной с машины лестнице спустился лесоруб Василий Наседкин¹³ с закреплённой за плечами бензопилой и прыгнул в снег с небольшой высоты. С другого вертолёта в специальной корзине на тросе спустили Юрия Лыгина. Непонятно, почему вертолётчики опасались это делать накануне. Почему нельзя было в эту корзину по очереди посадить космонавтов и поднять их на борт через 3 часа после приземления?

Вася Наседкин — этот лесной пермский богатырь — с ходу принялся за работу: он с энтузиазмом валил деревья, подготовил чурбаки для костра, из брёвен вместе с другими мужиками строил домик — укрытие для героев космоса. Чурбаки быстро раскололи топорами, соорудили большой костёр из отличных сосновых дров. На костре готовили и разогревали пищу, для помывки космонавтов нагревали воду в огромном котле. Врач Михаил Туманов осмотрел небесных пришельцев и не нашёл у них обморожений и других опасных последствий морозной ночи, пульс и артериальное давление у космонавтов были нормальными.

Прямо здесь, у жаркого огромного костра, космонавты сняли с себя пропахшую одежду, остатки скафандров и куски парашютов, помылись, обсушились и оделись в тёплое свежее бельё, добротную меховую одежду. На голову Алексей Леонов облюбовал меховой лётный шлем, а Павел Беляев — меховую форменную шапку.

В одном из музеев космонавтики мне показали скафандр «Беркут» и совершенно серьёзно утверждали, что это якобы тот самый скафандр, в котором Леонов был в открытом космосе. Тщетно я

¹³ По мнению одного из руководителей спасательной операции Р. А. Вагина, с которым я беседовал лично, первым к месту приземления 20 марта прибыл не В. С. Беляев, а именно лесоруб Василий Наседкин. Вначале он вышел к космонавтам на лыжах, помог им, а затем уже вторично был доставлен Ми-1 и спущен по тросовой лестнице с мотопилой «Дружба».

доказывал, что сами космонавты в суровой пермской тайге «распотрошили» и разрушили свои скафандры, оставив от них лишь наиболее мягкие и тёплые части. Разубедить музейных работников мне так и не удалось.

В лесу около «Восхода-2» собралось много людей, которые всё прибывали и прибывали. Они поздравляли космонавтов, оживлённо разговаривали. К концу светового дня 20 марта из тайги вышла целая бригада охотников, на широких охотничьих лыжах, в полушубках, с ружьями. Они пришли чуть ли не от самого Усолья, шли практически сутки. Охотничьи лыжи позволяли им довольно легко идти по глубокому снегу, почти не проваливаясь. Спасатели с завистью смотрели на их амуницию.

Журналист А. Авдеев литературным языком записал рассказ Алексея Архиповича Леонова об этих пермских охотниках: «Они постояли рядом, покурили, усталые, и видели, что зря шли, что авиация опередила их, и ничем они нам не помогли. Они спросили независимо, по-охотничьи гордо: “На этом, что ль, чугушке летали?” Мы стали объяснять, что с ракетой-носителем всё это выглядит солидней. Они не верили: “Что-то мал больно. А в газетах писа-али...” Мы подарили им на память сувениры, и они с достоинством ушли, чтобы не мешать нам»¹⁴.

В 1980-х годах я разговаривал с одним из уроженцев Усольского района, старым опытным охотником. Он не раз бывал в районе приземления Леонова и Беляева, как летом, так и зимой. По его мнению, главный недостаток спасательной операции — отсутствие хороших охотничьих лыж. На своих лыжах он 10–12 км, отделяющих поляну, где была временная вертолётная база, и место приземления космонавтов, не раз проходил всего за 5 часов. Но лыжи у него шириной не 15 см (стандартные охотничьи, которые также выдают бригадам электромонтёров), а целых 25 см. По его мнению, космодромные команды спасателей были совершенно не подготовлены к поисково-спасательным операциям в условиях северной таёжной местности. Они были, по существу, южане, привыкшие к пескам и степям Казахстана, работая или служа на Байконуре, не имели хорошей зимней одежды, навыков перемещения по зимнему лесу, не умели работать топором и пилой. К тому же местных лесных, таёжных людей, работников леспромхоза, лесников, прекрасно знающих эту местность, за небольшим исключением, мало привлекали к поисково-спасательной операции. «Казахе да московская мордва эта «акающая», — он скорчил физиономию, — гутарили, что, мол, мы same, same, не суйтесь, не подходите к чугунному коlobку нашему, не тревожьте Архипыча да Иваныча, не расшаперивайтесь у фляги со спиртом, она, мол, на балансе казённом у Сергея Палыча — а от самих воняло, как от самогонного аппарата».

Подумав, он добавил: «Сказывают, не знали эти казахе да москали, как к топору да пиле подойти. Вася наш леспромхозовский живо спустился по верёвке из вертолётa, за час как-от им “Дружбой” столько чурбанов да бревён напил, расчистил всё, целу Красну площадь в тайге заделал, медведям да лисам можно было плясать, зайцам на ежихах ездить».

¹⁴ Авдеев А. На Земле он такой: Очерки об А. Леонове. М., 1983. С. 93.

Ночь с 20 на 21 марта космонавты провели не в Перми, в обкомовской гостинице, как многие сейчас утверждают, а там же, где и первую ночь, в уральском таёжном лесу, в месте приземления. Здесь были срублены деревья, и быстро, буквально за 2–3 часа, бригадой лесорубов построен «домик-шалаш» из брёвен и веток. Как он отапливался, документально мне установить не удалось. Возможно, металлической печкой. Как вспоминает Алексей Архипович, там даже постель была. Впервые за долгое время космонавты поели и отдохнули. Специализированная медицинская бригада тщательно осмотрела их и каких-либо серьёзных нарушений здоровья, кроме значительного утомления, не установила.

А у некоторых спасателей были лёгкие отморожения, вывихи и переломы ног. Серьёзно пострадал лишь один поисковик — Владимир Ветров. Этот мужественный человек, добравшийся до точки приземления всю морозную (минус 29°C) ночь и первую половину следующего дня, прорубая в лесной чаще и прокладывая в глубокой снежной целине путь длиной более 12 км, получил очень сильное переохлаждение тела. К вечеру 20 марта Ветров потерял сознание, затем у него поднялась высокая температура — выше 40 градусов. Его вертолётom срочно эвакуировали в Пермь. В областной больнице врачи поставили диагноз: общее переохлаждение тела, пневмония (воспаление лёгких). Состояние было крайне тяжёлым, едва не наступил смертельный исход. Владимир пролежал в больнице целых четыре месяца.

В день выписки он написал заявление с просьбой зачислить его в отряд космонавтов. Его горячо поддержал в этом Алексей Леонов. Однако последствия сильного переохлаждения тела сказались: к тренировкам в отряде космонавтов Владимир Ветров смог приступить только через три года. Долгих 10 лет мужественный человек упорно готовился к полётам по программе орбитальной станции «Салют». Но полететь в космос ему так и не было суждено. Мечта Владимира Ветрова не сбылась. Вот такой жестокой бывает жизнь!

Мне всё же непонятно, почему и вторую ночь космонавты провели в тайге, пусть и в хорошо оборудованном и тёплом «домике-шалаше»? Многие, к кому я обращался с этим вопросом, меня убеждали, что, мол, «так было лучше». Но не могу поверить, что в крупном областном центре условия ночного сна, питания и отдыха были хуже, чем в лесном, наспех сделанном, «домике-шалаше». Поэтому считаю ошибкой, что космонавтов во второй половине дня 20 марта вертолётom не отправили в Пермь!

Лишь днём 21 марта Беляев и Леонов смогли покинуть место приземления. Сначала они на широких лыжах, в сопровождении спасателей, по проложенной лыжне бодренько шли по лесу. Пройденное расстояние это составляет, по разным данным, от 2 до 7 км. Леонов вначале указывал 6–7 км, затем 9 км. Прямой путь по карте, может, и составлял 2 км, но петляющая лыжня по просекам, видимо, действительно тянулась не менее 6–7 км. Несмотря на проторённую, хорошо укатанную лыжню, здоровые, спортивные космонавты прошли эту дистанцию за 2 часа. Часть этого пути заснята на киноплёнку и сохранена для истории. На кадрах видно, как уверенно космонавты передвигаются даже на таких, нестандартных, лыжах. Согласно их дневникам предполётной подготовки, в зимний сезон 1964/65 года

они ежедневно проходили не менее 10 км на лыжах, преодолев за зиму почти тысячу километров. Так что этот пройденный в уральской тайге отрезок явился, по сути, прекрасным завершением их лыжного сезона!

На лыжах герои космоса добрались до подготовленной «ближней» вертолётной площадки, оборудованной в тайге. На вертолёте Ми-4 их доставили до второй, «дальней», вертолётной площадки, сооружённой в 12 км от места приземления. Там Беляева и Леонова пересадили на более надёжный вертолёт Ми-6, пилотируемый лётчиком Кобзарём, и доставили на аэродром Большое Савино в городе Перми.

С раннего утра 21 марта здание аэровокзала заполнили многочисленные жители областного центра. Но их ждало глубокое разочарование. Вертолёт действительно доставил космонавтов на аэродром, но приземлился вдалеке от здания аэровокзала, около невзрачного домика барачного типа. Все подходы к этому месту были оцеплены. Это было очень типично для Перми 1960–1980-х годов, во времена «правления» К. И. Галаншина и Б. В. Коноплёва. В черте оцепленного места собралась партийно-хозяйственная элита, со своими чадами, домочадцами, приближёнными, партийными и комсомольскими активистами, высокими военными и милицескими чинами. Сюда были допущены представители центральных газет, ТАСС, радио и телевидения. Естественно, ответственные товарищи из ракетно-космических войск должны были также быть здесь — и это последнее правильно. Нисколько не хочу обидеть честных и хороших людей, которые также каким-то чудом попали на встречу с космонавтами. Я о другом: тысячи пермяков жаждали увидеть космонавтов на улицах города, а их лишили этого!

Героев космоса встретили у самого трапа вертолёта. Они в лёгких меховых куртках с чужого плеча, без знаков различия, небритые, усталые, с красными полуобмороженными лицами вышли из вертолёта с поднятыми в приветствии руками. Леонов был в лётном меховом шлеме, Беляев — в чужой меховой шапке.

Космонавты попали под обстрел кинокамер и фотоаппаратов. Пионеры преподнесли П. И. Беляву и А. А. Леонову букеты живых цветов, что очень тронуло космонавтов. А партийная элита подарила космонавтам... макет бензопилы, что очень удивило Павла Ивановича и Алексея Архиповича. Даже не саму бензопилу, что было дефицитом, а именно макет. Герои космоса от вертолёта медленно двинулись по живому людскому коридору к домику, где состоялась короткая пресс-конференция.

Беляев и Леонов благодарят пермяков за тёплую и сердечную встречу!

Вскоре по настоянию общественности самая длинная улица города, ведущая к аэропорту, будет названа в их честь — шоссе Космонавтов, в Индустриальном районе Перми появятся красивые улицы Беляева и Леонова.

Сразу после этой «летучей» пресс-конференции космонавтов посадили в самолёт Ан-10, который взлетел и взял курс на Байконур. И уже вечером 21 марта Беляев и Леонов прилетели на космодром, где в аэропорту их встретили председатель Государственной комиссии генерал Г. А. Тюлин, главный конструктор С. П. Королёв (имя которого тогда было засекречено), теоретик космонавтики академик

М. В. Келдыш, космонавты Ю. А. Гагарин и В. М. Комаров, друзья. Беляева и Леонова посадили в открытую автомашину, на которой повезли через весь город в гостиницу космонавтов (вот чего лишились жители Перми, «благодаря» К. И. Галаншину и его окружению, а также некоторым военным чинам!). Люди стояли по обеим сторонам улиц, по которым двигался кортеж автомашин.

Отдохнувших космонавтов 23 марта 1965 года встречала Москва. С мавзолея подполковник Алексей Леонов произнёс проникновенные и яркие слова:

— Я хочу вам сказать, что картина космической бездны, которую я увидел, своей грандиозностью, необъятностью и яркостью красок поразила и очаровала меня...

Так был закончен героический, полный драматизма полёт П. И. Беляева и А. А. Леонова, за который они получили Золотую Звезду и звание Героя Советского Союза.

Но меня до сих пор волнует вопрос: почему космонавтов так долго не могли эвакуировать из тайги? Полёт в космос П. И. Беляева и А. А. Леонова длился 26 часов, а в лесу они пробыли целых двое суток! Получается, что в пермской тайге они провели времени значительно больше, чем в полёте на «Восходе-2».

В 2008 году персональный пенсионер Борис Всеволодович Коноплёв, которому перевалило уже за 90 лет, несколько раз находился на лечении в нашей урологической клинике на базе Пермской клинической больницы N 2 имени Граля. Он страдал тяжёлым, неизлечимым урологическим заболеванием и о печальном прогнозе знал. Оперировал его хороший врач, заведующий отделением А. А. Лядов. Мне же удалось участвовать в лечении известного пациента, делать обходы, принимать участие в многочисленных консилиумах. Мне нравилось беседовать с Борисом Всеволодовичем наедине, в вечернее время, выходные дни, во время дежурств. Надо признать, что это был уже не тот властный руководитель Пермской области («царь Борис»), которого все знали. Передо мной был высокий, добрый, отзывчивый старик с печальными глазами, глубоко страдавший от того, что его все забыли и мало кто навещает. Лишь милая заботливая дочь целыми сутками крутилась около него, да приходили известные профессора С. Г. Суханов и В. М. Субботин, интересовались его здоровьем, и звонила ректор медицинской академии профессор И. П. Корякина.

Место приземления космонавтов А. Леонова и П. Беляева в Усольской тайге. Справа — автор. 2014 г.

По многим вопросам он, обделённый вниманием, рассказывал много и охотно. Меня же особенно волновала тема приземления Беляева и Леонова. Я принёс и показал Б. В. Коноплёву его интервью, цитированное выше. Зная, что ему недолго осталось жить (он умер через несколько недель после нашего разговора), Борис Всеволодович откровенно сказал:

— Миша, в интервью все факты изложены вроде бы верно, но нет того главного, что меня беспокоит все эти годы, но о чём я никому не говорил. Мы тогда, в вертолёт, первыми обнаружив космонавтов в тайге, совершили ошибку. Виноват, считаю, больше всего я. Надо было снизиться и сбросить им тросовую лестницу. Они были ребята здоровые, тренированные, спортивные. Если уж они такой опасный полёт выдержали, впервые вышли в открытый космос, то изловчиться как-то и подняться по лестнице в вертолёт они бы точно сумели. И тогда бы не надо было им почти двое суток в тайге сидеть, на морозе. И сразу бы прекратилась вся эта эпопея со «спасением». Прилетели бы мы в Пермь с ними, а про Коноплёва потом всю бы жизнь говорили: «А, это тот Коноплёв, который в тайге космонавтов спас!» Смалодушничал я тогда. Боялся послушаться. Посоветовали: обнаружить, а дальше пусть байконурские поисковики занимаются. А ещё побоялись мы низко опуститься на вертолёт, вдруг лопастями заденем деревья, упадём вместе с вертолётom, погибнем. Но ведь пилоты сумели же на другой день ниже опустить вертолёт и спустить по лестнице лесоруба Василия. И ещё кого-то спускали.

Что же получилось: мы обнадёжили Павла Ивановича и Алексея Архиповича, увидевших спасительный вертолёт, но нисколько им не помогли. Покружили над ними, сбросили одежду и какую-то скудную еду и улетели. Рассказали мне потом, что почти всё сброшенное застряло на высоких ветках. А у космонавтов даже горячего чая не было. Просидели всю ночь в тайге у костра, полуголодные, не выспались. Лица от мороза красные, глаза слезятся. Не по-человечески

Встреча автора с космонавтом А. А. Леоновым. Москва, 2017 г.

вышло. А тогда и не стыдно мне было, когда вместе со всем начальством их через два дня в Перми встречал. Считал: выполнил всё так, как было поручено. А сейчас жалею, что не помог в тайге ребятам.

Тень сожаления упала на умудрённое жизнью лицо Бориса Всеволодовича:

— Я знаю, Миша, ты меня партийной чинушей считаешь. Молчи, знаю, во взгляде твоём прочитал, когда в первый раз тебя на консилиум пригласили. Но вот, скажи, в наше время, — он стукнул себя ладонью по груди, — люди-то лучше были! А сейчас много пакостных людишек развелось. Я когда уже первым секретарём обкома стал, поставили мы на месте приземления «Восхода-2» обелиск из обычной нержавеющей стали. Так ведь, говорят, недавно спилили его варвары автогенном и сдали в утиль. Надо же, вместо того, чтобы работать на заводе, что-то полезное делать, попёрлись, хмыри, в такую глушь, чтобы памятник из обычной нержавейки спилить! (Памятник был из титана. — **М. О. Д.**)

Б. В. Коноплёв умер без мук через несколько недель с полной убеждённо­стью в правоте того дела, которому посвятил жизнь.

А обелиск в честь почётных граждан Пермского края, лётчиков-космонавтов Павла Беляева и Алексея Леонова на месте приземления восстановили благодаря пожертвованиям русских людей и заботам главы местного самоуправления Усольского района Геннадия Петровича Шехматова.

Жизнь идёт вперёд, в том числе и в Усольском районе Пермского края. Сейчас, если бы в пермской тайге зимой вновь оказались космонавты после приземления, на помощь им можно было бы быстро прийти на мощных снегоходах «Буран». «Бураны» позволили бы и эвакуировать космонавтов до ближайшей вертолётной площадки. Несомненно, более совершенной и быстрой стала сейчас и эвакуация по воздуху.

Именно с 1965 года, после драматического полёта П. И. Беляева и А. А. Леонова, ведут свою историю курсы выживания космонавтов в различных климато-географических зонах. В настоящее время в подготовку космонавтов включено обучение действиям после нештатной посадки. В Центре подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина существует отдел по подготовке космонавтов к действиям в экстремальных условиях. Каждый космонавт обязан один раз в пять лет пройти усовершенствование по выживанию. Существуют специальные обязательные тренировки по выживанию в лесисто-болотистой местности зимой. Тренировка в условиях зимнего леса длится 48 часов. Раньше их проводили в суровых условиях, например, в Воркуте или Тикси при минус 40 градусах. В настоящее время чаще всего их проводят в лесу около Звёздного городка.

— За двое суток космонавты должны выполнить определённую циклограмму: переодеться в теплозащитные костюмы внутри спускаемого аппарата, что довольно тяжело, учитывая малые размеры последнего, найти место под лагерь, демаскировать местность с помощью оранжевого дыма и других средств. Построить несколько типов укрытий, переночевать в них, собрать очень много

¹⁵ Мамонтов Д. Выжить 48 часов// Популярная механика. 2011. N 3. С. 46–50.

дров, чтобы обогреть себя в течение этого времени, — рассказал корреспонденту журнала «Популярная механика» инструктор по выживанию космонавтов, полковник Александр Герман. — Отрабатываются водные по взаимодействию с поисково-спасательной службой (ПСС), оказанию медицинской помощи пострадавшим от переохлаждения или травм. Заканчивается 48-часовая тренировка пешим переходом по зимнему лесу. При этом предполагается, что один из трёх членов экипажа не может передвигаться — остальные двое должны нести его¹⁵.

В НАЗ (носимый аварийный запас) в настоящее время входит, к примеру, следующее: 6 л воды, сублимированные продукты питания (с расчётом 5000 ккал на каждого члена экипажа), сухое горючее, проволочные пилы, ветроустойчивые спички, аптечка, нож, мачете, компас, светосигнальные средства (фонарь, два сигнальных патрона оранжевого дыма и огня, ракета, запускаемая на высоту 300 м и горящая минуту, мортирка с 20 сигнальными патронами, выстреливаемыми на высоту 50 м), аварийная радиостанция, укладки с тёплой одеждой (теплозащитный костюм, тёплая куртка с вшитыми рукавицами, мягкие сапоги-бахилы, шапка, шлемофон, меховые (унтята) и шерстяные носки) и другое.

Интересны некоторые детали современной тренировки в зимнем лесу. В спускаемом аппарате космонавты переодеваются в тёплую одежду. Затем проводят разведку местности и выбирают для строительства укрытия (шалаша или вигвама) площадку с минимальным риском падения сверху веток, снега, льда. Из укрытий лучшим сейчас считается вигвам. Его космонавты строят так: на каркас из срубленных тонких стволов (жердей) натягивают парашютную ткань. Наверху оставляется отверстие для выхода дыма. Костёр зажигается внутри вигвама. Космонавты проводят 48 часов в вигваме около костра, должны при этом сохранить здоровье и трудоспособность.

Сейчас при аварийной посадке, в том числе в лесу, связь с поисково-спасательной службой облегчена: в спускаемый аппарат встроены автоматический аварийный маяк, который работает непрерывно; радиостанция может работать трое суток, в спускаемом аппарате имеются спутниковый телефон и приёмники навигационной системы ГЛОНАСС.

Представить такое оснащение в 1965 году было невозможно; П. И. Беляев и А. А. Леонов были первыми космонавтами, на себе испытавшими трудности приземления в таёжной глухомани в зимних условиях, своего рода «подопытными кроликами» мировой космонавтики. У них не было тогда практически ничего из современного аварийного оснащения. Беляев и Леонов выжили вопреки всему, они остались живы во многом благодаря своему русскому негибкому характеру!

Полёт Павла Ивановича Беляева и Алексея Архиповича Леонова на «Восходе-2» относят к семи наиболее выдающимся достижениям космонавтики. Алексей Леонов навсегда останется в истории как первый человек, вышедший в открытое космическое пространство! Ему, Герою космоса, я посвящаю своё стихотворение «Сын Земли».

СЫН ЗЕМЛИ

Он вышел в просторы Вселенной,
Земли героический сын.
Пред ним простиралась безбрежно
Небесная нежная синь.
Мерцали ярчайшие звёзды,
Диск солнца огнём обжигал.
Картины космической бездны
Всю жизнь он потом рисовал.

На солнце «Восход» серебрился,
Он плыл над Землёй и сиял.
Леонов летать научился,
С трудом его сдерживал фал.
А в космосе было так тихо —
Он сердца биенье слышал.
Кружил и крутился он лихо,
Как птица парил и летал.

«Кавказ подо мной!» — в упоеньи
Воскликнул он, гордо паря
Над шапками гор белоснежных,
Как Демон над миром царя.
И Волга несла свои воды,
И Каспий казался родным,
И русские люди мечтали
Скорее увидеться с ним.

Восторгом душа запылала,
И нежность проснулась в груди:
Отчизна пред ним простирала
Просторы родные свои.
Земля любовалась, гордилась
Сыночком любимым своим,
И ей поскорее хотелось
Обняться, как матери, с ним.

Людмила СЕЛИНА

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, РОДИМЫЙ ОТЧИЙ ДОМ! Стихи

* * *

Люблю тебя, родимый отчий дом!
Пусть эхом твоя слава раздаётся,
Не перестанешь удивлять нас в том,
Что Божий лик имеешь ты под солнцем!

С тобой в одной я связке, милый дом,
И без тебя не мыслю этой жизни.
Душа любовью веет и добром,
А без тебя я вижу свет сквозь призму.

Ты для меня всей жизни колыбель,
Люблю твои тропинки и пригорки,
И свежесть ветерка, и птичью трель,
Ты для меня надёжная подпорка.

Горжусь тобой, заветный отчий дом,
И мягким мхом стелю тебе дорогу,
Под робкий шелест лип молю о том,
Путём окольным чтоб прошли тревоги.

СЕЛО АРХАНГЕЛЬСКОЕ

На высоком крутом берегу
Ты раскинуло ветви густые,
Треплют косы твои на юру
С высоты облака расписные.

Стройных лиственниц выткался ряд,
Будто в замок ведёт златоглавый,

Людмила Ивановна СЕЛИНА родилась 14 декабря 1975 года в деревне Жуково Юсьвинского района. Окончила коми-пермяцко-русское отделение Пермского государственного педагогического института (1999). Работает учителем коми-пермяцкого языка и литературы, русского языка и литературы в МБОУ «Архангельская средняя общеобразовательная школа». Победитель конкурса «Учитель Пермского края» в номинации «Учитель национальной школы» (2008). Участник и лауреат многих литературных и публицистических конкурсов. Печаталась в газетах «Парма», «Кама кытшын», «Юсьвинские вести», в литературно-художественных сборниках «Иньва», «Пармалён надея» («Надежда Пармы»), «Отік му — ётік кыв» («Одна земля — один язык»), «Шудлён кёр» («Вкус счастья»), «Гортё и туйыс дженыпжык...» («К дому дорога короче...»). Является членом литературного объединения «Писатели Пармы». Живёт в селе Архангельское Юсьвинского района.

За селом — разнотравный наряд
Манит свежестью величаво.

Купол церкви играет с лучом
Золотистым всходящего солнца,
А в ограде о камне родном
Мир легенд паутинкою вьётся.

Иньвы-реченьки стройный изгиб
В нежной песне народ воспевает.
И полей, и лесов перегиб
На благие дела вдохновляет.

Место это приметил Карп:
Солнца свет греет душу нежно...
И с тех пор называем «посад»,
Верим, любим, живём безмятежно!

БОЛЬ

С трудом иду вдоль шумной речки,
От слёз всё вижу сквозь туман.
Как рана, кровоточит сердце,
Так больно чувствовать обман.

А помнишь, здесь мы прошлым летом
Рука в руке вдыхали синь,
Встречали зори на рассвете,
Дарили светлую теплынь.

Сегодня мрак в душе лютует,
Нет сил окинуть взглядом высь...
А жизнь права свои диктует:
— Да, будет больно, но держись...

Другая дарит тебе грёзы
И шепчет сладкие слова.
Нет, не понять вам чьи-то слёзы,
Как жизнь бывает солона.

Прошу у речки, у берёзки
Мне силы дать на новый день,
Хотя бы узкую полоску
Той светлой жизни или тень.

В ответ — молчанье. Только память
Дарует жизни уголёк.
Быть может, этот мир оставить?..
И — снова в сердце холодок.

ПОСЛЕ БОЯ

Безмолвно, тихо стало после боя,
А в голове — бомбёжка, скрежет, свист.
Лесок насытит нас благим покоем,
И штык винтовки снова будет чист.

От пота гимнастёрка липнет к телу,
С июльским солнцем жжёт больную грудь.
Травой, цветами надышаться смело
Нам можно здесь и чуточку вздремнуть.

А рядом — свежий холм, где похоронен
Наш лейтенант, совсем ещё юнец.
И документы, и вчерашний орден
Нам ведают, какой был молодец.

В лесной тиши плечом к плечу и молча
Стоим, в свои раздумья погружаясь.
Мы знаем твёрдо: нет войны жесточе.
Когда ж закончится над нами её власть?

* * *

Я долго не могла никак понять,
Что душу мою гложет слишком сильно...
А, может, ты пришёл ко мне опять
Вернуть бывшее нагло и бесстыдно?

Который раз скажу я, не тая:
Зря потеряешь время, нет возврата.
Пойми: давным-давно я не твоя,
Такая за измену вот расплата.

Смогла я сердце заново собрать,
Разбитое до крови и до дрожи.
Тебе мои терзанья не понять:
Ведь ты всегда был сам себе дороже.

Заставила я сердце вновь любить,
Пройтись по оголённым нервам,
При этом оборвать с тобою нить —
Любовью сладко-горькой, первой.

Забудь. И воздуха меня ты не лишай,
Сам понимаешь: третий лишний.
А мне любви свободной, полной дай,
С тобой я душу вымотала слишком.

Алексей ДУБРОВИН (см. с. 56)

ШТАНГИСТ. Рассказ

Каждый день смотрю на помост — так с некоторых пор называю одну из полок в своём книжном шкафу. На ней стоят две иконы, фотография в рамке и сборники стихов.

...С Василием Латовым мы познакомились давно, а сдружились по меркам времени совсем недавно. Полгода назад мне захотелось издать свой первый в жизни сборник стихотворений. Корпел я над ними, корпел и понаписал в тетрадке с полсотни поэтических произведений. В каждое стихотворение, на мой взгляд, вдохнул душу. Но оставался вопрос: ожили работы или нет? Кого спросить? Не того ли, кто, сам того не ведая, зазвал меня на творческую дорожку. Может быть, обратиться к Латову?

Размышления не отпускали меня с тех пор, как решил поставить точку в стихосложении. Не знал, чем объяснить, но мои дневные и ночные посиделки над строчками однажды прервались. То без четверостишия в сутки прожить не мог, а то как отрезало. Ничего на ум не шло, и понял: надо попробовать количество перевести в качество.

На ветеранской встрече летом 2022 года подошёл к известному в нашей среде поэту Василию Латову, которого все называли Штангист. На его счету уже было несколько сборников и диплом лауреата регионального конкурса. Три сборника мне удалось купить, два — подарил автор. Подписал, чем я сильно гордился. Такой у меня знакомый — ветеран, штангист, поэт! В его работах поражала необычная глубина мыслей, некое волшебство в игре слов. Кажется, всё десять раз услышано о дожде, а Василий умел так подобрать эпитеты, сравнения к явлению природы, что эмоции будоражили. Казалось, читая, я сам промокал под хлынувшими струями. Никогда не думал, что дерзну сочинять, но заразные строчки Штангиста жили во мне, и захотелось самому поупражняться с таинством слов. По старинке взялся за ручку и начал наполнять тетрадь собственными рифмами.

— Не глянете, Василий Иванович, на моё стихоплётство? — Мне кажется, я даже покраснел от смущения. — В тетради набросал работы. Не пойму, в корзину их дальше или можно замахнуться на сборник?

Ветеран Латов, пятидесяти пяти лет от роду, коренастый мужик с васильковыми глазами, фигурой штангиста (да он и был увлечён этим снарядам), внимательно посмотрел на меня:

— Во-первых, Виктор, давай на «ты» и без отчества. Всё же ровесники. Во-вторых, никогда не держи в памяти корзину. Это речь о проигрыше, а ты ещё только к штанге приблизился. Надо бы внутри вспыхнуть, загореться, присесть, поперебирать пальчиками гриф, потом вцепиться в него, набрать в грудь воздуха и поднять снаряд. Только так! А тебе хочется подойти, развернуться и бегом от помоста. Эдак победы не достичь!

О настроениях: ты меняешься каждый день по несколько раз. То, что тебе утром показалось интересным, вечером может потускнеть. И наоборот. Не раз тебя будет навешать глубокое разочарование в своём увлечении. Через месяц возьмишь тетрадь, переосмыслишь написанное и поймёшь, что ты — гений. А через сутки снова можешь

нос повесить. Стоит ли разбрасываться стихами?.. Они — твои детки — не виноваты. Сделай перерыв. У поэта должны быть паузы, когда он может позволить себе просто созерцать мир. А тот созерцает поэта, и обоим слышно, как гудит шмель. Принеси мне завтра тетрадь к проходной электротехнического завода часам к пяти вечера. Как прочитаю, позвоню.

На том и расстались, пожав друг другу руки. Через две недели тетрадь вернулась на родной стол. Рядом примостился десяток листочков, испещрённых убористым почерком Василия. Его содержательные комментарии, типа «Здесь за душу цепануло», «В этой строке замени набившие оскомину “огонь” на “огнь”, а “ветер” на “ветр”», меня ободрили. Ни одного серьёзного замечания не увидел.

На следующий день я позвонил Василию, рассыпался в спасибох и спросил, как отблагодарить за помощь.

В ответ раздалось:

— Плащ-палатка есть?

— Есть. На рыбалку собрался, Василий?

— Да, надо немножко поудить. Но имей в виду, могу не вернуть. Встретимся в субботу у фонтана на площади Гайдара, всё объясню. Можешь к двенадцати ноль-ноль подойти?

— Да.

В субботу встретились. Василий выглядел как прежде, но что-то выдавало скрываемое напряжение.

— Слышь, Витёк, без предисловий: уезжаю через пять дней на фронт.

Новость обрушилась на меня, как снежный ком.

— По стихам твоим замечаний нет, — продолжил Штангист, — издавай. Вернусь — подарю с автографом. А плащ-палатка мне нужна, поскольку едем добровольцами, и каждый покупает, собирает по друзьям, по родне то, что может понадобиться. У некоторых даже сапог резиновых нет, не говоря про берцы.

— Василий, так вам за пятьдесят. Может, там без великовозрастных обойдутся? Здоровья у вас маловато уже. У меня вот зрение минус четыре, как стрелять? — начал было я отговаривать Штангиста.

Он поджал губы. Видно было по сгорбленной фигуре, что мысли обуревают непростые.

— Нет, Виктор, решено. Слепым и хромым там реально делать нечего. Война есть война. Надо не только метко стрелять, но и бегать так, чтобы догнать врага, если патроны закончились, и пенделей навешать. Ну или от плена убежать, если в сознании и с ногами. Едем шесть человек. Будем служить в «Барсе». Всё начнётся с Крыма, там южные ворота на нашу с тобой землю. Знаешь, какие стихи из предстоящей военной поры жду от себя? Чтобы прошибало. Пусть госграница в жизни случилась на два года, но она, признаться, эмоции уже не порождает, а поэту надо, чтобы грудь жгло. Да и парней из секции одних отпустить не могу. Решено. За плащ-палатку огромное спасибо. Вернусь — отдам.

Мы просидели у фонтана больше двух часов. Василий учил меня тонким струнам поэтического мастерства, подбору рифмы, где из сотен слов высветилось бы самое-самое. На прощание сказал обыденное:

— Просится — пиши, но пусть сердце ноет, трепещет от строк. Не будет оно громко биться, кровью обливаться, значит, что-то из чувств, из лирики недобрал.

Через пять дней Василий с товарищами отбыл на поезде в южном направлении.

Он позвонил мне в декабре, поздравил с наступающими новогодними праздниками, сообщил, что ранен в ногу и уже долечивается.

— Сборник вышел?

— Да, ещё месяц назад, — волнуясь, ответил я.

— Жду по возвращении подарка с дарственной надписью. Слушай, скину тебе, Витёк, наброски своего короткого стихотворения. Написал на эмоциях, кипит в груди. Надо бы строчки в читабельный вид привести. Убери грубости или замени многоточием, обозначь начальными буквами, зарифмуй. Морды, например, — буквой «м», или поставь «лица». Есть у меня в запасе наброски, очень хочется издать, если вернусь с войны, новым сборником. Но если не вернусь, то опубликую этот стих в соцсетях под позывным Штангист.

— Не говори, Василий, ерунды — «не вернусь». Вернёшься. Ждём тебя! — чуть не закричал я в телефон.

— Здесь жарко, Витёк. Даже не знаю, как объяснить, но идёт не классическая война, и тем более — не конфликт с Украиной. Среди её солдат есть нормальные, а вот «дикие гуси», поналетевшие со всех сторон по приказам и без, — перспектива для нас злая. Бить придётся подонков не один год. Отребья, у которого нет ни Родины, ни чести, ни принципов, хватает. Одна нажива на уме. Не телефонный разговор. Бывай, друг!

Больше мы с Василием не разговаривали. А в начале февраля мне позвонил приятель по ветеранскому движению и сообщил, что Штангист погиб, выполняя задание. С поля боя тело вытащить не получилось, поскольку территорию занял противник. «Не верю», — ответил я на горькую весть. Ждал опровержений три месяца, сам делал запросы через военкомат, сходил к родным друга. Они ничего не смогли прояснить.

Вчера поместил в соцсетях стихотворение, высланное мне Штангистом в декабре:

*Эгей, чужеземные... лица,
Не стоит Россию пугать,
Мечтая в своих небылицах —
В неволю нас, русских, загнать.
Неймётся вам, люже ретивым,
Всё хочется пальцем грозить.
Придётся по глазкам блудливым
По-русски с размаху влупить.
Крапивой? Не стоит усилий.
И пусть ныне Жукова нет,
Найдётся Чапаев Василий,
Подкрасит вам саблей портрет.
На пепельной евробумажке
Начертаны будут слова:
«Засыпана в яме... букашка,
Попала под Русь-жернова...»*

Прошёл год. На моей книжной полке — помосте — стоят две иконы, фотография Штангиста и сборники стихов. Один из них мой. В нём надпись «Дорогому другу Василию Латову на память от поэта-начинашки. 15.11.2022».

Юлианна ВАДБОЛЬСКАЯ

НЕВЕСТА ВАКУЛЯ. Коми-пермяцкая быличка

Давно это было. Старые люди рассказывают, жила у нас на Ёгве девушка, звали её Катерина. Без матери жила, с одним отцом. Мать-то померла, когда Катя маленькая была.

Отец-то потом женился снова, как в хозяйстве без бабы? А у новой жены своя дочка была.

Мачеха Катеринку не залюбила. Посылала на самую чёрную работу. Трудилась Катя по хозяйству с утра до ночи, света белого не видела, и скотину обихаживала, и печку топила, и воду таскала, и стирала, а мачеха всё недовольна, всё ей мало.

Совсем житья Катерине не стало. Одно бы спасенье — замуж пойти, да не сватал никто — знали, что всё приданое мачеха для своей дочки приберегла.

Вот настали Страшные вечера, девки собрались гадать. Чуды¹-то разные — вакули², кульпияны, шуликуны, известное дело, являются на земле в то время, которое наступает ровно через полгода после цветения ржи. Как раз это время и приходится на Святки, и тогда чуды ходят по земле среди людей, могут и подшутить, могут и указать, что будет, а могут, чего доброго, и с собой утащить. У наших-то раньше ещё был обычай: мужики в эту пору садились на лошадей и скакали во весь опор по улицам — это называлось «чудов топтать», что значит «чертей гонять». А пока чудов не прогнали, самое время узнать, что они предскажут — может, и что путнее.

Сначала пошли по следам гадать. По одному не ходили — страшно.

Одна девка только выскочила за ворота — подружки даже за ней не успели — как попались ей следы будто от лямпов — охотничьих лыж. Значит, решили, жених охотник будет. Вторая пошла с подружкой в другую сторону — увидела следы пимов да рядом копыт конских, больших и маленьких, кобылы с жеребёнком — значит, жених зажиточный будет. Пошла и мачехина дочка. Воротилась невесёлая, сердитая, подружек расталкивает. Попались ей следы лаптей, да одна нога ещё и приволакивалась — это сулило жениха бедного, да к тому же пьяницу или хромого.

Юлианна ВАДБОЛЬСКАЯ. Прозаик, поэт, переводчик, филолог, преподаватель английского языка. Публикуется в альманахе Союза литераторов РФ «Словесность», альманахе Союза писателей России «Литературная Пермь», газетах «Пермский писатель» и «Перемена-Пермь», всероссийском альманахе поэзии и прозы «Почерк», литературном альманахе «Царицын», сборниках издательства «Союз писателей» INOE. Победитель литературных конкурсов «Пишут учителя» в различных номинациях и конкурсов художественных переводов. Победитель конкурсов III Международная премия в области литературного творчества для детей «Алиса-2021», IV Международная премия в области литературного творчества для детей «Алиса-2022» в номинации «Магическая проза для детей». Член жюри конкурса V Международная премия в области литературного творчества для детей «Алиса-2023». Лонг-лист Международной литературной премии имени А. И. Левитова (2025). Живёт в городе Перми.

¹ Собирательное название низших духов в мифологии коми.

² Водяной в мифологии народов коми.

Вышла Катерина последняя и решила отойти подальше, вблизи-то снег уже был весь истоптанный, подружками исхоженный. Девки отговаривать стали, мол, ветер подымается, страшно, обожди, завтра ещё погадаем, но Катерина говорит: хотите — не хотите, пойду — и всё, а то завтра, того и гляди, мачеха опять работой завалит, не до гадания будет. Пошли. Вот идут они и видят — из-за пригорка будто тянутся следы сапог фабричных, с каблучком, подковками подбитые. Интересно стало Катерине, куда поведут. Пошла она по следам, а они повернули к реке. Тут ветер сильнее поднялся, позёмка начала мести, и показалось девушке, будто видит она ещё и следы гусиных лап. «Вот, надо же, — подумала, — у той мужик с конями, а у меня — с гусями». Подружки дивятся — эво, какие дорогие сапоги, да ещё и гуси. А сестрица сводная, мачехина дочка, того пуше злится.

На следующий день одна из подружек предложила пойти к проруби гадать. Да девки побоялись: в прошлом-то году один парень отправился слушать чудов на гумне, так ведь ужас, что было! Очертил круг кочергой и сел на телячьей шкуре. Долгонько сидел, а ничего не слышать, лишь как будто что-то под шкурой пошаркивает. А это вроде как к тому, что летом придётся много сена возить. Но вдруг думно стало: да всё ли ладно? Глаза открыл и видит: сидит всё так же на шкуре, но возле проруби, а хвост телячий уже в воде. Кабы не спохватился — кульпияны затянули бы в прорубь. А так вышло потому, что хвост оставался по-за чертой. За него и волокли чуды.

Решили гадать по полену. Это, почитай, самое простое гаданье, но самое верное, редко обманывает. Тут всего-то надо полено из поленицы достать.

Первая девка вытянула полено суковатое да растрескавшееся — значит, жених будет неуклюжий, неказистый. Мачехина дочка тоже вытянула — попалось ей полено корявое да кривое. Забросила она его с досады в снег, а подружка её тем временем вытянула гладкое да прямое. Потянула и Катерина брёвнышко. Засунула руку подальше, а там сыро, будто кто-то воды плеснул в поленицу. Вытянула полешко гладкое, узкое да длинное и даже без коры. Что бы это значило, думает, то ли бедный совсем, что даже одежды нет, то ли ладный да пригожий?

Перед сном мачехина дочка набрала из речки два ведра воды и поставила их во дворе, дужки вёдер сцепила замком, а ключ спрятала под подушку. Это чтобы жених приснился и ключ попросил. Расстроилась сильно из-за первых-то гаданий, потому и решила ещё раз судьбу испытать. Всю ночь ворочалась, спала беспокойно, встала поздно, пошла проверить — а вёдра без замка стоят.

А Катерине той ночью сон приснился. Явился к ней во сне вакуль-водяной, с длинных волос вода льётся, тело рыбьей чешуёй покрыто, лапы перепончатые по полу шлёпают. Пришёл и говорит: «Сестра твоя закрыла не вёдра, а прорубь на речке. Я в то время был на суше. Отпусти, отомкни замок, а то погибну». Пожалела Катя водяного, взяла ключик тайком у сестрицы из-под подушки, побежала во двор и открыла замок. Узнала об этом мачехина дочка, вот, думает, у самой-то как всё хорошо было, а мне гаданье испортила. И злобу затаила.

Зима тем временем к концу подошла. По весне, как снег сходить начал, пошли сёстры на речку бельё полоскать. Мачехина дочка думает: вот сейчас я Катьке-то отомщу. И только захотела Катерину

в спину толкнуть, как сама поскользнулась на мостках и полетела в студёную воду. Катя только-только успела её за руку ухватить, из воды тянет, а ту словно за ноги кто-то держит, не пускает. Никак вакуль с кульпиянами схватили! Закричала тогда Катерина: «Отпусти, отпусти, вакуль!» И вытянула сестрицу.

На Красную горку, это значит, уже после Пасхи, некоторых подружек посватали, сбилось у них гаданье. И к мачехиной дочке сваты приходили от хромого бобыля, а та упёрлась, не хочу, говорит, выходить за мужика в лаптях — он и мне сапожек не купит.

Только к Катерине никто не сватался. Да и некогда ей было о сватах думать. В большом хозяйстве всегда работы много, а когда мачеха сверх того загрузит — не то что о женихах, о себе забудешь. Так и весна прошла, и лето наступило.

А летом-то на Купалу — её у нас называют Иван лун или Купальница лун — пошли девки хороводы водить, купаться да венки по реке пускать. Бросишь венок в воду, если поплывёт — замуж отдадут. Останется бултыхаться у берега — ещё в девках посидеть придётся.

Подружки веночки пускают, радуются, если далеко уплывёт. Катерина тоже венок сплела. Красивый, с ромашками, клевером да папоротником, красной ленточкой украсила. Бросила она веночек в воду, выплыл он на стремнину, да и утонул.

Катя чуть не плачет. У неё у одной так! А сводная сестрица радуется: так тебе и надо, мол!

А когда подружки обратно в деревню потянулись, вдруг видят — навстречу им парень незнакомый. Красивый, стройный, глаза весёлые, шальные, кудри тёмные по плечам рассыпаны, на нём шапка суконная, рубаха шёлком расшитая да сапоги чёрные. А в руках держит венок Катерины — приметный был веночек, с красной ленточкой.

На девок-то, которые вместе с Катериной шли, словно морок накатило. Стоят и двинуться не могут. Потом очнулись, глядят — а Катерины-то и нет. Только следы на дороге от сапог подкованных да от Катиных лапотков обратно в сторону речки повернули. Пошли посмотреть, куда это подруга их скрылась, а там, ближе к берегу, на песке только следы лап гусиных виднеются. Так и пропала тогда Катеринка. Некоторые говорят, взял её вакуль в жёны.

Так оно или нет — точно неизвестно, да только мачехина дочка потом на речку за водой долго не ходила, боялась. А воду носила с колодца, что на другом краю деревни.

Василий КОЛЬЧУРИН

ВАНЬКА, НО НЕ ДУРАК. Рассказ

Повезло же Ваньке в жизни: в гробу он видал эту работу, поплёвывает день-деньской себе в потолок, ни гроша в кармане, а присмотреться — и морда красная с двумя подбородками, и как солидный человек, с животиком. И хоть по паспорту он Иван, слывёт под прозвищем Ельцин, оттого что никак не получается отрезветь, чем и мучился-страдал тоже наш покойный бывший президент, в глазах односельчан слывёт как дурак дураком, но в корне с этим не согласен. Как рассуждает мужик, «сами бы посмотрели на себя в зеркало».

Детство Ваньки протекало, как и у многих. Родители души в нём не чаяли, один ведь кровинушка, берегли как зеницу ока, ничем не утруждали. Мал, мол, ещё, успеет, наработается. Даже не заметили, как сынку-то уже восемнадцать стукнуло.

— После армии будет хорошим помощником, кормильцем, — мечтали родители.

Но медицинская комиссия признала дитяню почему-то негодным к воинской службе. Будто психиатр забраковал, будто будущий воин немного задет на черепушку. А Ванька особо и не переживал, даже был рад такому заключению.

Как и прежде, изо дня в день отпрыск без дела мерял деревню, прожигал свою беззаботную молодость. А иногда набивался кому-то в помощники: то расколел дрова, то окажет помощь в огороде, то поможет разрешить проблему во время сенокоса. Да мало ли в деревне работы? Конечно, не за «спасибо». Что он, дурак что ли? Одним словом, и соседи довольны, и Ванька сыт по горло и пьян. Только в последнее время начались какие-то претензии к нему со стороны родителей, на что Ванька так саданул кулаком по столу, аж кастрюля с квасом отлетела бог знает куда. И правильно, мол, поступил: пусть знают своё место в доме и не забывают, кто здесь хозяин.

Так летели-таяли год за годом, которые прибрали на тот свет поочерёдно и отца, и мать. Конечно, в жизни Ваньки круто ничего не изменилось, ведь с едой пока проблем не было. А если что, можно было кое-что и продать. Благо, всякого барахла старые накопили, хватает. А зачем всё это Ваньке? Поэтому со временем он многое разбазарил не глядя, пропил.

В одно прекрасное осеннее утро Ванька оклемался ни свет ни заря. Скорее всего, холодрыга в доме дала о себе знать. Но не это

Василий Григорьевич КОЛЬЧУРИН родился 8 октября 1961 года в деревне Мечкор Белоевского сельсовета Кудымкарского района Коми-Пермяцкого национального округа (сейчас — Коми-Пермяцкий округ Пермского края). Окончил Мечкорскую начальную школу, учился в Отевской восьмилетней и Белоевской средней школах, в ПГПИ на филологическом факультете. Пишет юмористические рассказы на коми-пермяцком и русском языках. Изданы книги: «Медбёрря греххез» [«Последние грехи»] (2002), «Адзисыльтёдз, старик» [«До свидания, старый!»] (2013), «Эн осудит менё, мамок» [«Не осуди меня, мамуля»] (2020). Лауреат первого Всероссийского фестиваля финно-угорской прессы. Победитель 3-го международного Евразийского литературного фестиваля фестивалей ЛИФФТ-2018 в номинации «Проза. Короткий рассказ». Член Союза писателей России (2022).

больше тревожило мужика: после вчерашнего душа требовала опохмелки. Осмотревшись вокруг, ничего не попало на глаза выпивохе, что бы можно было поменять на спиртное. Да и жизнь в последнее время как-то изменилась, проблемы начались и с питанием. И тут его башку осенила очень уже хорошая мысль: а не перемахнуть ли хотя бы на зиму к Анисье, которая давно уже положила на него глаз? Женщина она приятная, опыта в любовных делах — хоть отбавляй, да и с хозяйством у неё всё в порядке. К тому же есть неплохая пенсия. Да и чёрт с ним, что почти на тридцать лет старше. Разве мало таких, которые проживают в подобных же браках?

Четвёртый год уже пошёл, как Ванька пригнулся у Анисьи. И живут не хуже других. Так можно судить больше по Ваньке: покрасневшая харя ещё больше округлилась, шире стала, спиртное, словно лекарство, принимает строго по графику каждый день, а живот... Такое ощущение, как будто собирается произвести кого-то на этот свет. И вправду, один в один откормленный хряк. И чем его житуха плоха? Ну чем не Ельцин? Главное, как размышлял мужик, чтоб башка на плечах была. И кто ещё осмелится каркать, что Ванька дуралей? Скорее могут найтись, которые сами немного задеты на черепушку.

Елена РАМОС-ПАВЛОВА

ТАНЬКА. Рассказ

Высокие-высокие, толстые ели со свисающими мхами-бородами бежали назад, а бойкие молодые ноги несли девушку всё вперёд и вперёд, дальше в лес. Но она не замечала этих вековых исполинов, глаза её застилали слёзы, сквозь них почти ничего не было видно, ступала не разбирая куда, ноги путались иногда в ветках, проваливались в глубокий ещё местами снег, в затянутые тонким льдом ямки. Полы её пальто шлёпали по ногам, а ёлки так и тянулись зацепить их, притянуть к себе. Иногда сучья дергали её то за ворот, то за рукав, тогда с губ девушки срывались рыдания. Она смахивала рукавом ручки, стекавшие по щекам, порой это за неё делали колючие ветви, окружавшие со всех сторон.

Ноги девушки слушались всё хуже, чаще заплетались, и вскоре она спотыкалась уже на каждом шагу, цеплялась за ветви, чтобы не свалиться. Один раз девушка зацепилась ногой за корень и полетела вперёд, больно упала на бок, успев выставить вперёд руки. Она перевернулась на спину. Перед глазами расстелилось вечернее небо, по которому ночь начинала растягивать свои тёмно-синие краски. Последние лучи солнца касались самых верхушек таёжных исполинов, вглубь леса они уже не проникали. Девушка огляделась: в лесу уже совсем темно, на шаг вперёд ничего не разглядишь. «Вот и всё, я здесь останусь и замёрзну. Пусть так и будет. Пусть обо мне никто ничего не узнает!»

Вскоре девушка почувствовала, что лежать вот так на сырой земле очень холодно. «Нет, долго ждать придётся, пусть бы меня уж кто-то съел». Пальто постепенно пропитывалось влагой от сырой земли, пришлось встать. Девушка шагнула в темноту с вытянутыми руками, ощупывая деревья.

«Поищу место посуше и там буду ждать». Но тут обе ноги увязли в воде. «Этого мне только не хватало! — выругалась про себя девушка. — Кажется, я забрела в болото!» Вода сильнее сдавливала ноги с одной стороны — значит, это не болото. «Наверное, это ручеёк и не очень глубокий, раз я только вошла в воду, а течение уже заметно». Она перепрыгнула на другую сторону ручья, как можно дальше, чтобы не набрать воду в оба сапога. Один сапог всё же зачерпнул воды. Путница продолжила наощупь идти вперёд. Она почувствовала, что

Елена Аркадьевна РАМОС-ПАВЛОВА родилась 12 сентября 1976 года в деревне Кукушка Кочёвского района. После окончания школы работала внештатным корреспондентом в газете «Иньвенские вести», позже в редакции газеты «Парма» в г. Кулымкаре. В 1994 году поступила учиться на факультет журналистики в Российский университет дружбы народов в г. Москве. Закончив учёбу в университете, работала переводчиком испанского языка. Вышла замуж за гражданина Перу. В последние годы преподаёт испанский взрослым и детям. Писать начала в пятнадцатилетнем возрасте. Толчком послужило объявление в окружной газете о литературном конкурсе. Заняла 1-е место в литературном конкурсе с повестью «Танька» (1991). Долгое время ничего не писала. С 2013 года пишет на русском и коми-пермяцком языках. Публиковалась в литературно-художественных сборниках «Иньва» (2012) и «Иньва» (2017), в приложении к газете «Парма» «Парма ру». Живёт в городе Сходня Московской области.

поднимается в горку. «Там точно суше», — решила девушка и смелее зашагала вперёд. Поднявшись на горку, она оказалась на поляне. Здесь сумерки ещё не успели освободить место ночной темноте. Девушка огляделась: здесь всё так же высились ёлки, большие и маленькие, кустарник, валуны, высунувшие свои плечи из прошлогодней травы. Но что это? Взгляд упёрся в небольшую избушку, силуэт которой еле заметно нарушал ряды деревьев. Да, да, это была хижина! Сердце рвануло вниз, ноги обессилели то ли от долгого бега, то ли от страха. Путница опустилась на мягкий мох вперемешку с сухой травой. Мысленный взор её тут же дорисовал избушке куриные ножки, как в сказках про Бабу Ягу. Но в такой темноте бессмысленно было пытаться разглядеть их. Сердце стучало почти вслух: «Бе-ги! Бе-ги!» Но девушке было всё равно, съедят её снаружи избушки или внутри. И она решила войти.

В хижине была непроглядная темень. Девушка сбросила с ног сапоги, шагнула к стене и наткнулась на лавку. Легла. Одна нога окоченела — в этот сапог попала вода. Девушка закуталась в сырое пальто, подтянула ноги к груди, сжалась, пытаясь согреться.

Усталость, холод и страх вытеснили и высушили слёзы, но остатки рыданий всё ещё вырывались при вдохе, как дальние раскаты ушедшей за горизонт грозы.

Девушка как сейчас слышала резкие и холодные слова своей учительницы, её ругали впервые. И кто? Любимая учительница! «Другая бы, наверное, тут же забыла. Но не я. Мне никогда такого не забыть!» С другого бы как с гуся вода, встал и пошёл дальше, а позже даже и смеялся бы над этой ситуацией. А она не могла, ей как будто сердце ножом разрезали, и слёзы тут же, на уроке, перед всеми одноклассниками, брызнули ручьём из глаз. «Таня, выйди!» — в голове и теперь, как молоточки, били последние слова её учительницы. Танька не помнила, как она добежала до дома, как испугалась мама, увидев дочь в слезах. А когда узнала, укорила Таню, что та только зря напугала мать. Девушка почувствовала, будто ей подставили подножку и она — хлоп, с разбега ударилась об стену. Как оглушённая она смотрела на маму, не в силах высказать, какое огромное горе затопило её душу до самых краёв. Затем девушка сорвалась и бежала, бежала...

Всё это кружилось у Таньки в голове. И снова, и снова — почему? За что? Умереть бы сейчас же!

Таньке, кажется, всё же удалось уснуть. Солнечный луч долго думал, будить ли девушку, но вот он отбросил робость и протянул руки к глазам девушки. Танька тут же проснулась. Глаза ещё не открылись, а губы уже расплылись в улыбке. Но как только девушка раскрыла глаза, уголки рта тотчас опустились. Танька тут же всё вспомнила. «Зачем я проснулась?» — первое, что пришло ей в голову. Она обратно закрыла глаза и долго так лежала. Низко над ней висел бревенчатый потемневший потолок. Девушка села, опустила ноги. Широкая лавка будто специально была сделана здесь вместо кровати. Солнечные лучи, разбудившие её, заливали ярким и весёлым светом небольшую хижину. Всё, что было здесь, — это печка-буржуйка, подвешенный к стене небольшой самодельный столик, длинная полка из одной доски над ним во всю стену, лавка. Над столом же во всю стену висели нитки, на которые были нанизаны грибы и, видимо, кусочки

картошки. На полке не было видно ничего, если не считать мешка. Под полкой на гвозде висел котелок, а в стене торчал охотничий нож. Беглого взгляда вокруг Таньке хватило, чтобы понять, что это охотничий домик. В это время был уже не охотничий сезон — зверьё и птицы ждали потомство, готовились к родительским хлопотам. Поэтому хижина пустовала.

Изучая взглядом своё пристанище, решая, скоро ли здесь может кто-то появиться, Танька забыла напрочь о своём горе. Но мгновение спустя оно вновь навалилось глыбой на её маленькое горячее сердце. Чтобы хоть немного снова разогнать тяжёлые мысли, девушка направилась к двери, чтобы прикрыть её плотнее, так как в щель с тонким визгом врвался ветер. Танька споткнулась о свои сапоги, разбросанные накануне по полу. В домике было холодно, и, как носок на ноге, так и сапог несколько не высохли, ноги мёрзли. «Схожу за дровами, может, хоть ветки сухие наберу».

Она протянула руки к сапогам, но не коснувшись их, отдёргнула обратно. Перед взглядом предстало то, что снова заставило её сердце трепыхаться, как занавески на ветру: на полу чётко были видны следы от мокрых лап. Танька хорошо разбиралась в следах лесных зверей. Папа водил её с собой на охоту с детства. Даже когда он стал слабым и худым от болезни, порой говорил: «Дочка, ну что, пройдемся по лесу? Надоело уже лежать-то». В последнее время они часто возвращались без дичи, но на таких прогулках папа всегда успевал многое рассказать Таньке об охотничьем мастерстве. Сейчас девушка сразу поняла — это следы волка. Если вчера единственным желанием Таньки было, чтобы её быстрее съел волк, медведь ли, то теперь она вскрикнула и быстро вскочила на лавку, как будто сами следы могли вцепиться в её руки. «Я спала не одна?!» — промелькнуло в голове девушки.

Когда в хижине не жили охотники, там ночевала волчица. Она хорошо знала, что охотники придут сюда не скоро. Холод не тётка, а в домике всё же теплее. Не раз волчица звала своего друга волка разделить с ней её тёплый ночлег, но он ни разу не согласился: осторожничал, а может, чувствовал, что умрёт от руки человека... Они встречались, охотились вместе, а вот в сторожку волк ни разу не зашёл. Однажды шли они навстречу друг другу, но так и не сошлись. Волчица бежала, спешила любимому навстречу, знала, что он тоже торопится к ней, и вдруг... Совсем недалеко, как взрыв, прогремел выстрел из ружья. Волчица подпрыгнула, взвизгнула и упала на снег, будто пуля догнала её. Знала она, в кого выстрелили, знала, что её любимый упал, так же как она, но больше не встанет. У волчицы будто разом отрезали все ниточки, соединявшие лапы, голову. Поднялась она, когда в лесу стало тихо и темно. Ноги всё ещё не слушались, но всё же мысль о том, что её друг, возможно, ещё жив, помогала двигаться. Но тут, как кувалдой по голове, её ударил тяжёлый запах крови, а глаза заметили длинный тёмный след на снегу: её волка ташили охотники.

Три дня лежала волчица на том месте, где оборвалась жизнь её друга. Потом она встала и начала бродить по лесу, без желаний, без цели, не боясь вовсе, что и её могут убить. Да и нужна ли была ей сейчас её жизнь? Волчица бродила попусту, не трогая ни зверя, ни птицу. А те будто привыкли, что лютая хищница бродит по лесу, как тень.

Однажды ноги сами вывели волчицу к тому месту, где она проводила ночи — к сторожке. «Не жить, так не жить!» — решила она, переступая порог. Там никого не было, и волчица осталась. Днём она лежала в домике, а ночью всегда ходила к тому месту, где оборвалась жизнь её волка.

Появление девушки было неожиданным. Волчица уже привыкла, что до сих пор в домик никто не наведывался. Приближаясь к сторожке, она почувствовала человеческий запах, но сразу поняла, что он не принадлежит охотникам. Интерес подгонял волчицу. Она привычно поддела дверь лапой, зашла внутрь, увидела девушку на лавочке, осторожно приблизилась, понюхала.

Но вот человек шевельнулся и волчица, сама того не ожидая, выскочила из хижины. Там она остановилась и начала размышлять: с одной стороны, девушка была маленькой, беспомощной и нечего её бояться, а с другой — чего же она боится, если сама искала свою смерть. Так и этак идти ей было некуда и незачем. Волчица положила на свою судьбу и вновь шагнула внутрь избышки.

Танька же, когда увидела следы на полу из-за бешеного стука сердца почти перестала слышать свои мысли. А были они примерно такими: «Это точно не собака, это волк, а так как он вошёл в дом, значит, он тут хозяин. И затем: чего я испугалась, раз пришла сюда совсем не за тем, чтобы защищать свою жизнь? А, будь что будет!»

В это время в дом вошла хозяйка. Танька вжалась в стенку. Волчица была большая, с огромной головой и большими лапами, с пронизывающим взглядом карих глаз. Но лесная хищница была настолько тощей, что непонятно, как её худое тело держит такую массивную голову. Казалось, будто её кожи едва хватало, чтобы обтянуть высохшие кости. Но это была ещё молодая волчица: шерсть её лежала ровно, слегка поблёскивая.

Волчица смотрела прямо Таньке в глаза, а та сидела, будто приколоченная. Мгновенье, ещё одно и следующее. «Сейчас она бросится на меня — и конец! Надо что-то делать!» Когда девушка оторвала взгляд от волчицы, та тоже опустила глаза, и будто удивилась, что это она стоит посреди сторожки и не знает, что делать. «Что же делать? Может, с ней помириться, ведь она здесь хозяйка? Но как?» — думала девушка.

Танька огляделась вокруг. Что же? Что? Она заметила на столе кусок сухаря, видимо, охотники в спешке забыли. «Почему волчица до сих пор не съела эту корочку? Может, ей не нравится?» Танька шевельнула рукой — волчица не двинулась. Девушка быстро протянула руку, схватила сухарик и бросила его на пол к лапам зверя. Волчица даже не наклонилась понюхать Танькин «подарок». «Что же делать?» Девушка снова стала оглядываться.

Волчица, видимо, решила, что хватит пугать свою гостью, отвернулась и легла в угол у двери, где раньше всегда спала.

Танька продолжала сидеть на лавке. Она только что поняла, что её ноги замёрзли, а в приоткрытую дверь дует холодный, пробирающий до костей ветер. Девушка опять посмотрела на волчицу, осторожно протянула руку к пальто, дёрнула его к себе и закуталась. «А она, видно, не собирается трогать меня. Хотя твёрдой уверенности в этом быть не может. Ну а, с другой стороны, зачем ей оставлять меня в живых, раз она такая худая. Голодная же, наверное. А вдруг

она больная? Ведь в лесу много всякой живности, она могла бы охотиться. А может, у неё не хватает на это сил, может, она доживает свои последние дни?» — так размышляла Танька.

А волчица в своём углу тоже думала: «Сердце у этого человека, видно, доброе. Девчонка не причинит мне вреда. Вот и сухарик бросила. Может, подружиться хочет. Надо было хоть просто так принять её подарок, показать, что и я не собираюсь делать ей ничего плохого. Но что-то аппетита вовсе нет». Но тут вдруг желудок послал ей сигнал впервые за много дней. Однажды она уже пробовала корочки, оставшиеся после охотников, они ей понравились. И сейчас голод подтолкнул волчицу к этой корочке, она осторожно взяла её кончиками зубов и проглотила, затем легла обратно на своё место.

«Что я ей бросила? Хлеб что ли?» И тут желудок девушки тоже напомнил ей, что уже сутки в нём ничего нового не было. Тут Танька вздрогнула от мысли, что только что съеденная волчицей корочка могла быть последней. Девушка с надеждой посмотрела на стол, но там ничего больше не было. Она чуть не взвыла. Танька посмотрела на полки и снова увидела там мешок. Она и думать перестала о волчице, взобралась на стол, развязала мешок — из него посыпались сухари. Танька сгребла в горсть сухарей, спустилась на лавку и начала грызть твёрдый хлеб, оставленный про запас для таких вот случайных гостей, как она. Девушка смаковала, сосала сухари, удивляясь, что никогда не знала их изысканного вкуса. Она забыла теперь о своём горе, о неожиданной соседке. Волчица наблюдала за радостью девушки, а живот её тем временем урчал, из уголка пасти потекла слюна. Танька обнаружила, что корочек в руке уже не осталось, и тут только она вновь посмотрела в сторону волчицы, и поняла, что та умирает с голоду. В сердце девушки всё перевернулось: ведь волчица могла бы кинуться и отнять у неё еду. Но не сделала этого, не сделала! Танька ощутила жалось к своей новой знакомой, вспрыгнула на стол, сгребла кучку сухарей.

«Радостью надо делиться!» Но когда спрыгнула на пол, страх вновь обуял её. Девушка положила на пол несколько сухариков и взлетела на лавку. Волчица подошла и друг за другом подобрала все корочки, затем подняла на Таньку свои глаза. В них чётко читалось, что она не наелась. Не спускаясь с лавки, девушка наклонилась и положила ещё несколько сухариков перед волчицей. Зверюга снова съела хлеб и подняла глаза на свою гостью. В этот раз в них сияла благодарность. Волчица вернулась в свой угол. «Не съела меня, значит, уже не съест, — вздохнула Танька. — Как же холодно всё-таки!»

Девушка потихоньку подошла к своим сапогам — волчица даже не сдвинулась с места, хотя следила за соседкой глазами. Танька обулась — волчица продолжала лежать. Но что было делать, если грозное животное лежало совсем у двери и не спускало с неё глаз? «А, будь, что будет!» И Танька одним прыжком бросилась за дверь.

Тропинка вела от двери хижины вниз под пригорок к ручью. Танька присела на камень возле воды. «Тише, сердце, тише!» Девушка огляделась вокруг. Днём здесь было всё иначе: лес уже не казался таким близким и страшным, а ручеёк был узким, два раза перескочить. Он с шумом бурлил-нёс свои весенние талые воды. Место для хижины было выбрано продуманно: она стояла на пригорке, со всех

сторон окружённом хвойными деревьями, кустарником, а в центре возле домика простиралась широкая поляна. Возвышенность была небольшая, но тропинка от домика к ручью спускалась очень круто. Хижина была залита теперь солнечным светом так, что больно глазам смотреть на неё. На пригорке снег весь сошёл уже, а здесь, в низине, он лежал ещё рыхлый и глубокий. Разлившийся весенний ручеек готов был прихватить его, да и унести с собой хоть сегодня.

«Как же здесь хорошо! Как привольно!» — думала Танька, втягивая всей грудью сырой лесной воздух. Сидела бы хоть до ночи возле говорливого весёлого ручья, да вспомнила, зачем пришла сюда. По спине девушки дрожь пробежала, когда она представила, что так или этак придётся возвращаться в холодный домик, войти в логово хищницы, ходить, ощущая постоянно на себе её внимательный взгляд. Но, несмотря на постоянное ощущение тревоги и опасности из-за близости лютой волчицы, Танька даже не допускала мысли о возвращении домой. Девушка собрала сухие сучья, наломала их и поднялась вверх по узенькой тропинке. Волчица по-прежнему лежала на том же самом месте. Когда Танька открыла дверь, хозяйка посмотрела на неё, как показалось девушке, с надеждой, одобрением и будто приглашающе. В глазах зверя, казалось, промелькнули искорки радости.

Танька бросила сучья к печушке, бересту она надрала со старых берёз у ручья, спички нашла на полке. Рука её уже взлетела над коробкой, чтобы добыть яркий огонёк, но тут в голове промелькнуло: «А что, если хозяйке (так Танька называла про себя волчицу) не понравится это?» Девушка повернулась к волчице, та с интересом наблюдала, даже не собираясь вмешиваться. Танька растопила печку. Язычки пламени бойко засакали по бересте и сухим веткам. Хозяйка с удивлением и тревогой смотрела на огонь.

Вскоре в хижине стало тепло. Танька сняла носки, разложила их около печи, расстелила поближе пальто. В комнате уже стемнело, только шёлки дверцы печушки отбрасывали полоски света на пол, немного на дверь, на глаза волчицы. Девушка отвернулась к стене. О чём она думала? Конечно, о волчице. О ком думала волчица? Конечно, о Таньке. Так человек и волк заполнили мысли друг друга. Занятые своим новым знакомством, размышляя о невероятной ситуации, образовавшейся в их жизни, грустные мысли обеих забились в какой-то очень дальний угол.

Проснулась Танька от сна. Ей снилось, будто кто-то целится в неё из ружья, и куда бы она ни повернула лицо, дуло всегда оказывалось перед её глазами. Девушка проснулась, открыла глаза, перед её лицом было не дуло, а морда волчицы, её глаза смотрели пристально. Танька вскочила с громким визгом, прижалась к стенке. В эту ночь волчица никуда не ходила, она сидела рядом с лавкой и наблюдала за спящей Танькой. Никогда ещё волчица не решалась подойти так близко к человеку, не было в её жизни таких случаев. Но девушка казалась такой беззащитной, что бдительность хищницы совсем исчезла. Она просто сидела, наблюдала за девушкой и думала о чём-то о своём.

Танька проснулась неожиданно, закричала, волчица метнулась в сторону. «Ну вот, напугала». Девушка села, поджав ноги, стараясь успокоить себя. «Что случилось? Да ничего. Просто хозяйка решила рассмотреть меня. А может, что-то другое? Нет, не нужно так думать! Прочь плохие мысли!»

Солнце уже разлило свой ласковый свет в окне напротив лавки, но не успело ещё упасть на лицо девушки, разбудить её, волчица опередила. Всё было так же, как вчера, но всё было иначе. Танька хоть и вспомнила о той беде, которая привела её в эту лесную избушку, но не стала уже ломать голову, почему так получилось и что будет дальше. Она поняла, что сердце уже не сжимается от боли и обиды на слова учительницы, да и мамы. Девушка поняла, что надо продолжать жить. И помогли ей прийти к этой мысли утреннее солнце и новая знакомая — волчица, во взгляде которой не было ни боязни, ни неприязни. Танька протянула руки к солнцу. «Какое же ты весёлое, мне нужно стать такой же!»

Какими бы тёплыми ни были утренние лучи, а в хижине за ночь стало очень холодно. Да, да, нужно было продолжать жить. Танька сходила за сухими ветками, растопила печушку, поставила в котелок снег, принесённый от ручья, решила сварить похлебку из сухих грибов и картошки. На полке нашлась ложка, а вот соль нет. Поэтому суп получился пресным, да и довариться не успел. Но всё же это был горячий суп. Танька дула на дымящуюся ложку, медленно отправляла в рот своё варево. Волчицу она покормила сухарями, как и накануне. После этого девушка решила заняться такими повседневными для её прошлой жизни вещами, но такими ненужными здесь, как ей казалось совсем недавно. В кармане пальто нашлась расчёска. Густая Танина чёлка стремилась закрутиться в разные стороны, поэтому в школе девушка часто поправляла волосы. Сейчас Танька распустила свои длинные, до талии, густые русые волосы, причесала их и снова заплела в косы. Теперь следовало бы умыться. Девушка усмехнулась про себя: «Как кошка: сначала поела, а потом умываюсь». Она взяла с собой котелок, чтобы помыть его в ручье.

Утро уже перешло в тёплый весенний день. В лесу стояла такая пора, когда земля отдыхала от сброшенной зимней шубы, сохла под нежными лучами весеннего солнышка, прежде чем внезапно выбросить из-под прошлогоднего покрова сразу тысячу разных ростков.

Танька постояла около домика, затем встряхнула головой от наслаждения, которое окутало её на залитом солнцем пригорке. Тепло растекалось в груди, росло и поднималось вверх, ещё чуть-чуть и ноги оторвутся от земли. Танька побежала вниз, перепрыгивая с камня на камень, которые были уложены по тропинке в некоторых местах, чтобы она не была слишком скользкой в дождливую погоду. Внизу было прохладно, последние клочки снега спешили соскользнуть в ручеёк, отдаться быстрому течению его вод, стремясь вдаль, будто где-то там они ожидали найти помощь или покой.

А речушка меж тем стала почти прозрачной, тихой, на дне видны были все гальки. Танька всполоснула чан, опёрлась коленом на большой камень, на котором сидела тут вчера, стала смотреть на быстрое течение. Кончик косы сорвался и плюхнулся в воду. Девушка звонко рассмеялась, достала косу из воды, выжала её. Танька стала плескать в лицо ледяной водой, наклонившись низко к ручейку. Лицо в воде смешно морщилось, убегало. Бодро и весело Танька взбежала на пригорок, размахивая пустым чистым котелком. «Отчего мне так хорошо? Не слишком ли быстро я забыла о своём горе? Что это со мной происходит? Разве можно далеко от дома, бог знает в каком затерянном уголке, вот так радоваться?!» Но грусть не спешила воз-

вращаться туда, где она была полной хозяйкой ещё накануне. Таньке было просто хорошо, и не хотелось думать ни о чём плохом.

Улыбаясь, девушка распахнула дверь хижины и вошла внутрь. Тут её радость будто водой смыло: волчица по-прежнему лежала в своём углу, она быстро подняла голову и посмотрела на Таньку. Её глаза были большие и влажные, из них струилась грусть, заполняя всё вокруг. Девушка остановилась, притихла, будто виноватая в том, что веселится в ту пору, когда никому этого не следовало бы делать. «Отчего она такая грустная? Почему бы ей не радоваться тогда, когда мне так радостно? Разве не видит она, какая благодатная пора пришла в лес? Надо бы с ней подружиться, пусть и ей будет так же здорово, как мне сейчас. Но как?» Волчица поняла, что испортила девушке настроение, встала и вышла. Таньке стало ещё хуже, но не от того, что к ней вернулись мысли о родном доме, а от того, что волчица всё поняла и оставила её одну. «Ну вот, и она поняла меня не так. Никто меня не понимает». Слёзы покатались по её щекам. Почему после счастья приходит горечь, после улыбки — слёзы? Но, как и все мысли, эти тоже не стали слишком долго задерживаться в молодой голове. То ли голод напомнил о себе, то ли здравый смысл, но Таньке на глаза попался мешок с сухарями. И может, от того, что недавняя грусть ещё не совсем рассеялась, девушке в голову вдруг пришла такая мысль: а ведь мешок-то не бездонный! Эти сухари когда-нибудь закончатся и тогда... Что будет тогда, девушка даже боялась додумывать. Сколько ещё она пробудет здесь, Танька не знала. Единственное, в чём она была твёрдо уверена, — домой не вернётся ни под каким гнётom.

Следовало бы рассчитать, сколько сухариков в день можно съесты, чтобы выжить, чтобы растянуть их как можно дольше. А волчица? Тут же Таньку озарила ещё одна мысль, которая раньше почему-то не приходила в голову: а ведь скоро появятся пистики, а за ними пикан, а затем земляника, грибы!!! Ох, да чего только в лесу не вырастет летом! С этими мыслями к Таньке пришёл сон.

Девушка проснулась от ощущения, что в неё снова целятся. Она вздрогнула и открыла глаза. Перед ней снова была морда волчицы. Девушка в этот раз уже сдержала крик, но быстро села, вздохнула. Хищница отвернулась и ушла в свой угол. Как и накануне утром, солнце ещё не успело дойти до лица девушки, оно ярко освещало дверь хижины, место, в котором всегда лежала волчица. Танька протерла глаза, всё ещё пытаясь отделаться от послевкусыя своего сна. Девушка посмотрела на свою соседку, та в ответ тоже подняла голову и посмотрела на Таню. Во взгляде волчицы было что-то новое, непонятное, будто она что-то спрятала за спиной и не хотела показывать, пока Танька до конца не придёт в себя после сна. «Поздно, видимо, пришла. Кто же ты такая? Почему в твоих глазах столько же грусти, сколько было, когда мы встретились?»

Танька любила вот так посидеть в кровати после сна, вспомнить, где побывала за ночь, что повидала. Но солнце уже добралось до её стены, и теперь всю было в глаза. Девушка сбросила с ног пальто, им она укрывалась на ночь, спустила ноги. И тут она заметила на лавке, недалеко от того места, где лежала недавно её голова, то, из-за чего, видимо, так непонятно и таинственно смотрела волчица на девушку этим утром. Это был... заяц! Танька посмотрела на свою соседку, та даже привстала на месте, но потом улеглась обратно, положила

на лапы голову. Она явно была довольна собой и произведённым на гостью впечатлением. У Таньки навернулись слёзы на глаза. «Это она мне принесла? Мне?» Девушка готова была броситься на шею хозяйке, прижать её к себе, расцеловать (удержал её в этот момент только страх, который ещё таился где-то в глубине души). Ликование, восторг раздирали Таньку изнутри, но не от того, что рядом с ней лежала еда, вовсе нет.

Заяц был большой, жирный, на его шее виднелись несколько капель крови, как ягоды, в том месте, где вонзились зубы волчицы. Танька смотрела на добычу и улыбалась. «Так, с зайцем надо что-то делать». Девушка схватила котелок и побежала к ручью. Сегодня птицы пели ещё звонче, на сердце было ещё легче и радостней, и девушка уже знала причину: волчица не сердится на незваную гостью, а хочет подружиться, да, да, подружиться!

Девушка встала коленями на валун у ручья. Отражение сегодня ещё больше нравилось Таньке. Она умылась, зачерпнула воды и бегом побежала к хижине. Потом сбегала ещё раз за ветками, растопила печку. Волчица молча наблюдала, как девушка бежит туда-сюда. Танька быстро освеживала зайца охотничьим ножом (это было для неё привычным делом). Потом взглянула на волчицу, будто спрашивая у неё: «Понравится тебе варёный заяц? Наверняка нет». Она взмахнула ножом, разрешила зайца пополам, протянула одну половину добычице. Волчица медленно встала. «А вдруг человек обманет?» — прочитала Танька в глазах хищницы. «На, возьми», — сказала Танька вслух, и это были первые слова, с которыми девушка обратилась к волчице. Хищница стала приближаться, рука девушки вздрогнула, но не выпустила тушку. Волчица подошла и осторожно, кончиками зубов взяла свою часть. Другую половину Танька сварила в котелке и съела сама.

Девушка хорошо знала окрестности своей деревни, леса, поля, окружавшие её на много километров вокруг. Знала, и в какой стороне от её хижины находится родная деревня, что не так далеко есть широкие поля, ведь есть же у леса конец. Танька отправилась искать эти поля, которые в такую пору уже могли накормить пистиками. Девушка не видела волчицу, но знала, что та ходит где-то неподалёку.

Этот день для Таньки был просто замечательным с самого утра. Как только она вышла на поле, заметила под ногами зубчики пистиков, быстро набрала целый котелок сочных сладких побегов, первой весенней еды, которой природа способна была накормить человека. Девушка с облегчением подумала, что уже не умрёт с голоду. Вернувшись, она сварила пистики не размельчая, с удовольствием посмаковала варево. Сон в этот день свалил Таньку ещё до захода солнца.

Утром девушка открыла глаза, и, как обычно, встретила с глазами волчицы. Танька улыбнулась своей соседке, повернула голову к изголовью. Да. Там, как и вчера, лежала заячья тушка. И девушка сделала то, о чём и подумать накануне боялась — она протянула руку и погладила волчицу за ушами по гладкой, блестящей шерсти. Волчица, слегка смутившись, лизнула Танину руку.

Никогда ни Танька, ни волчица не думали, что могут быть так счастливы вместе. С этого момента дни потекли-побежали наполненные радостью и светом. Впервые Танька не жалела, что появилась когда-то на свет.

Дни становились всё длиннее, но обеим они казались слишком короткими. Ручеёк протянул свой длинный рукав, чтобы девушка с волчицей могли брызгаться и прыгать в кристально чистой воде, тёмный лес укрывал в своей чаше, чтобы бегать меж длинных разлапистых елей, пугать друг друга среди широких вековых стволов, прыгать и кататься на мягком густом мху. Крутой пригорок с поляной в центре будто для того и был создан, чтобы Танька могла, раскинув руки и ноги, валяться под тёплым майским солнцем. А волчица просто лежала в такие моменты неподалёку, она, наверное, думала, что так и полагается делать друзьям: быть всегда рядом. Поэтому же она никогда не отказывалась день ото дня разделять радость девушки, её забавы. А Танька будто из клетки вырвалась, просто летела вперёд, наслаждаясь своей новой жизнью.

Однажды на том поле, где Танька собирала пистики, загремел трактор. Целый день девушка сидела в избушке, прижавшись к волчице. Хищница пыталась отвести Таньку поглубже в лес, когда гул трактора затих, но девушка решила вернуться в хижину, так и стали обе ждать, как же жизнь повернётся. То ли не знали пахари о лесной избушке, то ли некогда им было по лесам гулять, только судьба увела их в сторону от логова Таньки и волчицы.

Однажды ночью над пригорком собралась большая чёрная туча, такая низкая и огромная, что казалось, если она подойдёт своим тёмным краем ещё чуть ближе, то окутает саму избушку чёрной ватой. Танька успела захлопнуть дверь, как воздух встряхнуло так, что стены хижины будто всколыхнулись, белая ночь стала чёрной, и грянул ливень. Таньке казалось, что она попала в морской шторм, что со всех сторон хлещет вода. Но среди этого шума и воды хижина иногда озарялась таким ярким светом, что казалось, небо разорвалось и из него хлынули солнечные лучи. Таньке никак не удавалось заснуть, она металась на своей лавочке, сжимаемая страхом со всех сторон. Ей казалось, что чудовище протягивает к ней руки, а когда внезапно комната ненадолго погружалась в полный мрак, оно будто бросалось на девушку. Танька побежала наконец к волчице, обняла её, погрузила руки в плотную длинную шерсть на шее. Так и уснула.

Утро пришло, как все остальные, — прекрасное, ясное и бодрое, будто приглашало на прогулку. Сейчас в лесу всё проснулось после долгих жарких дней. Умытый ливнем лес блестел под нежным утренним солнцем, капельки дождя висели на всех листочках, на всех иголочках и веточках, мерцая, вбирая в себя свет и раскидывая его миллионами разноцветных искорок вокруг. Птицы, кажется, промыли свои горлышки этими волшебными капельками, и теперь их задорные звонкие песни разлетались далеко по лесу, как никогда до этого не было. Ручеёк, вчера еле заметный между ивняком, нёсся гулко, бурлил, расширяя себе дорогу, он вырос за ночь, и прежнее русло стало для него маловато. В избушке посреди пола растеклась грязная лужа — это вытекла из печушки дождевая вода, попавшая в трубу во время грозы.

Дни стали длинные, ночи светлые. Они проносились быстро, вприпрыжку. Когда на хижину опускалась тёплая белая ночь, в окно молча глядели звёзды и луна, а за стеной во весь голос радовались чему-то своему задорные кузнечики. Танька лежала на лавке и смотрела в окно. «Почему бы людям не прийти жить в лес? Почему они

всю жизнь теснятся, мешают друг другу в крохотных, душных домиках или квартирах? Зачем?» Ответа на свои вопросы Танька не искала, да и существует ли он? После дневных хлопот девушка быстро засыпала. Мысли перед сном были лёгкие, быстро обрывались, улетали, будто разноцветные бабочки. О чём может думать пятнадцатилетняя девушка, когда комнату заливают лунный свет...

Волчица начала заметно толстеть, она с каждым днём всё с меньшей охотой участвовала в Таниных забавах. «Ого, какая ты толстушка стала, вот я тебя откормила! Да пойдём же со мной, лентяйка!» Раньше Танька бы, верно, догадалась, в чём тут дело, но сейчас она не понимала этого, да и не пыталась. Однажды волчица и вовсе отказалась пойти за своей подругой. «Ах, ну и лежи, лежебока!» — и девушка одна побежала в залитый солнечными лучами лес.

Беззаботное время отныне закончилось, волчица перестала даже охотиться и приносить дичь. Таньку это злило, она обвиняла хищницу в лени, обзывала её, а хозяйка хижины только виновато поглядывала на свою соседку.

Девушке пришлось сделать лук и стрелу, наконецником послужил гвоздик, который она достала из стены. Танька также расставляла силки, в которые иногда попадались птицы. Но в основном в эти несколько дней Таньке пришлось довольствоваться грибной похлёбкой. Вот и сегодня девушка обошла весь лес, сделав широкий круг от хижины, но ей так и не повезло в охоте. «Правильно, кому же хочется расставаться с жизнью в такую прекрасную пору?!» И ей пришлось отправиться домой ни с чем. Девушке досадно было не из-за того, что этот день им с волчицей придётся провести без мясного, а от того, что после меткого попадания она летала, как на крыльях от гордости за себя. Настроение у девушки напрочь испортилось: впереди долгий скучный вечер, пресный суп, а волчица будто и не подруга уже.

Еле-еле Танька передвигала ноги, поднимаясь на свой пригорок, в сердцах бросила несчастные лук со стрелой рядом с домиком. Вошла в хижину. Что?! Танька протёрла глаза. Рядом с волчицей лежали пять маленьких комочков. Глаза девушки наполнились радостью и нежностью. Она молча опустилась на порог. «Ой! И как это я раньше не догадалась? Я совсем об этом не подумала! Да нет, один раз всё же подумала. Или нет?» Волчица по-прежнему виновато смотрела на Таньку. Девушка на коленях подползла к своей подружке, погладила её шею. «Ах ты, моя милая, а я-то думала...» Танька присмотрелась к щенкам: только один из них тихо пищал и искал молоко, тыкаясь в мамин бок, остальные были твёрдыми комочками...

Волчица вновь стала выходить на охоту по ночам. Она теперь спешила и стала менее разборчивой, да и удача ей улыбалась чаще, дичь каждый день была в их чане.

Пока шенок только спал и ел, у него даже глаз не было, Танька продолжала одна ходить в лес, иногда брала для забавы лук со стрелой, мысленно ругая волчицу, что та не составляет уже ей компанию. «Зачем ей нужен был этот малыш, ведь нам вдвоём было очень хорошо? Почему этот шенок не умер, как остальные?» Но когда у малыша открылись глазки, а сам он стал похож на смешную пушистую варешку с маленькими лапками, когда он начал бегать по полу хижины и таскать маму за кончик хвоста, тогда уж Танька не находила для себя более весёлого занятия, чем возиться и играть

с малышом. Девушка так и назвала волчонка — Малыш, а тот вскоре стал отзываться на своё имя.

Малыш подрастал. Через некоторое время мама уже стала водить его с собой на охоту. Танька тоже звала с собой Малыша за ягодами и грибами. Иногда девушка с волчком сбегали в лес, носились там, а волчица нисколько не сердилась — ну, что с них взять, дети же! Танька воспитывала Малыша, как щенка — научила давать лапу, приносить спрятанную палку.

Малыш креп с каждым днём. Да и Танины ноги тоже окрепли, бегала она теперь не хуже Малыша, ловко нагибаясь и уклоняясь от веток. Руки тоже стали крепче и ловчее. Только теперь уже никто бы не узнал в девушке, когда-то случайно нашедшей в лесу хижину и оставшейся в ней навсегда, прежнюю Таньку: расчёска куда-то подевалась, да и девушка не собиралась её искать — кому в лесу какое дело, как выглядит её чёлка?! Длинные волосы напрочь запутались — уж не расчесать теперь. Самой приятной и любимой забавой по-прежнему были утренние умывания в лесном ручейке. Девушка громко смеялась, когда видела в воде своё отражение: Танька из ручья была, как косматая ведьма из страшных бабушкиных сказок.

Дни бежали незаметно. Танька не понимала, какой сейчас месяц, может, конец июля или август: ночи стали тёмными, а дневное солнце жарило беспощадно, в лесу всё затихало, по вечерам на улицу выйти не давали тучи комаров, иногда по ночам случались ливни с грозами, как та первая, так напугавшая Таньку. Но сейчас девушка уже не боялась, у неё были верные спутники. А у них ничего не изменилось, всё было хорошо. Волчица-мама, Малыш и Танька жили дружной семьёй. К одному девушка никак не могла привыкнуть — волчица каждый день будила её, пристально глядя в лицо. Перед сном Танька обычно ни о чём не думала, наверное, не успевала. Однажды только вкралась такая мысль: дома уже сенокос, её наверняка искали или ещё ищут, но крепкий сон навалился и мысль растаяла.

Родной дом уже вовсе не снился Тане и совсем не тянул к себе. Девушка быстро засыпала, просыпалась поутру хорошо отдохнувшей, бодрой, в отличном настроении, и всё начиналось сначала, как вчера, позавчера, когда-то. Изю дня в день ничего не менялось. Малыш подрос, стал почти как мама. А в глазах волчицы горели весёлые искорки.

Начались затяжные дожди. Мелкий холодный дождь мог моросить по три дня и больше, на улице похолодало. Выйти из домика означало промокнуть до нитки и продрогнуть до костей. Танька не выходила из хижины в такие дни. Только волчица с сыном по-прежнему ходили по ночам на охоту, принося к утру то птицу, то зайчишку, возвращались они промокшие насквозь. В домике тоже стало холодно, опять нужно было топить печку. Ветки девушка запасала с вечера, чтобы они могли просохнуть к утру. Иногда дул холодный северный ветер, он разгонял тяжёлые дождевые тучи, но не мог никак расчистить небо и вырвать из плена светло-серых плотных облаков желанное яркое солнце. Хорошо, хоть дождь прекращался. И тогда Танька с Малышом выходили в лес собрать грибы и ягоды. На нитках под полкой опять повисли бусы из белых грибов.

На поле, где весной Танька собирала пистики, уже несколько дней был слышен рокот тракторов. В такие дни волчица и Танька опять с опаской ждали неожиданного визита людей. Волки в эти

дни ушли куда-то подальше, и лишь изредка навевались в хижину, чтобы навестить Таньку. Волчица по-прежнему приносила добычу, но уже не оставалась в домике. Однажды девушка даже услышала невдалеке разговор, в душе её всё забурило, зазвенело. Танька не могла решить, оставаться ли ей в домике или спрятаться в лесу. Девушке опять пришли на память родные места, годы, которые она провела в своей деревне. Вспомнились родные и любимые лица, а также просто знакомые.

Голоса людей давно стихли, а Танька всё ещё сидела на полу около двери, словно в оцепенении, с широко раскрытыми глазами, взглядом, устремлённым в никуда.

Вернулись солнечные дни, казавшиеся по-летнему тёплыми. Танька знала, что так бывает каждую осень. Она старалась припомнить название этой поры в природе, но, как ни силилась, оно так и не всплыло в памяти. Это был самый последний привет от уходящего лета. Вскоре солнце опять спрятало своё лицо в серых одеялах облаков и больше уже не показывалось. Ручеёк, прохладный и в самые жаркие летние дни, сейчас обжигал руки холодом. Дождь, казалось, будет идти вечно, но однажды он прекратился. Стало ещё холоднее. Теперь ветер всё время дул с севера, продувая пригорок насквозь, кусты и высокая летняя трава покорно сгибали перед ним свои головы. К утру трава становилась белой от инея.

Однажды Танька проснулась от холода. Зубы стучали, пальто, служившее одеялом, сейчас не грело, печка остыла, в доме было по-осеннему зябко. Девушка посмотрела в сторону печки, сучьев не было. Танька тут же раскаялась, что накануне не решилась в темноте сходить и запасти ветками, как-то слишком быстро и незаметно подкрался вечер. Девушка даже и представить не могла, как сейчас выйти из-под пальто, сунуть ноги в холодные сапоги, выйти на пригорок, обдуваемый всеми ветрами. Её тело тряслось в ознобе. Танька впервые пожалела, что рядом с ней не люди, а волки. Она ещё полежала немного, прислушиваясь к шуму за стеной. В трубе уже перестало завывать, да и за стеной было тихо, а это означало, что ветер успокоился. Конечно, даже в доме стало светлее.

Танька встала, оделась, вышла из хижины. В глазах вдруг закололо, девушка вначале и не поняла от чего. За ночь на мёрзлую землю лёг снег, он покрыл всё-всё вокруг, лёгкими облачками присел на каждую веточку. Он и сейчас мягкими пушинками тихо опускался на Таньку. Девушка протянула ладони навстречу белому пуху. Из её глаз потекли слёзы. Танька очень любила первый снег. В прошлой жизни она радовалась ему безумно: выскакивала на улицу, увидев первые пушинки или выпавший за ночь снег, потом забегала обратно домой, одевалась и тащила своих домашних играть в снежки, бегать по хрустящему новому снегу. Сейчас она испугалась их, может, больше, чем людей даже. Но... снег одержал победу над дождём, зима отвоевала себе место на этой земле, отогнав прочь осень. Танька почувствовала себя бессильной. Девушка сбегала в лес, наломала сучьев, бросила их возле печки. Ещё чуть-чуть и в печке запрыгают весёлые живые огоньки, в домике станет тепло и все плохие мысли улетучатся, а пока в печке темно.

Танька взяла коробок со спичками и что-то тяжёлое вдруг навалилось на сердце, сжало горло. «Что со мной? Всё хорошо, конеч-

но. Это снег так смутил меня, всё ещё сердце на место не встанет». Пальцы искали спички в коробке, но... там их не было. Танька даже не задумывалась, что спички тоже не бесконечны, что и последнюю когда-нибудь придётся выбросить в печку. Руки девушки опустились, голова тоже. Вот и всё.

Танька долго сидела так перед печушкой, затем оделась и вышла. Она пока и думать не могла, что же будет делать. Просто ходила по лесу. Иногда под ногами потрескивал лёд, ступни проваливались в лужицы, но девушка не обращала на это внимания. Сейчас Таньке на всё было наплевать! В хижину она вернулась в сумерках. Легла, укрылась пальто, от холодной лавки было холодно, девушка встала и подложила пальто под себя.

Утром Танька проснулась от сильного озноба, в горло будто кто-то гвозди забил. Сапоги её уже давно прохудились, и когда Таня накануне бесцельно бродила по лесу, в дырки зашла вода. Девушка тряслась, не в силах унять дрожь. Она закрыла глаза и стала снова погружаться в сон. Волчица была рядом, она уже не раз подходила к девушке и начинала лизать ей лицо. Таньке казалось, что это мама обтирает её смоченным прохладным полотенцем, но девушка помнила о своей обиде на маму и каждый раз отодвигала её руку. Волчица пододвинула ближе к голове Тани принесённую из леса птицу, но девушка даже не повернулась к ней. Хищница решила, что зайцы нравятся Тане больше, и отправилась в лес. Малыш остался рядом с девушкой.

К вечеру жар немного спал, Таньку перестало трясти, она проснулась, села на лавку, свесила ноги. Девушка попробовала идти к столу, сделала пару шагов, попятилась и обратно упала на лавку. Её снова знобило, зубы стучали, как автомат. «Сейчас я умру. Или нет? Буду умирать долго-долго». В глаза почему-то бросился большой охотничий нож. Мысль вихрем пронеслась в её голове, так, что Танька ничего не успела обдумать.

— Малыш, Малыш, иди сюда.

Волчонок, радостно прижав уши к голове, подошёл к девушке. Танька схватила нож, и с силой воткнула его Малышу в сердце. Кровь хлестнула из раны, обожгла руки девушки. Танька грела руки в горячей крови. «За что?» — спрашивали глаза Малыша, затем они потухли и закрылись. Девушка сняла кожу с волчонка, расстелила на полу. Таньке вспомнилось, как впервые на тонких ножках маленькая меховая варежка, Малыш, прошёл через всю хижину к ней из угла, где лежали они с мамой-волчицей, как летом катались они вниз с пригорка... Танька рассмеялась. Громче. Ещё громче.

Волчица была уже недалеко от хижины. Её сердце отчего-то сильно затрепетало, лапы ослабли. Она остановилась, прислушалась. Мягкие снежинки падали на её морду, таяли. Лес молчал. Волчица заторопилась домой. Быстрее, быстрее. Она поддела лапой дверь хижины. Танька сквозь смех услышала, как скрипнула дверь, повернула голову, и тут её как кипятком обдало. Девушка быстро села на корточки, уставилась на волчицу. Девушка и хищница несколько мгновений неотрывно смотрели в глаза друг другу. Последнее, что почувствовала Танька, — это зубы волчицы в своей шее.

Литературно-художественный альманах

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРМЬ

№ 36

Автор проекта,
редактор-составитель
Художественный редактор
Корректор

В. В. Якушев
С. Э. Неведомская
И. А. Прокудина

Подписано в печать 08.07.2025. Формат 70x100¹/₁₆.
Гарнитура Souvenir. Бумага ВХИ.
Заказ N 159318. Тираж 100 экз.

Редакция альманаха «Литературная Пермь» внимательно знакомится с письмами читателей. Каждая рукопись, присланная в адрес альманаха и газеты, принимается и рассматривается, при этом не возвращается и не рецензируется.

Указание авторами ФИО, паспортных данных, оперативных контактов и кратких сведений о себе — обязательно.

За достоверность фактов ответственность несут авторы статей. Их мнение может не совпадать с мнением редакции.

ISBN 978-5-6052610-3-2

9 785605 261032 >

Адрес редакции
альманаха «Литературная Пермь»:
614000, г. Пермь, ул. Сибирская, 30.
Пермская краевая общественная
(профессиональная) организация
Союза писателей России.
Телефон 8-951-959-00-93.
E-mail: permsprossii@rambler.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными файлами
в ООО «Ай Кью Пресс»: 614046, г. Пермь, ул. Барамзиной, 42/3.

ISBN 978-5-6052610-3-2

9 785605 261032 >